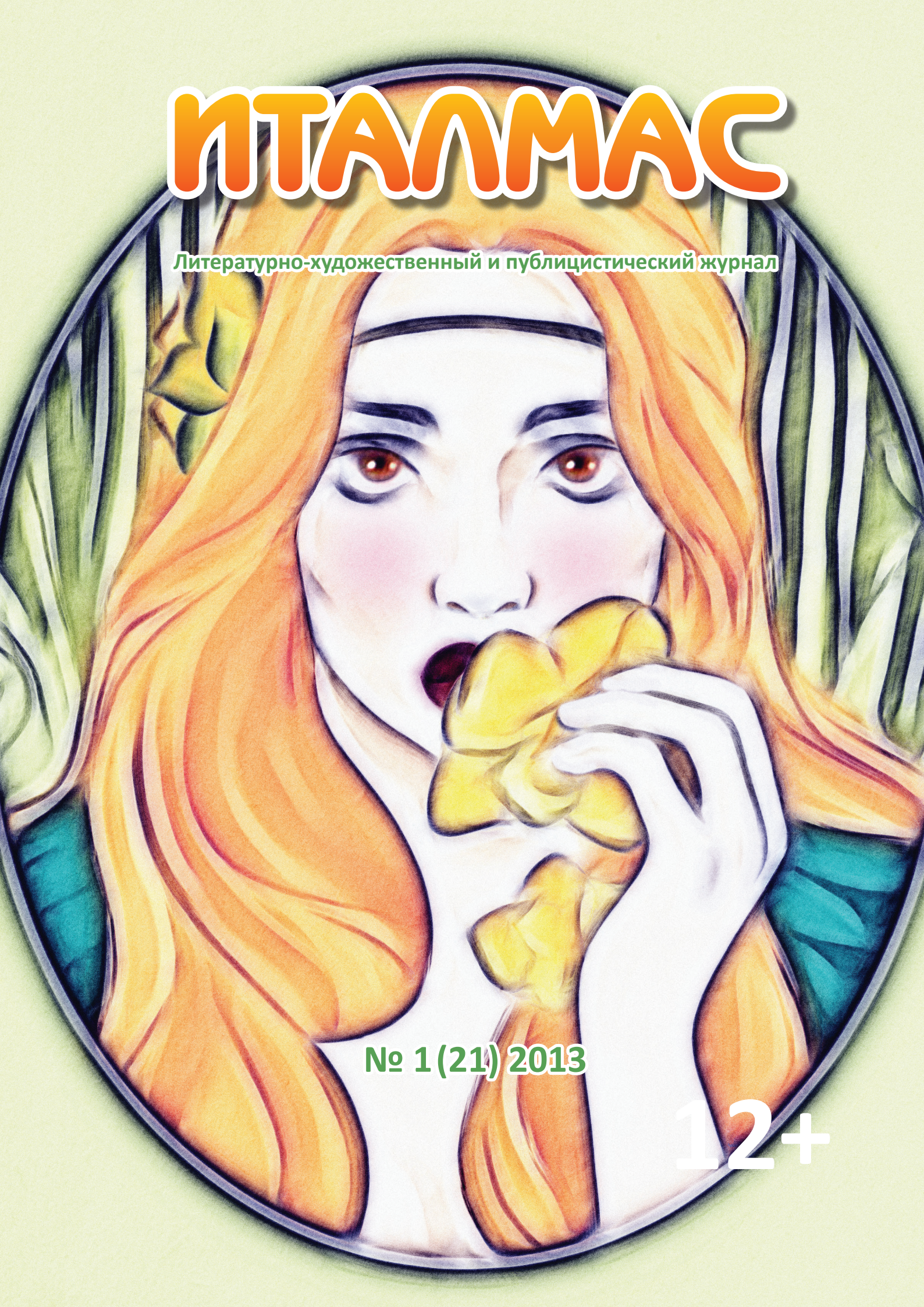
ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал



№ 1 (21) 2013

12+

Народный художник Удмуртии Петр Елкин в своей мастерской.
Фото Наталии Варламовой.

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 1 (21) 2013

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:
Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Александр Михайлович Ермаков
Егор Егорович Загребин
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Анатолий Андреевич Строкин
Наталья Алексеевна Сударикова
Олег Никитич Хлебников
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:
Валерий Александрович Никулин – главный редактор
Наталия Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:
426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 28.02.2013. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,11. Усл. печ. л. 15,38.
Тираж 500 экз. Заказ № 331.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольникова, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2013
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2013
© Авторы, постатейно, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА
Андрей ГОГОЛЕВ Ленин. Самолет. Девушка. *Роман (Отрывок)* 4
Анна БУБНОВА Я буду ждать тебя здесь *Рассказ* 20
ПОЭЗИЯ
Анна ВЕРИНА «И Горний свет мне душу омывает...» *Стихотворения* 34
Горький шоколад 34
«Птица, поющая даром...» 34
Весенний ливень 34
«Любовь меняю только на любовь!..» 34
«Выгуливаю дождь на огороде...» 35
«О самом сокровенном умолчу...» 35
«Сердце, жаждущее Бога...» 35
Наша женщина 35
«Мой задумчивый, мой тихий...» 35
«Все это неспроста...» 35
«Очень странное потрясение...» 35
«Не боли, голова, не боли...» 36
«Ничего не бывает случайным...» 36
«Облачко последней благодати...» 36
«Где-то в неге млеет лето...» 36
«Свитки истин в пробелах дыр...» 36
Поэту 36
«Что-то возникло из боли...» 36
«О, слепота моя! Благословенна...» 37
«Ну, вот и новый поворот...» 37
«Луна, надкушенная справа...» 37
Триптих 37
Ирина КОЛОДИЕВА «Не плачь, душа, не плачь...» *Стихотворения* 38
«Безропотное таянье снегов...» 38
«Дерзким ветром в окно...» 38
«Колеса уходящих поездов...» 38
«Не смотрите мне вслед участливо...» 38
«На время о бездомности забыв...» 38
«Не этого хотела, видит Бог!..» 38
«Ты проникаешь. А я приникаю...» 38
«Никогда ни о чем не жалеть...» 39
«Смирись, душа, смирись!..» 39
«Судеб перепутаны следы...» 39
«Устала. Опустошена...» 39
«Я долго буду о тебе молчать...» 39
«О любви они не говорили...» 39
«Мне ничего не нужно в этом мире...» 39
Николай МРЫХИН «Думай только о хорошем...» *Стихотворения* 40
Банька 40
«Вы говорите: «Нет»...» 40
Гавроши России 40
Жизнь как день 41
Лебедевка 41
Ноченька 41
«Мой сельский край, мой дивный край былинный...» 41
«Думай только о хорошем» 41
ПЕРЕВОДЫ
Ашальчи ОКИ «Когда слышу я шелест весны...» *Стихотворения Перевел К. ГЕРД.* . . .42
Ты спросил у меня... 42
У дороги 42
Как собака... 42
Я глупа была раньше... 43

Вишня белая цветет 43
Если милый... 43
Мотыльки 43
Тамара ПАНТЕЛЕЕВА «Евгений Онегин» в переводе Розы Яшиной 44
Петр СКОБЕЛЕВ «Я приду на погост, посижу...» *Стихотворения*
Перевел А. ДЕМЬЯНОВ. 45
Мусоля трубку 45
Над вечным покоем 45
Алексей ЕЛЬЦОВ «Пыл рябины, сок малины...» *Стихотворения*
Перевел А. ДЕМЬЯНОВ. 46
«И жаворонки в небе трели льют...» 46
«Первоцвет у сугроба встает...» 46
«Пыл рябины, сок малины...» 46
«Спешу-бегу путем-дорогой долгой...» 47
«Родник в истоке – малое дитя...» 47
«Любовным грезам вход не воспрещен...» 47
«За лес, к ночлегу солнце укатилось...» 47
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Людмила БУСЫГИНА Отцы и дети *Кузебай ГЕРД и Флор ВАСИЛЬЕВ* 48
Марина АГЕЕВА Детектив полицейской процедуры Эда МАКБЕЙНА 53
Елена ВЕЛЬДЯЙКИНА Михаил ЛОМШИН Эпические жанры мордовской
литературы *Творчество Андрея КУТОРКИНА* 65
Вячеслав ЗАХАРОВ «Чтоб выжить и остаться...» *Поэзия Виктора МЕЛЬМА* 75
Милитина ГАВРИЛОВА-РЕШИТЬКО В поисках сизой голубки
Рассказы Олега ЧЕТКАРЕВА 78
Роза КИРИЛЛОВА «Как труд наш, как хлеб и любовь...» *Поэзия В. ИВШИНА* 80
ЭТНОГРАФИЯ
Вениамин МОРОЗОВ-БАРИНОВ Еще раз к вопросу о кряшенах 82
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА «И звезда твоя ярко горит...» *90 лет З. БОГОМОЛОВОЙ* . 84
Светлана СКОПКАРЕВА «С душевным трепетом о главном...» 90
Петр ЕЛКИН Созидающая красота 92
Зоя БОГОМОЛОВА «Я желаю вам успеха...» 93
Людмила БОГДАНОВА Мир глазами ученого и поэта *К 70-летию В. ВЛАДЫКИНА* . 96
Ольга АРМАТЫНСКАЯ «И, значит, что-то в этом мире неизменно...» *95 лет городу* . . 101
«Родной мой город, милые места...» *Стихотворение* 101
«При свете утренней звезды...» *Стихотворение* 101
«Айда, мой друг, айда...» *Стихотворение* 101
Олег ХЛЕБНИКОВ «Мне этот город был окном...» 102
«Горит, горит звезда над городком...» *Стихотворение* 102
«Мне этот город был окном...» *Стихотворение* 102
Сергей ЖИЛИН «И становимся выше, и летим над домами...» 103
Семейная фотография *Стихотворение* 103
Зарека *Стихотворение* 103
Нина ПРОКУРОВСКАЯ Город в зеркале своего языка 104
ПУБЛИЦИСТИКА
Нина ЕРМОЛАЕВА Эдельвейс 107
Виталий ЛОЖКИН Три встречи с поэтом 109
Серафима ПУШИНА-БЛАГИНИНА На островах «вечной весны» 111
КРАЕВЕДЕНИЕ
Сергей РЕШЕТНИКОВ Ученый-химик Вера БОГДАНОВСКАЯ 115
ТЕАТР
Лев РОДНОВ Абсурд и принцип 120
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО
Мария ПЕРЕВОЩИКОВА «Песня не прощается с тобой» *Композитор Ю. ЯВКИН* . 125
ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ
Лариса ЛОГУНЦОВА «Пыльца простых историй...» 127
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
Александра ЕМЕЛЬЯНОВА «Я в желтом платье». 129

ПРОЗА

Андрей ГОГОЛЕВ

студент литинститута им. Горького,
идеолог литературного проекта
«Брезентовая цапля»,
г. Ижевск

ЛЕНИН. САМОЛЕТ. ДЕВУШКА

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Роман (отрывок)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Красота, говорят мудрые, требует жертв, но такие мудрецы часто умалчивают о том, каких лишений требует безобразие. Мой добрый знакомый, о котором скоро пойдет речь, знает об этом как никто другой.

Мир наполнен случайностями. Если разобраться, случайность – вещь несложная, это всего-навсего то, чего мы не ждем, то, о чем мы не мыслим, о чем не способны подумать за минуту до происшествия. Часто случается так, что разбираться никто не хочет, и тут начинается: то старухи вываливаются из окон, то президентом страны становится осьминог, а то и сам превращаешься в насекомое. Одни случайности очень приятны, как бывает приятен первый запах черемухи, другие горькие, как горько бывает сломать что-нибудь чужое, доверенное тебе на время. Одни случайности приводят нас к умным, другие к удивительным, третьи к любимым, и только оглядываясь назад, можно увидеть, насколько гармонично рифмуется одна случайность к другой, и каждая из них ведет к Настоящему моменту – самому прекрасному и, по правде сказать, единственному из тех, какие можно почувствовать.

Бывают люди, которые похожи на резиновый мяч, туго накачанный умом и разу-мом, и случайности, как веселящиеся дети, играют таким мячом в «картошку» или футбол. Один из таких – Вова Ульянов, мой друг. Имя многообещающее, но на самом деле революцией от него будет пахнуть только в том случае, если под таким названием выпустят дешевый одеколон или порт-вейн образца знаменитых трех топоров. Вова, сколько я его знаю, всегда работал то сторожем, то охранником, и всегда на эти должности его пристраивал отец – важный чиновник в погонах. Я познакомился с Вовой при странных обстоятельствах, но об этом я еще расскажу. Его рукописи и распечатки переписок из социальных сетей были в ужасном разрозненном виде, и я приложил немало усилий к тому, чтобы их отредактировать и привести в порядок. По целому ряду причин сам Вова не может сделать этого. Редактируя его записи, я сталкивался с некоторыми проблемами, и иногда приходилось пояснять, что произошло, как говорится, своими словами. Я старался делать это как можно меньше. Все, что написано в этой книге, технически выполнил я, и поэтому когда я пишу «я понял», «я подумал», «я ощутил», читателю следует понимать, что я передал запись Вовы таким образом, чтобы было ясно любому из нас, что и как произошло. Не следует заострять на этом внимание, думаю, интереснее будет читать так, будто все истории написаны от первого лица.

Как человек, обитающий рядом с литературой, я замечу только, что Вова придумывал подробности, возможно, даже врал в деталях, но суть вещей он передает верно, иногда с ужасающей искренностью. Говорю об этом, потому что знаю, как трудно дословно пересказывать диалоги или вспоминать цвет какого-нибудь ненужного автомобиля. Однако это не фантастика и не дневники, не мемуары и не притчи, а реальные записи настоящего человека.

Я многое не сказал о нем.

II

Эту историю я рассказываю не в первый раз. Несколько раз я читал ее моим случайным спутникам в поездах, с листов, на которых кое-что для себя художественно обозначал, несколько раз на службе в охране, несколько раз друзьям, пару-тройку раз случайным и неслучайным собутыльникам. Потом листы потерялись, и я держал все сюжеты в голове. Это было похоже на завязывание и распутывание узелков. Я не виноват в том, как распорядилась жизнь, я только рассказывал, как она это сделала. Рассказы мои были долгими, но для дорожного и алкогольного быта в мирное время они были идеальны.

Должен предупредить читателя о том, что я привык к искривленным скептицизмом лицам, привык, что полушепотом честные люди говорят, что это полный бред, а некоторые поддакивают до победного и стараются поскорее удалиться от меня. Бывали случаи, что люди трезвели, слушая мой рассказ, и немедленно уходили с попойки, так меня и не дослушав.

Если говорить кратко: по службе столкнулся с работником свободы, служба перетекла в дружбу, а дружба…

...кратко здесь никак не получится.

Моя фамилия Ульянов. Зовут меня Вова. Угадайте, как меня называли в школе? Правильно. Вдобавок ко всему – картавость и, как впоследствии обнаружилось, склонность к облысению. В школьные годы носить имя Ленина не нравилось, а потом я свыкся, и когда пришла пора завести себе сетевой ник, – а было время, когда было модно выдумывать нечто оригинальное, – я был на высоте. Особенно среди тех, кто знал мое настоящее имя. Да, меня называют Ленин. Но рассказ не обо мне.

Ее звали Wedma. У нее был такой ник. После я узнал, что это не отчаянная женская самоассоциация для того, чтобы соответствовать какому-то жуткому образу, а просто сообщение о том, из какой она организации: we «d. m. associated». Что это за организация, я до сих пор не разобрался и простите, что утомляю: я не писатель, а всего-то бывший сторож заводского склада.

Я полюбил эту Ведьму. В первый раз мы встретились в Казани. Случайно. То есть я тогда так думал. Я проходил там трехдневное обучение, семинары от предприятия, которое мы тогда охраняли, а она, ведьма, вела наши занятия. Слушать было интересно, во всяком случае, лучше, чем по ночам посменно пялиться в мониторы и каждые два часа обходить доверенную территорию.

На семинаре нас было человек пятьдесят. Мужики разного возраста, некоторые ходили на занятия в форме, некоторые – без. Учились с нами и такие кавалеры, которые были уже при медалях и с памятными кортиками, и вот из-за этих-то суженых-ряженых Анна Дмитриевна (это было паспортное имя Ведьмы) называла нас самураями, открыто на нас ругалась за совсем не военную дисциплину. Мы между собой называли ее Анкой-пулеметчицей за ее энергичную манеру говорить.

Был забавный случай. Перед занятием молодой парень с нашего семинара в мятой зеленой форме без нашивок – какой-то полуалкоголик-охранник из какого-то забытого богом провинциального города – встал за кафедру, где обычно стояла она, сделал руками в воздухе так, будто взял невидимый руль, и, воровато оглянувшись, не идет ли она, начал изображать стрельбу из пулемета разбросной очередью по всей аудитории. Парень был долговязый, неуклюжий и узловатый, и поэтому, глядя на его «театр», хохотали все – до исступленного повизгивания и похрюкивания. Полсотни глоток искренне ржали лошадьми, такая реакция публики только задорила этого Дон-Кихота, и его движения за тумбой кафедры приобретали уже сексуальный характер. Он неуклюже двигал тазом, жутко смешно облизывал указательный палец и возил им по воздуху, где, судя по его сценографии, должен быть могучий, раскаленный от долгой стрельбы ствол пулемета. Представление длилось минуты три, и две из них застала Анна Дмитриевна. Она стояла за спиной самодеятельного актера и с саркастическим интересом наблюдала вакханалию. (Смех усилился в тот момент, когда она вошла, а он, бедолага, присвоил лавры себе). Кончилось тем, что наш секс-символ обернулся на мерные хлопки: это хлопала в ладоши Анна Дмитриевна. Вместо лица у парня образовалось красное знамя с двумя горящими стыдом голубыми прострелинами. Он быстро сел, и началось занятие. Когда оно закончилось и случилось так, что в кабинете задержались я и этот артист, он сказал мне отчего-то шепотом: «Не баба, а Сталин!».

III

Я не мог ни о чем думать после каждой встречи с ней. Она знала, кто я, знала все мои гражданские данные, потому что мы сдавали руководителям семинара все документы, а я знал только ее имя, ник и что она доцент какой-то кафедры в Москве.

В тот раз мы почти не поговорили. Только однажды я глубоко о чем-то замечтался в коридоре с фотографиями преподавате-

лей на стенах и не заметил, как оказался перед ее изображением с надписью внизу тонкой деревянной рамки: «Доцент Анна Дмитриевна Преображенская». В момент моего созерцания она, уже настоящая, шла мимо с большой папкой бумаг.

– Вы во мне дыру протрете, Владимир, – сказала она так холодно и резко, будто выплеснула на меня ведро ледяной воды. – Вы итоговую работу сдали?

Я только кивал. Она ушла, я вдохнул и понял, что не дышал, пока она была рядом. Не дышал оттого, что в столовой к второму блюду давали лук. У меня закружилась голова, и я прикинул, что не дышал около минуты, – выходит, чувствовал, что она рядом. В искривляющемся от недавней нехватки воздуха пространстве она удалялась, и звук ее каблуков с небольшим опозданием долетал до меня, плескал в стены и двери, отскакивал звонкими брызгами от высоких университетских окон и эхом снова бил по каким-то давно забытым молоточкам в моей голове.

– Ве-е-едьма, – с луковым амбре выдохнул я, приведя свой беспокойный горизонт в порядок, повернулся и тут же снова увидел ее глаза, дернулся, как ударенный током, а когда понял, что это ее фотография, уже сидел на полу. Ребята с нашего семинара вырулили из-за угла как на зло, и один из них протянул мне свою зеленую камуфляжную руку.

– Никак Вован отметил уже, смотрю, – сказал сержант по фамилии Коршун, которому принадлежала эта рука помощи.

– Ваще чуть-чуть, – ответил я, немедленно притворившись чуть поддатым.

– Ну-ну, – сказал Коршун, – от тебя несет за два кэмэ. Ты аккуратнее, пулеметчица засечет, и г...на тебе на лампасы, а не сертификат обучения.

Коршун всегда выражался художественно.

IV

Vova_Lenin: ты из тех кто считает что мужчина должен сделать первый шаг?

Wedma: ты в своем уме, старичок?

Vova_Lenin: ответь на вопрос

Wedma: ты что, подкатываешь ко мне? ты уже сделал свой шаг, самурай

Vova_Lenin: почему ты издеваешься? то я старичок то я самурай. ты же так не говоришь с нами на обучении? по крайней мере не всегда

Wedma: по настроению

Vova_Lenin: то есть ты нас оскорбляешь по своему усмотрению. мы для тебя стадо баранов. почему ты так?

Wedma: скорее, свиней. что-то ты слишком разговорчив для военного. ты в армии-то был?

Vova_Lenin: не был. пока не был. а говорю я это оттого что ты ведешь себя некрасиво с офицерами

Wedma: тебя папаша пристроил работать. я читала характеристики. отправляет учиться. чего тебе не сидится в твоем Кирове?

Vova_Lenin: в Ижевске

Wedma: один хрен

Vova_Lenin: ты оскорбляешь мой город

Wedma: патриот)))))

Vova_Lenin: нет. просто ты переходишь границы

Wedma: ну что ты зудишь, пограничник, что ты пристал?

Vova_Lenin: я когда увидел тебя все сразу понял

Wedma: чего понял-то? что не карамелька вас ждет, а злая училка?))))

Vova_Lenin: нет

Wedma: ?..

Vova_Lenin: !

Wedma: ?..

Vova_Lenin: !

Wedma: ???????

Vova_Lenin: я люблю тебя дура

Wedma: так

Wedma: давай встретимся!

V

Я ликовал. Мне перестали сниться кошмары. Когда по ночам находишься на нудной службе, а спишь чаще всего днем, после двух-трех месяцев такой посменной пытки кроме кошмаров не снится ничего. То полумертвые собаки в отцовском доме, то пауки лезут из моего собственного рта, то двое каких-то лилипутов начинают выяснять отношения между собой, отрывая мои конечности... И такие сны шли мучительным трек-листом, но вот в один момент все прекратилось.

Она ехала ко мне. То есть в Ижевске у нее были дела, но ночевать она собиралась у меня, а не в гостинице. Это радовало. Что-то вскипало во мне, ворочалось, и я не мог собрать мысли в кучу. Нужно было прибрать в квартире, привести в порядок себя – помыться, побриться, к дню ее приезда научиться что-нибудь готовить, выучиться правильно говорить: многое, многое. Но ничего не делалось, невозможно было определить, с чего начать. Я чувствовал себя так, будто по мне гуляет ветер и быстро вертит крестики внутренних мельниц, но жернова раскололись кошмарами, зерна не стало из-за собачьей работы, в которую ушли все силы, и от моей души осталась только скупая картина разоренной деревни. Такой

Вова Ульянов явно не понравился бы Анне Дмитриевне – не то что Надежде Константиновне. Нужно было работать над собой. У меня было три дня.

Подробно описывать мои мытарства и выклянчивание отгулов у начальства, а также хитрые рокировки рабочего времени с моими сменщиками я не буду. Все удалось. Расскажу только случай, который запомнился мне на всю жизнь и который случился за две мои рабочие смены до приезда Анны. Кошмары, как я уже говорил, прекратились, но явь продолжала удивлять ужасами собственного производства.

На наш склад постоянно завозили разное барахло. Предприниматели за копейки или алкоголь арендовали у завхоза угол и размещали тут все, что хотели: мебель, какие-то доски, мешки непонятно с чем, газовые баллоны неизвестного предназначения, велосипедные колеса, детские игрушки, надувные матрасы, один из братков парковал у нас бульдозер, – в общем, чудовищный ассортимент.

Я спокойно вернулся с обхода в свою будку с надписью «КПП», поставил чайник: пока он не закипал, полагалось выключать в будке свет, чтобы не вылетели пробки. Так и сделал. Была ночь, я подошел к окну, выходящему на территорию открытого склада, где «бардак» был свален в груды у забора. И тут я увидел то, от чего у меня внутри все застыло. Чайник, революционно пробурчав кипятком, щелкнул, и я остался в ужасающей тишине наблюдать плывущие по небу матрасы. Один за другим надутые прямоугольники уносило ветром за забор, где на фоне освещенной парой фонарей хрущевки метались две какие-то длинные палки: видимо, матрасы там ловили и опускали на землю. Понимание происходящего дошло до меня быстро, и я довольно оперативно отледенел. Воруют. Я пошел, не спеша, не включая нигде света, не издавая лишних звуков, прямо к предполагаемой точке взлета этих ковров-самолетов. Было правда красиво: матрасы взлетали по особенной изящной и волнительной траектории, едва не цепляясь за колючую проволоку. Один угол всегда был вверху, и это было похоже на летящие какому-то крупногабаритному адресату черные письма. Матрасы летели ровно, видимо, погода была летной даже для них. Скоро я дошел до источника этого чудесного авиашоу: на мотке рубероида сидел ободранный мальчишка лет двенадцати и через шланг надувал матрасы гелием из баллона, который заботливо был притащен сюда днем кем-то из взрослых.

– Эй!

– Дяденька, не бейте, мне они сказали воровать, я не хотел, дяденька, они заставили.

Он картавил, и слово «воровать» делалось очень атмосферным. Я спокойно подошел к нему. Он не убежал, не привстал, а только вжал голову в плечи и округлил глаза от страха, что буду бить. Я разглядел на его белом лице следы побоев – по опыту знаю, что это человеческой рукой его били, похоже, что били действительно те, кто заставил воровать. Мальчик не выпускал наполовину надутый матрас из рук, рядом с ним шипела небольшая змея шланга, выходящая из-под вентиля на баллоне.

– Мелкий! Ну ты че там, ээ! – донеслось из-за забора.

Я увидел, что удочки, мелькавшие за колючкой во дворах, начали опускаться. Их явно держали руки тех, кто кричал.

– Дяденька, они убить меня угрожали, меня Рома зовут, меня тут все знают, дяденька, – выдавил из себя ребенок, и я подумал, что, может, его так научили говорить, – очень уж советским было это обращение мальчика к грозному мужчине: «дяденька».

– Ладно, мелкий, не сс..., договорились пацаны твои, что все нормально будет, не трону тебя, че. Солдат ребенка не обидит. Давай, надувай резче, воздухоплаватель.

Я увидел, что мальчик успел заплакать от волнения, а сейчас он улыбается. Я вовремя дал ему понять, что все в порядке, причем на том языке, на котором он, вероятно, привык общаться со взрослыми. Я отошел так же не спеша, как появился, чтобы у мальчика не было никаких подозрений, и матрас, потрескав складками, снова взмыл в воздух. Теперь я увидел процесс вблизи: мальчик немного подталкивал матрасы, чтобы те долетали до забора и как раз успевали перелететь через колючку. Краем глаза я заметил, что матрас был пущен неверно, как-то кривовато, и, наверное, он напорется на шипы проволоки, не долетев до пункта Б. Так и случилось. Матрас застыл в воздухе, нижним уголком задел один из шипов и медленно упал черной тенью на проволоку.

– Косорукий! – крикнули за стеной.

Я посмотрел на мелкого. Мальчик виновато развел руками. Следующий «самолет» шел на волю уже в штатном режиме.

VI

Я сделал все по инструкции, кроме одного. Ромку я до конца смены спрятал у себя в будке. Воров этих, конечно же, задержали. Приехали менты, долго смеялись над способом украсть «изделие матрац пляжный «Волна-621». Двадцать восемь штук. Двадцать семь, если не считать ту тень на заборе с виляющими от ветра углами за матрас.

Составили смешной протокол, в котором были слова о том, что «с целью хищения были использованы силы Архимеда». Менты знали про Архимеда. Ай да менты! Я им рассказал, что видел, сообщил, что пацан убежал. Менты уехали довольными.

Вставало утро. Ромка сидел тихо, разглядывал книжку, которую я принес почитать на смену. Лев Толстой. «Воскресение». Я узнал себя. В детстве я убегал от реальности в книги, а реальность крепкими отцовскими руками вырывала страницы жизни, и переплет потрескивал клеем, как еловый костер. Мальчик закрыл книгу, и мы проговорили с ним до прихода сменщика. Разговаривали про книги. Ромка сказал, что читал только сказки.

– Дядь Вов, а у вас есть любимая?

Долю секунды я соображал и только потом понял, что парень говорит о сказке, а не о девушке.

Я помотал головой.

– А у меня есть. Рассказать?

– Расскажи.

Мальчик рассказывал криво, искренне, где-то запинался, путался, что-то додумывал, однако понять сюжет было легко, как и во всех сказках. Эту самую сказку я хочу пересказать здесь.

В одной деревне жила пастушка Хельга. Она была самой красивой из всех девушек деревни. Люди в этой деревне жили тем, что устраивали ярмарки и меняли сыр и молоко на то, что приносили купцы из других краев. Эти купцы скупали весь сыр у Хельги, и каждый купец предлагал ей уехать. Но Хельга была влюблена. В рыцаря по имени Больдемар. Рыцарь этот слыл дураком, всерьез его никто не принимал. Он просто охранял деревню, а когда войны нет, человек в броне и с оружием смотрится негармонично, а то и вовсе смешно. Хельга никому не говорила, что любит Больдемара, потому как боялась, что над ней будут смеяться. Купцам она отказывала всегда и хранила себя, пока не случилось то, что обычно бывает в сказках про девушек и рыцарей. Хельгу украл дракон. Украл, когда Хельга несла крынку молока. Как все сказочные драконы, этот жил в пещере, в которую никому не было входа даже тогда, когда самого дракона там не было. Ядовитые испарения валили на землю всех, кто желал сразиться с драконом. Дракон бросил Хельгу в пещере умирать в ядовитых лужах. Нетрудно догадаться, кто пошел ее спасать. Больдемар снял с себя броню, оставил лошадь и отправился к пещере. Деревенские говорили, что он полный дурак. Их волнение можно понять: украли их Хельгу, единственную привлекательную девушку деревни, и теперь единственный представитель воинства снимает латы и собирается погибнуть у входа в пещеру, как все, кто задумывал сразиться с драконом. На выходе из деревни Больдемар встретил старуху, которая дала ему кувшин с молоком и длинную белую тряпку. Она сказала, что это будет ему броней куда лучшей, чем железо. Больдемар пришел к пещере, голова его закружилась от ядовитого запаха, захотелось пить, и он отпил молока из кувшина старухи. Вскоре он заметил, что чувствует себя намного лучше. Но скоро голова закружилась снова. Тогда он отпил еще молока и все понял: молоко – противоядие. Тогда Больдемар развернул старухину тряпку, облил ее молоком и обмотал себе этой тряпкой лицо. Рядом с пещерой он заметил кожу дракона, которую тот, видимо, недавно сбросил. Больдемар надел ее. Теперь он мог спокойно ходить по ядовитым лужам. Тогда он зашел в пещеру и убил дракона. И Хельга спаслась в пещере, используя то же молочное противоядие, что и Больдемар. Они вернулись в деревню и стали мужем и женой. Больше никто не считал рыцаря Больдемара дураком.

– Все? – спросил я.

– Все, – ответил Ромка и погрустнел оттого, что счел свой рассказ бессвязным.

Мы помолчали. Белый электрический чайник выпустил пахнущего водопроводной хлоркой горячего джинна, щелкнул механизмом и отключился.

– Ромка, а почему у тебя именно эта сказка любимая? – спросил я, указывая на кружку и попутно с вопросом предлагая ему чай.

– Не знаю. Мне рыцарь нравится. Меня вот тоже все дураком называют, – ответил Ромка и мотнул головой, отказываясь от чая.

– Понятно. А что, ты думаешь, только рыцарь может победить дракона?

– Дядя Вова, вы что, сказку не слушали?

– Слушал.

– Дракона можно победить только драконом, для этого же он надевал кожу... А внутри дракона надо оставаться собой. Он же молоком обмотался для этого, разве нет?..

VII

Когда начинаешь писать о женщине, пишешь всегда не о ней – либо о том, как ты ее любишь, либо о том, как ты ее ненавидишь, – то есть, в основном, о себе. Что ж, расскажу о себе.

С детства я читал много книг. Во многих из них главным героем был особенный мужчина, которому в ходе повествования надлежало познакомиться с особенной женщиной. Если бы моя жизнь была кни-

гой, то именно сейчас в ней начала бы завязываться линия женщины безжалостной и прекрасной – то есть такой, какая женщина на самом деле и есть, просто все остальные состояния женщины – дифракция одного потока этого прекрасного и безжалостного света. Из-за глупой неуверенности в себе, которую так тщательно взращивал во мне отец, я всегда боялся красоты. Боялся красиво одеться, боялся красивых женщин, боялся красивых зданий, красивых автомобилей, – в общем, всего, что красиво. Запретный плод наливался сладостью, и наставали моменты, когда я находился во власти красоты и ничего не мог с собой поделать. Это случалось редко и в основном касалось красивых книг, а теперь я влюбился: террористический акт красоты случился со мной из-за женщины.

Я судорожно ждал ее приезда, ругал себя за то, что взял так много выходных: сорок восемь часов я должен был провести без работы, без определенного занятия. Смысла упрашивать сменщика поменяться обратно не было, он уже сдвинул всю свою жизнь на сутки ради моих любовных приключений и вряд ли бы согласился двигать ее обратно из-за них же, окаянных. Я ходил по городу, что называется, вхолостую. Мысли об Анне стучали во мне, и когда мне пришло на ум это сравнение, я отчетливо услышал, будто что-то необычайно громкое произносило каким-то летучим звоном металла ее имя. Анна… Анна… Анна... Оно звучало ударами, и я чувствовал дрожь под ногами от того, что это звучит. На секунду я подумал, что окончательно сошел с ума, что выдумал и Анну, и себя заодно, что не было никогда семинара в Казани, а до этого не случилось нашего знакомства с ней и не могло случиться за неимением ее самой. Мысль в ту же секунду подтвердилась крайней и невероятной странностью совпадения знакомства в сети и на семинаре. Совпадение, достойное сумасшествия. Мысли летели мгновенно, но, не долетев до центра паники, вдруг ударились об упрямый бетонный факт: рядом на стройке огромный автоматический молот забивал сваи. Он и был тем, кто так отчаянно кричал ее имя. То есть молот выстукивал что-то свое, а ее именем этот стук становился уже во мне.

Потом мне часто снился и грезился этот звук.

VIII

Я жил на Пушкинской, в центре города, между гостиницей и филармонией. До тех пор, пока весь мир не превратился в ожидание моей ведьмы, я и не замечал всего постсоветского уродства нашего двора.

Мне хотелось убрать мусор, в первую очередь, – прогнивший насквозь гараж, в котором боялись ночевать даже самые аскетичные бомжи. Молодежь, возвращаясь из клубов, что называется, в измененном состоянии сознания, всегда обходила этот смердящий объект стороной. Наш двор делался нехорошим не только потому, что в нем была такая помойка, скорее, наоборот, эта помойка возникла сразу после того, как во дворе стали появляться хорошие люди. Рядом был супермаркет, и в нем было достаточно недорогое пойло. Все центровые алкоголики стягивались в наш двор и рассаживались по краям бывшего фонтана, закрытого сразу после развала Союза. Примерно в восемь-девять вечера начинался этот светский раут, до двенадцати было относительно тихо, а после, как в сказке, головы этих господ и дам превращались в тыквы. Часто я слышал крики, вопли, стоны, звуки бьющихся об асфальт бутылок, и хорошо, если об асфальт. Часа в два приезжали ментовские луноходы, рассовывали по каютам надравшихся пиратов, и к трем наступал долгожданный штиль.

Кажется, из-за этой только тишины и терпели нервные пенсионеры весь этот концерт по заявкам. Тишина была какой-то звенящей, лечебной, и чувствовалось, что уснуть в такой тишине означало наутро быть бодрым и готовым на служебные подвиги. В голове даже вертелась теория, будто эти люди тратят свои весенние выходные на это осознанно. То есть они каким-то метафизическим образом притягивают в наш двор огромную, колоссальную энергию, ходят вокруг этого фонтана и, видимо, в нем копят эту неведомую силу. Потом наступает катарсис, действующих лиц забирает милиция, и энергия медленно и величественно начинает расползаться светящимися благодатью удавами по комнатам тех, кто не мог уснуть. Когда я почувствовал, что мне нужно встать и идти, была именно такая тишина. Я встал и пошел.

Весна. Хотелось писать стихи, но не было слов, которые могли бы дать человеку дышать этим воздухом. Хотелось чувствовать себя поэтом, вышедшим вот так, глубокой ночью, для вдохновения, для чего-то... даже не *для*, а *оттого*, что иначе нельзя. Хотелось самому стать этим весенним майским ночным воздухом и унестись с северным ветром к тому источнику всех моих образов, к причине того, что сейчас обыкновенного складского охранника разметывает до размера Вселенной. Сейчас этот охранник – настоящий поэт, гораздо более настоящий, чем призрак Александра Сергеевича в школьных классах литературы.

Я поднимался по Пушкинской к площади. Ни души. По противоположной стороне бежала рыжая собачонка, я следил за ней взглядом, и вдруг собака взлетела в воздух. Меня неслабо передернуло, но я тут же заметил, что это не собаку, а полиэтиленовый пакет несло по тротуару уличным сквозняком. Бывает же. Я вспомнил случай с молотом и сваями и понял, что если я не буду следить за здоровьем, мои полугаллюцинации превратятся в полноценные чудеса, тогда я стану чудаком, и мне несказанно повезет, если я буду начинаться именно с той буквы, с которой начинался кубинский команданте. «Вот и собака полетела» – припомнил я из Хармса. «Вот и сон полетел. Вот и мать полетела. Вот и сад полетел... Эй, монахи, лоб летит!..» – завертелось в голове продолжение стихотворения.

Добрался до площади. Сахарным светом сияло здание правительства. Почему у них убирают, метут, а у нас, слуг народа, в пятистах метрах от них стоит этот вонючий гараж? Уверен, что не одно заявление было отнесено в этот бисквитный домик именно по поводу жуткого запаха в нашем дворе.

От огромного рекламного экрана я повернул направо и дальше шел без памяти, спускался до самой набережной. Большое счастье иногда забывать о себе, вообще о том, что ты кто-то, соединяться с тем, что ты созерцаешь, растворяться. Такое произошло со мной, и кристаллизовала мою растворенность только до боли знакомая надпись на жестяной будке: «КПП». Однако. В беспамятстве и весне я дошел до самой своей службы, где по всем табелям сейчас должен работать я, но работает Коля, сменщик.

Ворота нашего склада были просто железной импровизацией на тему ворот с калиткой. Вверху, там, где створки ворот сходятся, импровизацию венчали две пятиконечные звезды с сильно покореженными верхними тремя лучами. Красная краска с них давно слезла, и две ржавые жестянки еще сообщали разнообразным волхвам о том, что, скорее всего, спаситель придет нескоро. Тем более, на этот склад.

За воротами показался луч переносного фонаря. Этот фонарь я знаю как свои руки. Коля шел на осмотр. Было интересно наблюдать за человеком, который выполняет твою работу. Мысленно я перемещал себя на его место и отчетливо видел все, что предположительно должен видеть он. Вот я вижу длинные сосновые доски, сложенные в аккуратную стену, вот стоят под навесом какие-то бочки, на бочках плотно укрытые брезентом мешки цемента. Цемент украл Коля. Какой-то жадный предприниматель не пожелал вручную грузить и считать мешки, когда нелегально размещал их у нас, вот Коля и взял процент за услугу. Между тем, сам Коля уже светил мне в лицо через решетку ворот.

– Вован, ты? Ты че тут? Забыл, что ли, чего? – с каким-то братским волнением сказал Коля, и такое его отношение ко мне очень порадовало.

– Ага, Коль, книжку забыл, в ней пароль записан, мне просто срочно надо сейчас выйти в сеть, а пароль там кое-какой забыл, ну, и, короче... – задушевно завирался я.

– Ты заходи, заходи, я думал, ты уехал, – сказал Коля, открывая мне калитку, которая была закрыта на кусок медной проволоки.

– Да я утром поеду.

– Понятно, ну иди ищи там книжку свою, я на обход, закроешь потом, как уходить будешь. А это... Чаю хочешь?

– Не, Коль, спасибо, не хочу, – сказал я и вспомнил, что последнее мое чаепитие на работе было прервано полетом надувных матрасов «Волна».

– Волна не та... – сказал Коля, и я прислушался сначала к очередному совпадению внутреннего и внешнего, а потом и к тому, что в глубине будки свистел и безобразничал помехами приемник. Сквозь помехи и свист ультракоротких волн были различимы сигналы точного времени: шесть гудков – пять коротких и один длинный. Потом заиграла музыка.

Я сидел на кушетке, сделанной из ящиков из-под водки, сидел внутри нашей будки с книгой Льва Толстого в руках и уже собирался уходить, но увидел на гвозде синюю ленту, брелок в виде футбольного мяча и ключи, которые хранились тут на тот случай, если кому-то будет нужен бульдозер. Да, да. Бульдозер. Большой и желтый. Нерусского производства и поэтому управляемый исключительно с помощью интуиции. Мы частенько гоняли на нем по территории для забавы. Катерпиллер стоял на нашем складе давно и не принадлежал никому с тех пор, как пристрелили его хозяина, а хозяин, нужно сказать, был бандитом, и когда ему нужно было кого-то напугать, он брал свою технику и просто сносил дом своего недоброжелателя. Как он поступал с теми, кто жил в домах квартирного типа, я не догадываюсь. У меня лично никогда не возникало желания быть его недоброжелателем.

– Коль, я возьму катерпиллер?

– На хрен он тебе?

– Девушке хочу приятное сделать.

– А... Блин, странный ты стал. Ты че, влюбился?

– Ну, типа того...

– Ладно. Тебя заправить?

– А у тебя есть?

– Обижаешь. Я тут у одного козла слил. Он меня на два куска кинул! Вон бочки, видишь?

– Давай, Коля, полный бак. Я в долгу не останусь.

– Да ну, брат. Забирай так сколько влезет. Воровано же.

– Коля! Брат!

– Слушай, да и вообще нужно утопить эту шнягу. Ты потом в пруд его кинь в парке Кирова. Кирпичик на гашетку положи и айда. Надо, чтоб менты его с нас списали как угнанный, а мы скажем, что не при делах, а то тут присматриваются, ходят.

Я горячо пожал руку Коле. Он пошел открывать ворота и готовить дорогу к выезду: на нашем складе маневрировать сложно.

В кабине было удобно, пахло кожей и еще чем-то дорогим. Коля быстро заправил бак, знаками показал мне, что помощь ему не нужна, и мне была понятна его услужливость: работать охранником склада – это как работать психом. Все замешано на непроходимом одиночестве и горьком чувстве, что охраняешь краденое и, как ни работай, работаешь на воров. А тут возможность поучаствовать в чем-то, о чем понятия не имеешь, причем это что-то возникло от любви, а не от воровства. Коля самоотверженно ворочал бочкой с горючим где-то внизу, и я только слышал, как он гремит крышками и цепочками.

Завелся бульдозер сразу и мягко, фары светили сильно, и свет доставал до противоположной бетонной ограды нашего склада. Кабина бульдозера была расположена в очень удобном месте – ни низко, ни высоко. Под светом фар все ворованные вещи на нашем складе (а я полагаю, что ворованными были все) казались испугавшимися. Ящики с патронами от Калашникова как самое дорогое, что есть на территории, испугались больше остальных, темные, круглые отверстия в сырой древесине напоминали зрачки наркоманов, которые не могут отличить: то ли галлюцинации, то ли менты, а, может, реальности смешались, и происходит все и сразу в один момент.

На секунду показалось, что все это существует только под светом фар, а темнота была такой, будто прямо на складе начинался фиолетово-чернильный беззвездный космос.

IX

Ехал я очень осторожно, переулками, а где это возможно, дворами. Было солидно ехать на знаменитом транспорте известного в городе бандита. На улице было всего несколько прохожих, они не обратили особенного внимания на проезжающий мимо бульдозер. Навстречу попались несколько легковых, и приходилось вглядываться сквозь их дальний свет, не милиция ли это... Я переехал трамвайные пути, пересек улицу и дальше, не спеша, поехал по переулку, который носил не самое подходящее для него название – Широкий.

Ехать нужно было осторожно. Очень осторожно. Не доезжая до филармонии, я аккуратно свернул направо и оказался в своем дворе. В голове уже был начертан план дальнейших действий. Все нужно было делать аккуратно и быстро. Я включил освещение в кабине, чтобы лучше оглядеть панель управления. Оказалось, что при выключенном свете все значки и индикаторы подсвечиваются, и не было смысла привлекать к себе внимание, лишний раз показываясь при свете в стеклянной призме. Минут десять я изучал движения ножом, еще какие-то подъемы, повороты, хитрости и понемногу успокаивался. Жар возбуждения спадал, и на место возбуждения в мыслительное пространство внедрялись логика, физика, геометрия, и все, что я тогда собой представлял, было мыслью.

Плотно задвинув ветровые стекла, я разогнал бульдозер по двору до пятнадцати, на ходу выправил нож, как рассчитывал, и впился всей его челюстью прямо в бок зловонного гаража, моего старого знакомого, именно так, как хотел. Теперь я мог тащить это гнилое чудовище перед собой. Его ржаво-зеленое тело закрывало мне обзор впереди, но это не сильно мешало: я знаю свой район, как еврей математику. Мешали припаркованные автомобили, но я чудом никого не задел.

Оставалось только надеяться, что пассажир не развалится по дороге. Гараж был на удивление крепкий, я даже подумал, что, возможно, все дерьмо, какое в нем есть, спрессовалось и удерживало форму. Это чувствовалось, когда при маневрах конструкция дрожала, как йоркширский пудинг. Я снес несколько поребриков и выехал на проезжую часть Пушкинской вместе со своей ношей. В зеркале заднего вида такси разворачивалось на сто восемьдесят.

Сказать, что мое мероприятие было шумным, – ничего не сказать. Стоял дикий скрежет даже в звукоизолированной кабине, и когда я несся на тех же пятнадцати мимо гостиницы, боковым зрением было видно, как в номерах зажигают свет: просыпайтесь, гости дорогие! Вот и дом полетел, господа!

Здание правительства, все еще похожее на торт ко дню рождения отличницы, сахарно сияло. Я начал выворачивать к глав-

ному входу. И тут, прямо возле него, гараж прорвало, и я проехал насквозь его многострадальное тело, измазав весь бульдозер вековым дерьмом. Я быстро сдал назад, увидел, как на первом этаже администрации зажигается свет, и, сохраняя пламенное спокойствие, задним ходом понесся по главной площади города. Удаляясь, я видел, что моя картина очень живописна: огромная куча дерьма возле пряника. Имеющий нос да почувствует!

Подъехала какая-то легковая машина, за ней еще одна. Потом я съехал по лесенкам, едва не перевернувшись, и потерял из виду происходящее у здания правительства. Меня удачно развернуло, я мог ехать вперед. На максимальной передаче вниз, по пешеходной части, по лестницам вдоль фонтанов, мимо здания с надписью «Россия» с погашенной «я» – в сторону набережной. Погони за собой я не видел. Скорее всего, меня просто не ждали...

Через полчаса я уже возвращался домой дворами. Бульдозер я утопил там, где советовал Коля.

Но даже это громоподобное происшествие не повлияло на то, сколько времени я думал об Анне. Я думал о ней постоянно. И когда был дома, и когда беседовал с Колей, и когда проезжал на катерпиллере сквозь прессованное дерьмо, – всегда.

В моем дворе все было так, будто прошла война, но пахло действительно свежее. Ненамного, но чувствовалось. А когда я оказался дома, все мысли о том, что я побывал в каком-то приключении, показались мне просто каким-то домыслом, кинофантазией с моим участием.

Я лег на кровать. «Анна... Анна... Анна...» – било у меня в голове. Я заснул.

X

KORSHUN: здарова удмурт! читал новости ваши. охренел. оппозиция мусорную бомбу к правительству вашему притаранила. у вас че там революция? ты там по старой памяти на броневичок не залезал?))))

Vova_Lenin: привет. нет. а что случилось?

KORSHUN: да говорят что какой-то соратник вашего какого-то местного авторитета притащил на бульдозере не поверишь целый ларек гавна всякого прямо к правительству. вот этой ночью дело было. хрен знает чего там было но ларек этот разбирать начали а в нем просроченного товара до верху. вообще чума. рыба какая-то бутылки пива просроченные. типа говорят следователи что это кто-то воровал в таких размерах и ныкал по городу. а потом этого который ныкал посадили и доставать это стало некому. вот и стоят по вашему ижевску брошенные ларьки с гавном. гниют и воняют

Vova_Lenin: ну а нафига ты мне это пишешь?

KORSHUN: удивить тебя хотел) а дело на самом деле простое. походу это враги папаши твоего. вон по ящику сказали что у полковника ульянова сегодня юбилей и старые знакомые которых он сажал с другом-прокурором взъелись на него и притащили ему такой торт на день рождения. прямо под его окна. ты типа осторожен будь

Vova_Lenin: ага

KORSHUN: ты чего такой грустный?

Vova_Lenin: да. забыл что у отца сегодня день рождения

KORSHUN: аа. ну вот. напомнил тебе

Vova_Lenin: ага

KORSHUN: ну че там. пулеметчица не пишет? мне кстати фотки выслали пацаны наши. переслать тебе?

Vova_Lenin: попозже

KORSHUN: ладно. ты напиши мне потом почту свою. я скину тебе. там есть как тимурка типа за пулеметом строчит. ваще оборжаться фотка

Vova_Lenin: мм

KORSHUN: ну ты чего кислый-то такой солдат? мне тут жена в дом цветов принесла. настроение у меня хорошее

Vova_Lenin: ммм

Vova_Lenin: а ты любишь? жену свою. в смысле как женщину

KORSHUN: чевоо?

Vova_Lenin: ну правда

KORSHUN: ты там чего перегрелся в своей солнечной удмуртии?

Vova_Lenin: ну так любишь?

KORSHUN: ну да

Vova_Lenin: чего ну да?

KORSHUN: ну люблю люблю. давай вобщем пока.

Vova_Lenin: в общем через пробел пишется. пока

XI

Вот так. Я знал, как ведутся такие расследования, знал от отца. Никто никого не ищет, никто ничего не расследует. Для поддержания плана раскрываемости и, разумеется, для газет менты договорятся с каким-нибудь уркаганом, сидящим в сизо, чтобы тот взял на себя и бульдозер, и связи с организованной преступностью, за что он будет пользоваться значительными льготами на зоне. Меня они и искать не будут. У меня железное алиби, по документам я был на складе, я даже расписался в журнале учета сам, а думал, что Коле придется подделывать мою подпись. В общем, это

было хорошей новостью. Еще ко мне должна была приехать Анна. На этом хорошие новости заканчивались.

Я напрочь забыл о дне рождения отца. Насовсем. Забыл, что он служит именно в том доме, возле которого я так любезно оставил ему «подарок». Было стыдно, больно, страшно, неловко, обидно, противно, то есть по мне расплывались пятна камуфляжные этих чувств, прячущие меня от всего лучшего, что есть во мне. Было острое желание отмыться от этого всего, чтобы потом навсегда оставаться чистым, не мучить себя мыслями о своей постоянной неправоте, о своем постоянном бессилии.

Я встал из-за стола к единственному в комнате окну и отодвинул штору. Шел дождь. Пушкинская была перекрыта. Обычно это делают в дни праздников, но я понял, что идет уборка. Хотя праздник тоже был, как услужливо напомнил мне господин Коршун. На сером полотне дороги была неровно процарапанная дорожка шириной метра четыре. Из-за дождя эта полоса казалась бороненой пашней, из которой скоро начнет выбиваться молодой хлеб. Но в городах из земли всходят только зрелища.

Я сидел на подоконнике и соображал: сейчас отец расстроен. Он действительно думает, что кто-то над ним поиздевался. Ему и в голову не придет думать, что его сын влюблен и бесчинствует, пряча от милиции малолетних воров и угоняя бульдозеры. Что может хотеть военный чиновник на свое пятидесятилетие? Он не нуждается ни в чем, кроме спокойствия. Папа не переносит меня на дух, тем более, в обществе. Он при каждой встрече напоминает мне, что я могу взять у него сколько хочу и что он найдет мне работу, на которой я не буду мерзнуть в фанерных будках за гроши. Папа не желал понимать, что у меня никогда не было ничего своего, он буквально отбирал у меня мою личность. Мать ничего не могла поделать, и до моего ухода из родительского дома я был в буквальном смысле сам не свой.

XII

Я начал готовить жилище к приезду Анны. На следующий день она должна была приехать. Черные пятна в голове размылись, стали прозрачными, и сквозь серую гадость, оставшуюся от них, начинали просвечивать воспоминания. Многие из них были светлыми, но некоторые заставляли спотыкаться, произносить какие-то глупости вслух, лишь бы отогнать от себя страшную память. Я понимал, что все это, все мое прошлое, остается во мне, как бы я его ни гнал, но всегда, встречая эти камни, я говорил себе: потом, потом, успею. Нужно было что-то делать с собой, переживать эти провальные моменты заново, отстраивать мосты через эти пропасти, очищаться. Но сил не было никаких. Даже непонятно было, откуда их взять и как их применить к себе, не было ничего видимого, что можно было бы сдвинуть, подмести веником, как подметают под мебелью, и задвинуть обратно. Все было внутри меня, а туда не залезет бульдозер. Что-то похожее на вчерашний гараж пылало во мне вонью всех моих воспоминаний, и для того, чтобы сохранить самого себя, нужно было начать очищение. С начала.

XIII

Детство было ясным, как небо утром. Конечно, нельзя сказать, что мое детство было счастливым или, наоборот, несчастным, но ведь и утром с вами может произойти что угодно, и от этого небо, под которым это утро происходит, не потеряет своей ясности.

Очень хорошо помню, как меня водили гулять. Мы тогда жили на улице Горького рядом с кинотеатром «Колосс», где теперь собор Александра Невского. Колокольни там не было. Колокольня отчего-то была над заводом. Хорошо помню мост над запрудой. Набережная в этом месте делала поворот, и в этом месте всегда пахло водой. То есть я оттуда и узнал, как она пахнет, – в детстве мне не с чем было сравнивать. С мамой мы часто ходили туда слушать воду – в детстве я называл это так. Шумело там правда здорово. Когда мне надоедало слушать, мы доходили до пристани глядеть на корабли. Это были простые речные трамвайчики, небольшие дизельные корытца с банальнейшими названиями «Москва» или «Чайка», но за неимением другого корабельного опыта эти трамвайчики вмещали в себя все, что я тогда знал о кораблях, и в их трюмах еще оставалось место. Мне казалось, что когда рассказывают о пиратах, то говорят именно об одном из этих кораблей, у Синдбада-морехода тоже был один из этих. Мама тогда учила меня читать и говорила мне: прочитай, как кораблик называется. На некоторое время я застывал, шевелил губами, распознавая каждую букву, а потом говорил название...

– Ассоль! Мама, правильно? Корабль Ассоль, – картаво рапортовал я, четырехлетний, в смешных шортах с мышатами.

– Правильно, молодец, ты скоро и книги сам читать будешь. А ты знаешь, кто такая Ассоль? – спрашивала мама так, как будто верила в то, что я могу сам прочитать Грина.

– Это такая соль! – говорил я, чувствуя,

что, если хвалят, тон уверенности сбавлять не следует.

– Нет, Володя, это такая девочка. Она ждала, что за ней приплывет красивый капитан на корабле с алыми парусами, – говорила мама, потом останавливалась и садилась на лавку. Она молчала и смотрела в асфальт набережной.

– Алыми? – спрашивал я, наблюдая какой-то дырявый парус, плутающий около пристани. – Это значит с драными парусами? С дырками?

– Это цвет алый, такой темно-красный. Я тебе где-нибудь потом покажу. Мы с твоим папой из-за этой книги познакомились, – говорила мама куда-то в воздух...

Дальше я не помню этот разговор. Как познакомились мои родители, я знал давно, но отчего-то именно сейчас это казалось важным. Может быть, это было связано с моими переживаниями, с ожиданием Анны, с тем, что я творил такое, о чем раньше и подумать не мог. Определенные чувства все-таки были, хотя и не оправданные ничем логически: меня будто к чему-то готовили. Кто и к чему – было непонятно.

Было ясно, что Анне я не безразличен, но как хотелось напиться сладостью доказательств этой ясности!

Пришла довольно неплохая мысль подарить отцу книгу на юбилей. Наши вкусы могли совпасть только в одной точке: в книге, благодаря которой познакомились мои родители. Не будет лишним напомнить отцу, что мы все еще семья.

Ради чего я страдал? Почему бы мне просто не подготовить себя и свое жилище к встрече с любимой? Зачем мне все эти приключения, так мне не свойственные? Отчего я смотрю на себя в зеркало то с раздраженной тоской, то с горделивым осознанием собственной молодости, то еще с каким-то чувством, вмещающим в себя сразу все – и обиду, и радость, и гнев, и любовь, и ревность, и желание отдать всего себя другим? Почему это происходило со мной, откуда взялась, например, эта мысль об очищении? Почему мне вспоминаются случаи из детства, в которых мне добренькие взрослые из-за моего интереса к книгам пророчили стать писателем, поэтом? Почему этот поэт сейчас вылезал из меня и пропитывал собой все мои камуфляжные тряпки?

Нет ответов. Точнее, есть, но каждый из этих ответов – охапка новых вопросов.

XIV

У отца в кабинете была жуткая тишина. Такая же, как и во всех его кабинетах, в которых мне удалось побывать с детства. Отца в кабинете не было, и его секретарь велела мне ждать. Какое-то синеватое беззвучие, расстворенное в солнечном майском свету, который, как через мясорубку, был пропущен и отфильтрован плотными шторами. Создавалось впечатление, что любой чиновничий кабинет без взятки, без поклона не пускает к себе даже солнечные лучи, не располагающие не только деньгами, но и не имеющие даже какой-то осязаемой формы.

Все в кабинете выдавало слабость, которая умело притворяется силой. В стекляшке был раздавленный бычок, и я вспомнил, как курил отец: он не докуривал и клевал угольком о толстое стекло пепельницы, отчего сигарета издавала какой-то особый, песочный звук.

На первый взгляд, след сильной руки – это всегда след самой силы, но в случае с отцом это было не совсем так. Наверное, это было даже совсем не так. Отец курил редко, только когда сильно волновался. По всему было видно, что сигарета была смята еще утром, то есть в то время, когда еще не успели убрать из-под окон мой нечаянный подарок. Тут же стало ясно, отчего задернуты шторы, отчего кондиционер включен на максимум.

Однако ничего нового в кабинете отца, кроме одной детали, не было. Новым был его портрет, подаренный, по всей видимости, коллегами тогда же, утром, – огромная картина маслом с черным автографом известного в нашем краю художника, заказанная коллегами на пятидесятилетний юбилей. Портрет еще стоял на полу и был почему-то поставлен на бок, отчего отец на картине косился на потолок, хотя в оригинале он, наверное, властно озирал пространство слева. Образ был выполнен добротно, мастерства художник не жалел – добавил волос на голове, медалей на груди, осмысленности в глазах, и последнее было настолько неправдоподобным, что лицо на портрете казалось совсем чужим. Это было лицо того, кем хочет казаться военный чиновник пятидесяти лет, но не его подлинным. Все такие чиновники похожи друг на друга: их лица выравнивает старость и тревога.

Ждать отца пришлось недолго, его шаги падали где-то за двумя дверьми в коридоре, но их было слышно необычайно хорошо. Я сидел в его кресле, и мне захотелось взять со стола ручку, подписать книгу, но я заметил за собой странность: я волнуюсь и сжимаю переплет так, что слышно, как хрустит клей.

В ответ отец подарил мне нательный крест. Вероятно, только до этого дня он оставался атеистом.

XV

На этом месте я останавливаю Вовин рассказ. Его рукописи в этом месте очень спутаны, противоречивы по смыслу и намного неразборчивее его остальных, и так далеко не каллиграфических листов. Да, нужно сказать, что отдельный отрывок описывал покупку книги в магазине, но про Грина там ничего описательного нет. Зато весь лист он то цитирует Ахматову, то рассуждает о себе как о Гумилеве, то еще какая-то путаница. Сложно понять, что конкретно значила для него эта встреча с отцом, но точно можно заявить, что значила эта встреча очень много. Дело было не в том, *что* он описывал, а *как* он это делал, и нужно сказать, что сделано было все в большом волнении, и это состояние не было похоже на волнение человека, делающего что-то в спешке.

Я вмешался в рассказ Вовы оттого, что нужно пояснить, что же произошло дальше с ним и его отцом, чтобы свободно перейти к новым частям бытописания Вовы Ульянова.

Вова встретил отца и подарил ему книгу. Был тяжелый разговор, отец плакал, Вова первый раз в жизни видел, как плачет его отец. Запись про крест я оставил без правок. Потом они вместе вешали портрет на стену, и выходило так, что взгляд отца с картины падает прямо в окно. И если бы не штора и будь на месте портрета живой человек, то видел бы он аккурат то место, куда была доставлена ночная посылка. Порадовал эпитет самого Вовы. На полях рукописи была нарисована бутылка в виде квадрата, похожего на ларек, и стояла надпись: «Ароматы Удмуртии». Парень не терял чувства юмора даже в тяжелый час. Отцу он так и не признался ни про гараж, ни про Анну, зато все сказал, что он думает о том случае с убийством голубя. Скорее всего, этот голубь был больше всего остального, и, возможно, Вова считал, что все, что с ним происходит, – это расплата за то первое убийство. Будто у Вовы есть личный первородный грех, искупить который можно только на своем личном кресте.

Говорю это небезосновательно. Не сразу заметил, но на каждом листе его рукописей мягким карандашом едва заметными линиями были во весь лист нарисованы голуби. Это не была копия одного рисунка, голуби были разные. Один шел по какой-то будто кипящей камешками поверхности с реалистично прорисованными скорлупками семечек и окурками, другой был с расправленными крыльями, третий летел по белому тетрадному небу с подобранными лапками. Честно сказать, стало страшно. Все это было похоже на жестокое сумасшествие, и если бы я не знал, что Вова искренне любит, то стал бы избегать его.

Чтобы была возможность представить мое волнение, напомню читателю один факт: Вова, каким бы лириком он ни был, служил в охране и имел при себе оружие. Разрешение на это оружие полагалось ему по службе, по наследству и по иронии судьбы. Оружие преследовало его всю жизнь. В рассказах оружие упоминается только, что называется, по делу, и этот факт успокаивает. Это может значить, что у Вовы нет фанатизма, который бывает у большинства сумасшедших. Иначе суммой фанатизма и оружия окажется смерть. Вова слишком отчетливо запомнил мертвого голубя после знака равенства. Так считать научил его отец.

Рисунки произвели на меня впечатление, какое обычно возникает от разгадывания ребусов. Сначала глаз наблюдает только части, ум тщетно простукивает пустоты этих деталей, какие-то части рассудка говорят о том, что вся картинка бессмысленна, и тут будто волшебной, необъяснимой силой все становится ясным до оцепенения. Мгновение назад разум сомневался, а теперь он же сомневается в своей адекватности, ведь то, что разгадано, кажется ясным и дураку. Вероятно, что-то подобное происходило и с Вовой, только волшебство было на несколько порядков сильнее: он был влюблен.

XVI

Я был влюблен.

Через час Анна должна появиться на площади. Я сидел на лавке с коваными опорами как раз под матюгальниками, из которых ровным потоком на площадь проливался Бетховен. Передо мной был театр и фонтан, за спиной – что-то вроде парка. Солнце пекло вовсю и, кажется, посылало волны своего жара в такт музыке. В такт попадали все люди и предметы, которые в тот момент перемещались по площади: бежали дети по гранитному поребрику фонтана, блестели быстрыми спицами велосипедис-ты, бежала собака с высунутым языком, похожим на кусок докторской колбасы. Собака пробежала так близко, что даже случайно задела меня хвостом, поэтому перепутать собаку с чем-то другим, как это со мной уже было, я не мог, но от недоверия к себе приподнялся от пологой спинки скамейки, чтобы лучше разглядеть, что это собака, а не какой-нибудь неопознанный, пока еще не летающий объект. Все это произошло тоже по благословению Бетховена. Собака, видимо, почувствовала внимание, весело глянула на меня, поню-

хала пивную крышку, которая валялась возле скамейки, и побежала прочь. Собака бежала не прямо, а будто смещала задние ноги так, что это было заметно, только если глядеть на нее внимательно. Я долго смотрел на собаку, она несколько раз останавливалась, тянула воздух, вертела головой и бежала дальше.

Что-то заставило меня обернуться назад, туда, где росли деревья, и в этот момент ледяная боль сковала сначала правое плечо, потом спину, потом голова будто налилась холодным свинцом, и последнее, что я помню, – это галлюцинация, в которой собака взлетала над площадью и останавливалась в воздухе чуть выше, чем заканчивался фасад здания с надписью «Россия». Дальше я был в том каменном несуществовании, которое не знает никакого сознания, наблюдения. Наверное, только там не было Анны, но только по той причине, что там не могло быть никого вообще.

XVII

Сначала я увидел свет, потом Анну. Она стояла надо мной, и тогда стало ясно, что я лежу на чем-то, похожем на носилки. Хотелось пить. Мое тело было обернуто во что-то белое, колени и локти были перетянуты черными тряпичными ремнями, а сами ремни крепились где-то подо мной. Все было похоже на больницу, но пахло совсем не лечебным духом. От яркого света ломило глаза. Губы сильно слиплись, и больно было размыкать их. Анна поднесла к моим губам какой-то предмет из медицинской стали – этим предметом доктора детских больниц нажимают на корень языка, чтобы разглядеть горло. Один конец предмета был обернут во что-то белое и сырое: похоже, это был бинт, смоченный водой. Анна приложила мокрый лоскут к моим губам, и размыкать их стало намного легче. Я почувствовал медицинский привкус стерильного бинта на языке.

Своей собственной реакции на происходящее я удивился больше, чем самому происходящему: меня мало беспокоила безопасность того, что со мной происходит, хотя очевидно было, что происходит, а, точнее, произошло нечто опасное. Меня не волновало мое хронологическое и географическое положение, хотя, где я и какое сейчас число и месяц, я не знал. Меня, представьте себе, беспокоил запах изо рта, который, возможно, был неприятным после продолжительного оцепенения, поэтому я боялся что-то сказать, раскрыть рот.

Мне вдруг показалось, что пол помещения чуть поднялся и опустился снова. Вестибулярные галлюцинации? От этих слов разило мышьяком и советским психоанализом. Галлюцинация появилась снова, но проявила себя иначе. Теперь поверхность сместилась вправо, и наклон я мог не только чувствовать, но и видеть. Под пластиковым потолком, кусок которого я видел, висела лампа, похожая на прожектор. На небольшом крючке, который был приделан к лампе, висел мой нательный крестик на цепочке, и я увидел, как распятие поплыло вправо, что означало полное соответствие вестибулярных галлюцинаций визуальным, а такие соответствия могут лишить увиденное статуса болезненных видений. И весь абсурд происходящего накрыл неумолимой волной мою хрупкую реальность.

Анна сидела рядом и, видимо, что-то записывала. Меня беспокоило, что она может что-то спросить и тогда мне нужно будет раскрыть рот. Хотя вопросов у меня, наверное, было больше, чем у нее. Она сидела рядом в кресле, напоминающем такое, какие бывают в самолетах. Я не мог повернуть голову, чтобы разглядеть, что она делает, что это за кресло, не мог разглядеть, одни мы в этом помещении или нет. Чувствовал, что одни. Помещение тряхануло так, что серебряное распятие какой-то момент времени висело не прямо, а на дуге, которая мелко дрогнула, выгнулась и снова стала прямой.

– Где я? – едва шевеля губами, спросил я. Мой голос был слабым, хриплым и каким-то чужим.

Анна подняла на меня глаза. Прямо смотреть на нее я не мог, мешало что-то, сдавливающее голову. Анна привстала, поглядела на меня внимательно, как обычно смотрят на часы, и улыбнулась:

– Долетим, все расскажу, самурай. Отдохни пока.

От ее голоса мне захотелось спать, через мгновение я заметил, что это не от голоса, а от того, что в левую руку мне впился небольшой шприц с зеленой шкалой, а еще через миг я понял, что мы в самолете и совершенно неясно, куда мы летим. Тело расслабилось, стало сложно открыть глаза, и все, что недавно появилось, стало таять и пропадать. Шум двигателя, который был всегда, я услышал только после слова «долетим», и теперь этот шум пропадал, как и все мысли о себе.

Вот и я полетел.

XVIII

Человечество представилось мне пассажирским самолетом. В самолете – симпатичные стюардессы, добавка к обеду, когда попросишь, места хватает всем, и есть свободные места, по крайней мере, в бизнес- и эконом-классе точно. Устроено все прекрас-

но и гармонично, но одна деталь постоянно зарубает все благолепие на корню: самолет вечно падает. Нельзя сказать, что падает периодически, моментами, нет, падает постоянно, всегда, и все это знают и понимают. Люди в тихом ужасе своего падения уже почти привыкли к постоянной угрозе гибели: одни ищут успокоения, постоянно заказывая себе коньяк, другие занимают себя разгадыванием кроссвордов, третьи занимаются любовью, четвертые – войной.

Интересно, что коньяка, кроссвордов, любви и войны хватит всем, всем все доставят по желанию пассажиров. Любезные стюардессы доставят все, но их глаза... В падающем самолете они другие, не такие, как в обыкновенных самолетах: если там, на обыкновенных бортах, глаза стюардесс сообщают о том, насколько это все фальшиво, то глаза этих, в падающем самолете, сообщают о том, насколько все настоящее. Другими словами, их глаза впиваются в ваши, впиваются не укором, а простым и честным вопросом: смысл? вы ведь все равно заказываете одно и то же. Но ничего не говорят. Даже не говорят, что самолет падает.

Панику вызывает уже не то, что самолет падает, а именно то, что он никак не может упасть и разбиться. Все знают, однозначно знают, что он никогда не разобьется, и гибнут только от собственного страха перед падением. Стюардессы уносят трупы куда-то за шторку, где, по слухам, сидит пилот, которого никто никогда не видел. Многие пассажиры не верят в пилота и говорят, что поверят, когда увидят. Другие пассажиры говорят, что знают и верят, что пилот есть и что увидеть его можно, только поверив в него. Когда стюардессы уносят труп, никто не смотрит им в глаза, в этот момент эти глаза сообщают нечто простое. Слишком простое для пассажира падающего самолета.

И весь этот сыр-бор продолжается до тех пор, пока кто-то из крайне несчастных или, наоборот, крайне счастливых не открывает иллюминатор и не выходит в окно, ожидая неминуемого одинокого падения. Именно в момент выхода из этого самолета человек с восторгом понимает, что умеет летать, более того, что самолет не падает, а покоится на месте, что падение – только внутренняя выдумка, не обоснованная логически, ничем не подпертая и ветхая. Тогда тот, кто вышел, начинает стучать ногами, руками и крыльями по белому фюзеляжу и в этот же момент вспоминает, как он и сам слышал точно такой же стук как раз после того, как кто-то выбрасывался. Вспоминает, как сразу после этого чуткие хранители страха заново герметизировали самолет и говорили что-то вроде: «вот до чего доводит вера в пилота», а то и наоборот: «вот, не верил в пилота, ну и где он сейчас?».

Выбрасывался, умирал!! Ха! – со слезами смеется освобожденный и перестает стучать. В один момент он понимает, что там, внутри салона, все тоже умеют летать, только бедолаги не верят себе, а верят в падающий самолет, и иллюзия так сильна, что принимают ее за истину безоговорочно, не оглядываясь по сторонам. Дальше этот просветленный встречает других свободных, и они принимаются за настоящее человеческое занятие – полеты.

XIX

Через неизвестное время с неизвестными интервалами я просыпался то в каких-то палатах, то в каких-то капсулах вроде солярия с лампами сине-белого света, а однажды в просторном кабинете (будто даже какого-то министерства) мне довелось очухаться прямо на бильярдном столе. Это было неинтересно. Интересными были мои сны, в которых я оказывался чаще, чем в так называемой реальности. Именно тогда я понял, что сны никакими свойствами не уступают полноценной жизни. Именно тогда я понял, что сны снятся всегда, снятся всю ночь, но мы запоминаем только заключительные части наших видений. Если сопровождать все свои действия во сне чутким осознанием того, что это сон (а такое осознание быстро превращается в навык), то можно быть полноправным властителем собственной реальности. При этом реальность не является скучной игрой в метафизические нарды, а напротив: чем больше хочется упорядочить удивительный мир, тем разнообразнее реакция среды на действия, поэтому сказать, что реальность была управляемой, было нельзя, как нельзя было и утверждать обратное.

Истина о том, что такое мир, была спрятана где-то между всеобщим «да» и всечастным «нет». Обнаружить ее было невозможно. В каждом сне она ускользала, но это не было катастрофой: во сне истина – это все, что есть, реально все, что происходит, а, следовательно, поймать вселенскую правду за хвост невозможно – вселенная сама была правдой, вся и навеки.

Наверное, меня пичкали каким-то убийственным веществом, которое и было путевкой в то место, где встретить живого Льва Николаевича Толстого верхом на бульдозере было проще, чем наяву сходить в ларек за спичками.

ПРОЗА

Анна БУБНОВА

студентка УдГУ,
г. Ижевск

Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ ЗДЕСЬ

Рассказ

Человеку, которого я не знала, – Бетти Вудхэм; я надеюсь, тот, кто ждал, все же дождался.

Первое, что подумал Мэттью, когда увидел дом на углу Стэйвли-роуд и Бэкстон-роуд, – Тара бы не одобрила. Тара любила их дом в Виндзоре за его несовременную основательность, широкие двери из темного дерева, две пустые комнаты, освободившиеся после отъезда детей, но преданно, как старые собаки, хранившие дорогие им вещи и прелый запах ушедшей юности. Тиффани и Тим дом тоже не одобрили, но ничего не могли поделать: согласно завещанию им полагались кое-какие банковские сбережения и два наглых рыжих кота, дом в Виндзоре перешел в единоличную собственность их отца. И Мэттью, выждав положенное время, продал его какой-то молодой паре. Близоруко щурясь, он подписывал документы и думал по привычке, что бы сказала Тара. Он искал Тариного одобрения без малого сорок лет, и ему казалось, что ее голос до сих пор звучит у него в ушах. Тара, которую он слышал, была возмущена. «Мы ведь копили на этот дом так долго! Помнишь? Ты говорил, что хочешь провести здесь остаток своих дней!» – говорила она. Мэттью спорил с ней, засыпая. Он находил свои аргументы весьма убедительными: деньги были да сплыли, а дом время не пощадило, странно, что ты не замечаешь, возражал он Таре, как стала скрипеть лестница, как облупилась краска, как на потолке в столовой прошла тонкая трещина. Тара горько вздыхала – она была близорука. «Наши дети выросли здесь! Здесь мы праздновали их дни рождения, принимали друзей…». Голос Тары звучал в его голове все отчаяннее, но Мэттью вспомнил, что он мужчина, и проявил твердость. Дети давно выросли, увещевал он, поправляя очки на носу, Тим живет в Лондоне, Тиффани перебралась в Брайтон, они сюда не вернутся. И праздников больше не будет, решительно добавил он. Тара ничего не ответила. Но новый дом в Истборне не одобрила все равно. Переезжая из Виндзора на самый юг Англии, Мэттью убеждал себя, что, несмотря на очевидное отсутствие Тариного благословения, он поступает правильно. Как хороший отец, он перебирается поближе к своей младшей дочери и ее семье, чтобы почаще видеть внуков и пить по пятницам эль с зятем. Между Брайтоном и Истборном каких-то жалких несколько часов проносящегося мимо пространства, купающегося в солнечном свете дольше, чем вся остальная Англия. Осилить их будет очень легко. Он ведь не совсем уж старик. Тара, в конце концов, была на десять лет старше!

Мэттью так и не определился до конца, велик ли для него новый дом. Ему показалось, что в самый раз, когда толстая риелторша в твидовом костюме водила его по пустым комнатам. «Этой комнатой прежний владелец пользовался как кабинетом, – мимоходом обронила она, – ему нравилось, что отсюда видна вода». Шторы были задернуты, но Мэттью посчитал удобным приостановить экскурсию по дому ради того, чтобы увидеть воду. Он дотронулся до темной ткани, помедлил, будто прикасался к таинству, и быстрым горделивым движением фокусника сорвал с окна его

уродливый покров. Равнодушный свет проник в комнату и услужливо лег квадратом оконной рамы к его ногам. Мэттью приник к окну. Невысокий забор, отделявший его участок от соседнего, не скрывал богатства пейзажа: ухоженные кусты, тонкий, словно тщательно прорисованный ствол дерева и заросший – оставалось только надеяться, что все же по задумке владельцев, – пруд. Твидовая риелторша лишь пожала плечами, отвечая на незаданный вопрос. «Значит, это был другой дом. Все не запомнишь», – без тени сочувствия сказала она. В отместку Мэттью потом никак не мог вспомнить ее имя.

Он ходил по дому в Виндзоре, пытаясь припомнить напоследок, за какие такие заслуги его так любила Тара. Конечно, дом был не так уж плох. Даже роскошен для среднего класса. Но ничего особенного в нем не было. Их соседи жили, ссорились, мирились, праздновали дни рождения и свадьбы, а потом неизбежно умирали в точно таких же домах. И, в представлении Мэттью, все равно расставались со своими домами без жалости. Свои воспоминания они связывали не с местом, в котором жили, а с людьми, с которыми радовались или горевали. Это казалось Мэттью правильной, хорошей мыслью, «доброй», как бы сказала Тара, но мысль так быстро ускользала, что он никогда не успевал додумать ее до конца.

Вода в Истборне – Английский канал – имела очень четкое географическое определение. К ней, как к Риму, сводились, так или иначе, все дороги. Вода не имела венецианской упорядоченной формы или южноамериканского размаха. Английский канал вообще, по всей видимости, не имеет никакой четкой формы, подтачивая одновременно берега острова и континента. Испытывая сочувствие к острову, вода кутает его туманами и защищает отвесными меловыми скалами, – не так-то легко смириться с мыслью, что в нескольких дюймах от тебя обрывается и скатывается мелкими камешками вниз земля, вмещающая в себя само время и отпущенная нам в таком малом, в общем-то, количестве.

Старея, Мэттью часто думал о неизбежно возникающей погрешности, которая появляется, когда совершенное и завершенное пытаешься свести с несовершенным и отпущенным. Этой погрешностью нельзя пренебречь – на это указывает их с Тарой разница в возрасте. Десять лет! Их никуда не выкинешь. Они могли бы быть счастливы еще десять лет, если бы Тара была моложе; или лежать в земле вместе уже десять лет, если бы старше был Мэттью. Теперь, когда Тары нет, это уже никуда не денешь. Годы, думал Мэттью, составляя коробки со своими вещами в пустой гостиной дома на углу Стейвли-роуд и Бэкстон-роуд, вообще сомнительное богатство. Они почти такие же бесполезные, как эти коробки: они нужны лишь до тех пор, пока хранят что-то необходимое, а после опустошаются, забываются, отправляются в мусорную корзину.

Паковаться помогала Тиффани. Она же придирчиво выбирала вещицы, которыми дорожила Тара и, сообразно с собственными представлениями о материнском наследстве, делила их на три части – одна предназначалась Мэттью, другая – Тиму, третья – ей самой.

– Ты берешь наши школьные альбомы? – спросила она удивленно и, Мэттью готов был поспорить, даже польщенно, обнаружив среди книжных стопок аккуратно обернутые плотной бумагой альбомы.

– Ну да. Не оставлять же их здесь, – пожав плечами, ответил Мэттью.

Он действительно взял с собой все семейные альбомы. И позже, размещая их на широких, основательных полках в гостиной, задавался вопросом: зачем. Фотографиями бредила Тара. Она была неловким фотографом, у которого, однако, был огромный опыт. Она фотографировала все детские праздники, все маленькие и большие события в их жизни и с удовольствием сортировала, оформляла и пересматривала все получившиеся снимки. Любовь матери к фотографии передалась и их детям. Дальше всех, правда, пошел Тим – он и на жизнь зарабатывал тем, что делал фотографии. Фотографировал театральных актеров, начинающих знаменитостей, людей на улицах. Тиффани, родив первого ребенка, тоже превратилась в папарацци, фиксирующего каждый шаг своего драгоценного чада. Наверное, следовало бы отдать альбомы ей – она-то точно знала, как ими правильно распорядиться, но Мэттью почему-то подумалось, что Тиффани могла бы забрать их и сама, когда помогала собирать вещи, если бы хотела. Ему и в голову не пришло, что, посовещавшись с Тимом, дочь решила оставить отцу хотя бы такое сделанное заботливой материнской рукой воспоминание о том, как им всем было хорошо: в доме, в Виндзоре, в этой стране да и на всем этом чудном белом свете, полном нехоженых дорог.

Слегка поспорив, Тиффани и Тим поделили котов. Логичнее было бы делить те скудные сбережения, которые им оставила Тара, думал Мэттью, наблюдая, как дети таскают коробки, сумки, ловят наглецов-котов и пытаются затолкать их в специальные перевозки. Рыжие Тарины любимцы

отчаянно сопротивлялись переезду. Они питали нежную любовь лишь к своей умершей хозяйке, весь прочий род человеческий им не внушал ни доверия, ни уважения.

– Я потом приеду и привезу остальное, – тяжело дыша, сказал Тим сестре, когда затолкал в машину последнюю коробку. Они условились, что перевозкой вещей займется он, потому что Тиффани водить машину так и не научилась, а у ее мужа постоянно были какие-то неотложные дела, и, вдобавок, на него на время переезда Мэттью свалились все заботы о детях. Тиффани кротко кивнула, хотя в глубине души и ощущала несправедливость: отцовские вещи и наследство Тима уже отправлялись в свой новый дом, в то время как чудесные материнские книги, ее старый фартук, фарфоровые статуэтки и большая чашка с надписью «Мамочка большой семьи» все еще тосковали на кухонном столе, ожидая, когда их обернут бумагой, сложат в коробку и потащат на новое место.

Пока дети укладывали вещи и спорили, Мэттью стоял в дверном проеме их замечательного дома в Виндзоре и что-то вспоминал. Воспоминания, как это частенько у него случалось, не имели никакой определенной формы. Более того, он не был уверен, было ли в его сумбурных мыслях, то и дело обращавшихся то к прошлому, то к будущему, хоть сколько-нибудь стоящее содержание. За содержание, во всех смыслах этого слова, всегда отвечала Тара. Это у Тары была пухлая записная книжка с десятками телефонных номеров. Это Тара поддерживала приятельские отношения со всеми без исключения – от молочника и почтальона до сантехника и парикмахера. Она помнила их всех поименно, отправляла им открытки на Рождество, справлялась о здоровье детей. Мэттью часто думал, что в Таре поселилась усталая душа какой-нибудь казненной английской королевы, искупающей грехи перед своим народом. Было в отношении доброй Тары к людям что-то королевское, едва уловимое. Мэттью про себя называл это ее качество достоинством. Тара все делала с достоинством. Этому ее научили классики английской литературы и неторопливое течение жизни в биб-лиотеке, где она проработала всю жизнь. А еще, по всей видимости, уверенности ей придавало осознание абсолютной нерушимости их союза. Тара твердо знала, что ее муж по-собачьи к ней привязан, и никакая другая женщина, даже более молодая и красивая, не сможет разрушить их любовь. Потому что их любовь основывалась не на яркой внешности и природном обаянии, а на бьющей ключом энергии, которая, присутствуя в неограниченном количестве в ней, щедро переливалась в опустошенный сосуд жизнелюбия ее мужа. Тара, обладая необходимым для поддержания таких отношений великодушием, искренне полагала, что ни одна другая женщина не обладает достаточной мудростью и ловкостью, чтобы постоянно подсказывать Мэттью, куда идти. Сам Мэттью, двигаясь по широкой, проложенной Тарой дороге, едва ли об этом задумывался. Он стал ловить себя на этой мысли только после Тариной смерти, и то не сразу, а лишь тогда, когда окончательно обосновался в Истборне и кончился тщательно продуманный Тарой сценарий его жизни.

Мэттью вдруг решил, что ему необходимо вместить в свою прежде почти не отягощаемую воспоминаниями голову как можно больше замечательных мелочей о доме в Виндзоре. Например, вот это крыльцо. Три ступени, две из них щербаты. Новые владельцы наверняка их отремонтируют. А еще слева и справа стоят большие цветочные горшки с засохшими маргаритками. Тара любила цветы. Плетеное кресло, старенькое, доставшееся Таре от ее матери, женщины старомодного воспитания и буржуазных привычек, они решили оставить здесь, рядом с крыльцом. Как подарок новым хозяевам. Кресло было замечательное, прекрасно сохранившееся. И оно, чуть ли не впервые за все годы, вдруг показалось Мэттью страшно милым, пропитанным Тариным духом и хранящим ее тепло. Как-то само собой забылось, что это кресло Тара ненавидела почти так же сильно, как жеманность своей матери, и выставила его на небольшую террасу, а после и вовсе на улицу не для того, чтобы проводить в нем время с книгой, а для того, чтобы оно развалилось, наконец, от дождя или еще чего и можно было бы с чистой совестью отправить его на свалку. Но кресло пережило и сомнительные манеры матери, и коварные планы дочери. И, в отличие от всего семейства, все еще оставалось в доме в Виндзоре как хранитель родового гнезда. Дверь, ведущая в дом, тоже была особенной. С разноцветными стеклышками, которые в свое время обожали дети. Тиффани прижималась носом к стеклу и подолгу наблюдала за тем, как проходившие по улице люди становятся то голубыми, то зелеными, то красными. У Тима с дверью были связаны менее приятные воспоминания. Разругавшись однажды с матерью, он так сильно хлопнул дверью, уходя, что разноцветные стеклышки, сверкнув в свете заходящего солнца, брызнули во все стороны. Тара очень расстроилась. Но Тим, позабыв об

обиде, вскоре заказал новый витраж, который оказался, пожалуй, даже лучше прежнего. Тара даже говорила, что им не нужно никакое рождественское украшение на дверь, так она хороша сама по себе в любое время года.

Тут Мэттью некстати припомнил, что Тара во многом была похожа на эту дверь: она тоже состояла из разноцветных стеклышек, которые меняли цвет окружающего мира сообразно ее настроению, и тоже не нуждалась ни в каких украшениях, хоть была и не слишком красива. Ширококостная, плотная, напоминавшая глиняного истуканчика, Тара всегда была тесно, както по-крестьянски связана с землей. Она была дочерью фермера и утонченной учительницы, питавшей неприязнь ко всему, что было связано с общением с людьми. Мать, ощущая некоторую ответственность за судьбу своего единственного ребенка, пыталась Тару как-то образовывать. Она действовала по той же методике, что годами применяла к своим ученикам. Методика ее, как к тому времени стало очевидно, была удивительно неэффективна. Но никакими другими познаниями в педагогике Тарина мать не обладала, поэтому, теряя контроль над дочерью, начинала орать, переходя на вдохновенный визг, и, таким образом, теряла еще и глубинную связь со своим ребенком. На стороне Тариной матери всегда было наличие у нее высшего образования. Образование, пусть и не слишком престижное и полученное кое-как, ставило ее на несколько ступеней выше, чем ее неразумная дочь и муж, потомственный фермер. Тем не менее, именно приземленный отец был избран Тарой в наставники и наперсники. Это у него она научилась относиться ко всем людям одинаково доброжелательно и не делать различий между теми, кто получил высшее образование, и теми, кто ограничился лишь школьным курсом. Это благодаря ему она, большую часть своей жизни городская жительница, была привязана к земле с присущей ей восторженностью и каким-то рабским восхищением. Она очень переживала, когда пришлось продать отцовскую ферму, хоть и понимала, что заниматься ею они с Мэттью не смогут, однако, словно отдавая дань своему отцу, она занялась цветоводством. Так истово, как будто замаливала грехи. В Бога, к слову, Тара тоже верила. Но службы практически никогда не посещала. Бог был в ее сердце. В ее большом, добром сердце, где всегда царили мир и спокойствие. Она молилась дома поздно вечером, когда все засыпало и дети гасили в своих комнатах свет. Мэттью только приблизительно представлял, о чем молится Тара, но иногда полушутливо, маскируя тем самым всю серьезность своей просьбы, просил ее молиться за него тоже. Сам Мэттью имел весьма смутное представление о религии. Тара с ее верой, какой-то совершенно несовременной, казалась ему порой смешной, порой странной, но иногда, когда Мэттью нужна была помощь и Тара становилась как бы посредником между ним и Господом, она превращалась в его глазах в неземное, возвышенное существо, оторванное от мирских забот. Коротконогая толстушка Тара, между тем, была одним из самых приземленных существ, которые когда-либо жили в Англии. Ее спасала заблудшая душа английской королевы, временами поднимавшая голову и в благодарность за приют в таком большом и славном теле внушавшая к Таре необъяснимое уважение.

Нет, думал Мэттью, когда настал черед и ему садиться в машину ко всем этим собранным и надписанным Тиффани коробкам, помнить – это до скончания веков только Тарина работа. У нее это очень хорошо выходило. Она и сама непостижимым образом ухитрилась проникнуть во все воспоминания своего мужа, в каждую секундочку его жизни. Она все собой заслонила, все радости и печали забрала себе. А потом просто взяла и ушла. Вот так – ни с того, ни с сего. Нелепая Тара. «Ты только подумай, каково это мне теперь, а, жить в другом городе, в другом доме, совсем одному!» – по привычке укорял ее Мэттью до тех пор, пока их старый дом не скрылся из виду. Ему представлялось, что Тара стоит сейчас у окна кухни, выходившего на улицу, неодобрительно качает головой и смахивает слезы большой некрасивой рукой с короткими толстыми пальцами. И от этого видения, в которое он сам практически поверил к середине пути, ему становилось на душе как-то особенно противно: как будто Тара была настолько эгоистична, что не понимала, как невыносимо ему жить одному в таком большом доме, который, вдобавок, без ее твердой руки быстро придет в запустение. Как будто она не понимала, как необходим ему глоток свежего воздуха, хорошего воздуха, просоленного, не пронизанного туманами, которыми он сыт за свою жизнь по горло. Как будто Тара ничего не понимала вообще! Впрочем, так оно и было. «И нечего головой качать, головой она качает», – зло подумал Мэттью и на этом, как ему казалось, с Тарой и простился.

Тиффани и Тим о мыслях отца имели отдаленное представление. Тим был занят дорогой и лишь изредка негромко комментировал происходящее вокруг для Тиффа-

ни. Тиффани, расположившаяся со своим котом на переднем сиденье, то и дело поглядывала на отца. Но Мэттью на нее не смотрел – он отвернулся к окну, неловко повернув шею, и Тиффани подумалось, что завтра его будут мучить боли от неудобного положения. Отец поджал губы и о чем-то думал. И Тиффани уважительно хранила молчание, видя во всей отцовской позе ту скорбь, которую испытывала сама и, по особому свойству своей натуры, ожидала увидеть у других.

– Я слышал, в Истборне тоже можно заказать мемориальную лавку… ну, и раз уж мы теперь не живем в Виндзоре, я подумал… – вдруг громко сказал Тим. Мэттью и Тиффани разом вынырнули из своих раздумий.

– Ну, знаете, чтобы люди помнили и все такое… – смутившись под их пристальными взглядами, закончил он. – В общем, не хотите – так и скажите.

– Это… мне кажется, это неплохая идея, – осторожно сказала Тиффани, вопросительно взглянув на отца.

– Нет, не надо этих твоих глупостей, – отмахнулся Тим. – Тебе она кажется пошлой и неловкой. И маме бы не понравилось.

– Да нет, я серьезно, это хорошая идея! Пап, скажи!

– Да-да, отличная идея, так и сделаем, – рассеянно пробормотал Мэттью, который, признаться, так и не понял до конца, для чего детям нужна была эта лавка и почему нельзя было заказать ее в Виндзоре, в городе, который Тара любила, но спорить он не стал. Мэттью не мастак был спорить. Он даже Таре никогда не возражал и за это неосознанно ее невзлюбил, неуклюже и завистливо, как не любят родственников, в тени которых коротают лучшие дни жизни.

Тим недоверчиво глянул на них, но так и не отыскал в выражениях их лиц никакого подвоха, поэтому только вздохнул и подвел черту:

– Вот и отлично. Я займусь этим, когда мы закончим с папиным переездом.

Мэттью подумал: «Какой у нас все же славный мальчик!».

Тиффани подумала: «Зря он ищет подвох, идея действительно хорошая и даже символическая. Примиряющая память о маме и папин переезд».

Тим подумал: «Какого черта он вообще собрался переезжать? Мама так любила наш дом!».

Когда машина остановилась на Стейвли-роуд и Тиффани, потягиваясь и разминая мышцы, вышла наружу, оказалось, что дом не одобряет не только Тара.

– Все, что мне здесь нравится, – отсюда видно воду, – заключила она. Мэттью встрепенулся, припомнив слова риелторши и свое разочарование от увиденного им чахлого пруда, но тут Тиффани смущенно улыбнулась и поправила себя:

– Ну, во всяком случае, глядя в ту сторону, – она махнула рукой, указывая куда-то вперед. – Ты знаешь, что она где-то там есть. Видишь ту тонкую полосочку?

– О чем ты говоришь, Тэффи? – отмахнулся Тим, выгружая коробки и вручая ей одну, полегче. – Меня больше всего волнует то, что это ужасно далеко от меня.

– Как будто Виндзор ближе, – сварливо проговорил Мэттью, хватая первую попавшуюся коробку, снабженную розовым стикером с надписью «Посуда». Виндзор, впрочем, действительно был ближе. – А здесь все складывается наилучшим образом – Тэффи будет рядом, я буду их навещать, помогу ей с детьми. И ты сможешь брать Лару и детей, будете приезжать на выходные. Дом большой, всем хватит места.

Так Мэттью окончательно утвердился в том, что у него снова большой дом. И эта мысль ему чрезвычайно нравилась. Почти так же сильно, как та щедрость, с которой он сказал «всем хватит места». Вот это Тара бы одобрила. Ей нравилось, когда всем хватало места и всего было в избытке. Она любила большие пространства и, в определенной степени, излишества. Мэттью находил это издержками фермерской жизни и некоторым вошедшим в ее кровь мещанством. Внутренне он это порицал, критиковал и всячески открещивался от Тариной широты души. На деле же, как и все окружающие, с радостью пожинал плоды Тариной щедрости и гостеприимства, и то мещанство, которое в Таре действительно присутствовало и было неискоренимо, принесло ему в итоге немало всевозможных благ. И последнее из них – дом на Стейвли-роуд, который мало того что выкуплен, а не снят, еще и будет обставлен новенькой мебелью, и ему не придется смотреть на цену, потому что Тара о нем позаботилась. Долго сомневалась, на кого оставить их дом в Виндзоре, и, не сумев выбрать между сыном и дочерью, определила его в наследство мужу, не зная наверняка, но смутно подозревая, что этим ее даром он не сумеет правильно распорядиться. Но дописать эпилог, в котором можно было бы разъяснить Мэттью, Тиффани и Тиму, как жить дальше, Тара не успела. Оставив им по доброте душевной местечко для импровизации.

Затащив в дом коробки, наскоро приготовив скудный ужин и беглым взглядом осмотрев соседские дома, дети отправились восвояси. Тима ждала утомительная доро-

га в Лондон, Тэффи – автобус до Брайтона. Как это водится в подобных случаях, они долго обнимались на пороге, проверяли, все ли взяли с собой, вспоминали, что что-то оставили и возвращались, потом вдруг начинали рассказывать известные наизусть истории из детства и общей, но все равно, в общем-то, уже прошлой жизни, потом от безысходности и невозможности найти предлог, чтобы остаться, делились планами на будущий уикэнд. Тим собирался с Ларой и детьми в музей естествознания, Тиффани устраивала нечто вроде благотворительного обеда для свекрови и ее подружек, входивших в какой-то никому не известный кружок благородных престарелых леди, занимавшихся по вечерам рукоделием.

– Ну, а ты чем займешься, па? – спросила в конце концов Тиффани, уже взявшись за дверную ручку.

– Пройдусь. Осмотрюсь. Выберу кое-какую мебель. Ты же знаешь, сколько хлопот с этими новыми домами.

Тиффани не знала, потому что хоть и жила в новеньком доме, была от подобных забот освобождена мужем, но на всякий случай важно кивнула. Ей было приятно, что отец видит в ней наконец не неразумное дитя, но взрослого, посвященного во все тяготы жизни человека. Ей, между прочим, было почти тридцать пять. И на руках у нее были двое мальчишек шести с половиной и двух лет и их престарелая бабушка по отцовской линии – член всевозможных обществ, клубов и кружков, реликтовое ископаемое, одна из последних представительниц вымирающей благородной породы, рядом с которой Тиффани казалась деревенской простушкой, но на это не обижалась, сполна наделенная всеми лучшими чертами своей матери. Тим в отличие от сестры знал о том, что ожидает отца, наверняка. Ему недавно исполнилось тридцать восемь, последние лет двенадцать он жил в гудящем на разных языках Лондоне и прекрасно разбирался, что почем в этой жизни, потому что на его плечах лежал тяжкий груз забот о Ларе, работавшей в галерее Тейт, пятилетнем безбашенном фанате динозавров и американских комиксов и трехлетней прелестнице, которая как две капли воды была похожа на мать. Поэтому Тим только сочувственно кивнул, пообещал, что через неделю он привезет с собой Лару и детей и они все помогут Мэттью, обязательно что-нибудь придумают и вообще все устроят наилучшим образом. На этом было решено проститься. Тим предложил подбросить Тиффани, и та, радостно и с каким-то облегчением приняв его предложение, упорхнула, напоследок чмокнув отца в щеку.

Мэттью остался один на один с бастионами коробок. Его наследство. Шутки ради придя к мысли о тесной связи набитых барахлом коробок и прожитых лет, он пересчитал все свое богатство. И, по странной иронии, все его шестьдесят больших коробок и одна маленькая прекрасно укладывались в уже почти шестьдесят один прожитый им год.

Тара, когда он предложил ей выйти за него, сомневалась пару дней. Тогда ему казалось, что ради приличия. Теперь Мэттью вдруг пришло в голову, что о той погрешности, которая теперь так мешала ему жить, Тара знала заранее, предвидела ее с высоты тридцати прожитых ею лет и Эвереста прочитанных ею книжек из родной библиотеки. Но почему-то, даже зная, что ему будет потом тяжело, эгоистичная Тара приняла его восторженное предложение и тогда еще вполне искреннюю любовь и, засучив рукава, взялась за строительство собственного счастья, даже не поинтересовавшись его мнением. Возмутительное поведение. Впрочем, что с нее взять, с фермерской дочери, ничего лучшего в жизни не нашедшей, кроме как сидеть над пыльными фолиантами и заполнять разборчивым почерком формуляры чужого читательского опыта, который, как известно, ценен, но лишь до определенного момента, когда ему суждено померкнуть перед просоленными, пропитавшимися дымом потерь и неудач неопровержимыми фактами – следствиями опыта не читательского, но житейского.

Следующие несколько дней Мэттью посвятил выбору мебели. Он выбрал исключительно удачное место для проживания – ему рукой было подать до большинства магазинов, набережной, парка. И люди вокруг жили славные, приличные, как на подбор такие, каких любила Тара. Правда, по непонятной причине Мэттью все откладывал момент непосредственного знакомства с городом. Он набирался смелости, чтобы выйти на улицу из своего тщательно отмытого, обставленного дома и с полным правом сказать: «Это я! Здравствуй, мой новый город!». Он составил себе список неотложных дел и прикрепил его на холодильник, так всегда делала Тара, и ему ужасно нравилось чувство, с которым он по вечерам вычеркивал из этого списка хотя бы одно, а то и целых два очень важных дела. С соседями, которых он находил приятными, он тоже не знакомился, приберегая их напоследок. Ощущение ожидания лучшей жизни без постоянного Тариного вмешательства и ее тонкой, мастерской режиссуры настолько его окрыляло, что он легко прощал жизни мелкие пакости и неудачи и даже совсем не

расстроился, когда в магазине не оказалось ковра подходящей расцветки.

Мэттью ощутил свою принадлежность новому городу, когда, забредя случайно в книжный магазин, попросил заказать ему книгу про Ланкастеров, ту, которую он приметил в магазинчике в Виндзоре, но замотался с продажей дома и купить не успел. Продавщица глянула на него недоверчиво поверх очков, и Мэттью понял, что она из тех, кто знает назубок имена всех проживающих на своей улице, а то и вовсе в целом квартале, и своего она в нем пока не признавала.

– Это недели две займет, мистер… э-э-э…

– Вудхэм, – с удовольствием подсказал он, предвкушая свой триумф. – Ничего страшного, я никуда не тороплюсь. Я здесь живу.

Истборн, конечно, еще не принадлежал ему по полному праву, но, вне всяких сомнений, их отношения с городом двигались в правильном направлении.

ОБЫЧНО

Когда Тара умирала, Мэттью наблюдал за ней с почтительного расстояния – так у постели доживающего последние дни монарха собираются его верные вассалы – и все никак не мог представить, что однажды ее не будет. Тара всегда была тесно, нерушимо связана с реальностью: она строила планы, готовила обеды, убирала дом, ухаживала за цветами в саду. Она не стремилась себя увековечить, соткав гигантское полотно. Она, руководствуясь наитием, каким-то природным, только ей присущим чутьем, не тратила свою жизнь на большое и возвышенное: вместо того, чтобы заниматься изготовлением великолепного, изящного гобелена, она штопала, оставляла повсюду случайные стежки, пришивала оторвавшиеся пуговицы. И, в конечном счете, достигла удивительного эффекта – не являясь толком ни умницей, ни красавицей, Тара увековечила себя так, как Шекспиру и не снилось: она оставила частичку себя в каждом пустяковом деле, в каждой даже самой незначительной вещице. Нельзя было, к примеру, мыть посуду, не думая о Таре, потому что большинство людей, разумеется, умеют мыть посуду и неплохо с этим справляются, но не так, как делала она, – распевая песни, пританцовывая или вплетая свой грубоватый голос в идущую с помехами радиопостановку. Невозможно было стирать, не вспомнив Тару, потому что стирку она всегда превращала в особое действо, целый обряд, в который вовлекались все домочадцы. Готовя себе еду, Мэттью тоже думал о Таре: она была отменная хозяйка – вдохновенная, старомодная, непревзойденная.

Пока она была еще жива, домашние заботы легли на плечи Тиффани, временно перебравшейся к ним, чтобы ухаживать за матерью, и Мэттью был освобожден от бродивших по дому хозяйственных Тариных призраков. В то время они еще были неразрывно связаны, и Мэттью боялся, что будет потом с Тариной большой простой душой. Он надеялся, что она окажется на небесах, и за себя, остающегося на бренной земле, еще не переживал.

А потом Тара умерла. Не сказав последнего слова, не исповедавшись, не дав никаких напутствий. Она ушла, никого не предупредив, – во сне. И в то время как Тим и Тиффани надеялись, что ее сон был все же хорошим, Мэттью лихорадочно метался по дому, перекладывая с места на место Тарину корзинку с рукоделием, Тарины книги, Тарины садовые ножницы. Он не мог понять, кого ему больше жаль: Тару, освободившуюся от забот, бед и болезней, или самого себя, обреченного теперь брести в одиночестве по проложенной Тарой много лет назад дороге. Мэттью чувствовал, он почти видел, как дорога становится все уже, зарастает сорной травой, петляет между холмами. И отсутствие Тариного напутствия казалось ему проявлением ее безответственности, эгоистичной выходкой, серьезным поводом для обиды. Поэтому, даже если Тара и приходила к нему, он ее старательно игнорировал и принципиально мыл посуду, готовил и убирал не так, как делала она. Неряшливо, наспех, перекладывая столовые приборы, стаканы, тарелки, мотки ниток, садовые инструменты на другое место. Мэттью казалось, что если устроить в доме круговорот Тариных вещей, ее призраки исчезнут, порвутся все сделанные ею стежки. Но время шло, вещи путешествовали по дому, а Тара попрежнему была навязчива.

Мэттью об этом никогда никому не говорил и совсем не собирался, но именно это и стало истинной причиной переезда из Виндзора – острая необходимость организовать жизнь по способу Мэттью Вудхэма. Он был даже рад, когда Тэффи затеяла всю эту кутерьму с дележкой материных вещей. Тарины призраки тоже разделились и отправились в разные стороны – в Брайтон, в Лондон и, к сожалению, в Истборн. В доме они, впрочем, не прижились и вскоре оставили его в покое.

Теперь, просыпаясь утром, Мэттью не казался себе стариком. Во всяком случае, не таким беспросветным и глубоким, как прежде. Он, как ребенок, оставленный родителями на выходные в одиночестве, жил теперь так, как сам считал нужным. И на-

слаждался своей свободой. Недолго – вечер пятницы и в субботу до обеда.

Ему нравилось, что дом в Истборне отнимает у него столько сил и времени. Мэттью полюбил бродить по магазинам, выбирая мебель, подходящий оттенок краски, новую скатерть. Он как будто готовил для себя новую, счастливую жизнь, в которой автором сценария и режиссером является он сам. Ощущая потребность в зрителях, Мэттью начал заводить знакомства: продавщица в книжном магазине, соседка из дома напротив миссис Чедвик с острыми чертами лица и улыбкой инквизитора, дружелюбный холостяк, похожий на бульдога, обосновавшийся в крепком, на века поставленном одноэтажном домике. И самая интересная его соседка – хозяйка дома с заросшим прудом, модель старого образца, в глазах Мэттью имевшая несомненное сходство с реликтовой свекровью Тэффи.

Тиффани навещала его каждую пятницу и привозила с собой то старшего сына, то младшего, а то и обоих сразу. Проку от них никакого не было, но они были восторженными первыми зрителями нового спектакля – Тим не сумел бы так бесхитростно радоваться простеньким серо-голубым обоям, которые Мэттью выбрал для гостиной. Мэттью никогда не нравилось, что в простоте и щедрости дочь со временем стала просто копией своей матери. Домашняя девочка, не наделенная никакими особыми достоинствами, кроме широкой души, к своим тридцати пяти стала истовой служительницей семейного очага. Не существовало никаких обстоятельств, которые могли бы помешать Тэффи заботиться о своих родственниках. Она умудрялась любить даже мать своего мужа, весьма склочную, в представлении Мэттью, старуху, которая отчаянно скучала дома, от скуки находила себе странные занятия и на досуге терроризировала свое семейство. Даже Тара этого бы терпеть не стала: она в былые времена умела поставить свою мать на место. А Тиффани только улыбалась и отмалчивалась, тихонько проживала свою незатейливую жизнь и служила живым доказательством того, что сквозь асфальт или каменную кладку не сможет прорасти ни одна садовая роза, а вот маленький скромный сорняк обязательно найдет дорогу к солнцу. Таким образом, в сложившейся ситуации дочь была для Мэттью самой неподходящей компанией. Мэттью стыдно было себе в этом признаваться, но с гораздо большей радостью он принял бы у себя Тима и его жену вместе с их шумными, столичными, а не провинциальными, как у Тиффани, детьми. И словно извиняясь перед дочерью, он исправно угощал ее чаем, покупал маленькие подарочки для своих внуков и, прощаясь с Тэффи, каждую пятницу говорил: «Как хорошо, что ты приезжаешь! Мне так нравится эта традиция!». Тиффани простодушно радовалась, целовала отца в щеку и обещала приехать на следующей неделе. Ей сложившаяся у них традиция действительно нравилась, и она не раз говорила своему мужу, что очень счастлива оттого, что отец перебрался в соседний город.

Тим пока ограничивался звонками. Он делал какой-то большой проект в Лондоне, работал почти круглые сутки и как человек, живущий трудной и интересной жизнью, никак не мог выкроить время для визита. Когда он звонил, а звонил он в основном из дома, Мэттью слышал высокий Ларин голос и детский смех и явственно ощущал, в чем заключается различие между семьей сына и семьей дочери. Тим, Лара и их дети жили со вкусом – они не боялись ошибаться, умели говорить «нет», спорили, если что-то приходилось им не по нутру. Тиффани, Фил, мама Фила и их мальчишки, напротив, словно пришли с другой планеты – их жизнь была распланирована до мельчайшей детали, и общий план на несколько лет, а то и десятилетий вперед соединял в себе привычки и взгляды на жизнь матери Фила и, естественно, Тары. Иногда Мэттью казалось, что они все, всё благословенное брайтонское семейство – просто Тарины клоны. И тогда ему становилось особенно мерзко на душе. Он все время удивлялся, как уживаются Тим и Тиффани – бунтарь и любимая мамина дочка. Но они, вопреки всем законам здравого смысла, всегда ладили и не перессорились даже тогда, когда разошлись в фундаментальных понятиях. Даже Лара не испытывала к сестре мужа никакой неприязни, разве что порой Мэттью обнаруживал в ее тоне что-то похожее на жалость образованной, уверенной в себе женщины к провинциальной простушке. Как отец он мог бы возмутиться, или встать на защиту, да просто ответить одним-единственным взглядом, чтобы поставить невестку на место. Но Мэттью молчал. Потому что в глубине души был с Ларой солидарен.

Семья становилась идеальной, когда собиралась вместе на Рождество, и все перемешивалось в радостной суете. Мальчишки Тэффи и сын Тима вместе носились по саду, кричали, хохотали в голос, таскали со стола печенье, изредка втягивали в свои игры малышку Элис, которая в конце праздника обязательно начинала реветь и всем приходилось ее успокаивать. В такие дни Мэттью не чувствовал угрызений

совести за то, что, положа руку на сердце, так и не научился любить своих детей одинаково, так, как всегда любила их Тара. Тара, до недавнего времени устроительница подобных торжеств, тоже находилась в такие дни в приподнятом настроении. Но у нее была совершенно иная причина – она просто любила столпотворения, ей нравилось, когда пространство наполнялось детским смехом и топотом детских ножек; она любила Лару, свободно рассуждавшую об искусстве, и Фила, вечно норовившего свести все разговоры к политике или экономической нестабильности в мире; она любила Тима, возившегося с детьми в саду, и Тиффани, помогавшую ей на кухне. И Мэттью, который усаживался в большое кресло и отгораживался от суетящегося вокруг мира газетой, она тоже, вне всяких сомнений, любила.

В то утро Мэттью разбудил телефонный звонок. Он наощупь обнаружил на тумбочке телефонную трубку и пробормотал сонно:

– Слушаю.

– Мистер Вудхэм? Это Эмма из книжного магазина. Пришла ваша книжка, можете приходить.

Мэттью тяжело вздохнул и бросил взгляд на часы. Стрелка подбиралась к одиннадцати. Надо же. «Не надо было вчера так поздно ложиться», – подумал он.

– Хорошо, я зайду. Спасибо, Эмма, – вежливо ответил он, хотя больше всего на свете ему хотелось ей нагрубить. Но он напомнил себе, что в своей новой жизни он берет на себя часть Тариных функций, в числе которых есть и создание хороших отношений с продавцами, парикмахерами, сантехниками и почтальонами. Когда Эмма положила трубку, Мэттью полежал еще немного, давая себе время проснуться, потом нашарил тапочки, очки, халат, скорее по привычке, чем по действительной необходимости, добрел до окна и раздернул шторы. Некстати вспомнил, как вскакивала по утрам с постели Тара: она начинала всегда со штор и никогда – с тапочек и халата. Свет врывался в их спальню, как сорвавшийся с цепи пес, слепил глаза, проникал в самые темные уголки.

Свет, который впустил в комнату Мэттью, был никаким. Небо за окном тоже было никакое – бесцветное, приготовившееся к мелкому, противному дождю, но одухотворенно подсвеченное изнутри молочно-белым даже не светом, а его подобием, неясным мерцанием.

Будет дождь – все, что извлек из увиденного Мэттью. Надо поспешить, чтобы успеть забрать книгу и купить что-нибудь к обеду. «Будет дождь», – подумал он. Задумчиво скользнул взглядом по зарастающей без должного ухода соседской живой изгороди, по их небольшому неаккуратному пруду, по неплотно прикрытой задней двери. Потянулся, разминаясь, и отправился варить кофе. «Будет дождь, – сказал себе Мэттью. – Это, наверное, Богу грустно, сказала бы Тара».

Уходя, Мэттью всегда тщательно запирал все замки, закрывал окна, проверял, выключен ли газ. Мнительности его научила жизнь с Тарой – та была до определенной степени безалаберна и просто закрывала дверь, порой даже забывая хлопнуть ею хорошенько. Таре все казалось, что вокруг много хороших людей и ни одного плохого, да и красть у них особенно нечего, и вышла она совсем ненадолго. Тара сочиняла какие-то глупые, безыскусные отговорки, которые теперь всплывали в памяти, стоило только взять в руки ключи. Мэттью проверил, хорошо ли закрыта калитка, похлопал себя по карманам и, удостоверившись, что кошелек, ключи и сотовый телефон на месте, торопливо зашагал вверх по Стейвли-роуд.

Истборн ему нравился все больше и больше: он жил по выведенным Мэттью закономерностям, жизнь текла размеренно, согласованно с его желаниями, безо всяких сюрпризов, неожиданностей и потрясений. Ему нравилось думать, что Тара и дети отучили его удивляться и искать чудеса. Они все были только этим и заняты на протяжении почти сорока лет. Тара верила в божий промысел, наличие у цветов и животных души и, кажется, никогда всерьез не отрицала существование Санта-Клауса. Дети повторяли вслед за ней. Когда Тим и Тэффи были маленькими, Тара частенько возилась с ними в саду, а они как зачарованные следили за манипуляциями матери и метаморфозами, которые происходили с незначительными обитателями их участка – жучками, бабочками, червями. Мэттью рассчитывал, что с годами безоговорочное и наивное восхищение жизнью пройдет хотя бы у Тары. Но никого не отпустило. В этом, пожалуй, и состоял один из немногих изъянов Тариного воспитания.

Возле станции Мэттью встретил своего соседа-«бульдога», вежливо с ним раскланялся и даже обменялся ничего не значащими наблюдениями о погоде. Жизнерадостный, во всех смыслах твердо стоявший на ногах сосед при разговоре активно жестикулировал и всеми силами показывал, как он рад, счастлив и доволен жизнью. Мэттью это почему-то показалось невежливым, но он оставил это при себе, только постарался поскорее закончить разговор.

Колокольчик на двери книжной лавки, в которой он заказал книгу, звякнул, пожалуй, даже слишком громко, когда он вошел, потому что Эмма у прилавка сразу же встрепенулась и заулыбалась.

– Мистер Вудхэм! Добрый день! Отлично выглядите, мистер Вудхэм. Вот ваша книжка, мистер Вудхэм. Погода сегодня, скажу я вам, что надо. Тепло, но совсем не жарко. Говорили, что лето удастся на славу. Как всегда, впрочем.

Она говорила, говорила, говорила, и Мэттью с тоской подумал, что, вполне возможно, недооценивал Тарину коммуникабельность. У нее хватало терпения слушать всех, кто желал с ней поговорить, а таковых, по неясным для Мэттью причинам, всегда находилось великое множество. Некоторое время Мэттью честно пытался поддержать беседу, потом, невежливо прервав Эмму, сослался на головную боль и духоту и, прижав к себе книгу про Ланкастеров, вышел на улицу и медленно побрел к пирсу.

Ему нравилось возвращаться домой, проходя по набережной или какой-нибудь неисследованной прежде улочке. Обманчивая новизна, которая его окружала, обещала совсем скоро стать обычной рутиной. И тогда утратит все свое очарование книжный магазинчик и Эмма, продуктовый с сильно татуированным продавцом, который вечно заигрывал с посетительницами и отпускал пошлые шутки, и даже сам дом на Стейвли-роуд. Об этом Мэттью думал со страхом и затаившимся в глубине души омерзением, которое возникло задолго до того, как Истборн успел ему надоесть. Просто так, впрок, на всякий случай.

Мэттью прошел мимо двух стоявших на небольшом расстоянии друг от друга лавочек и вдруг вспомнил, что Тим просил его подыскать подходящее место и слова для лавки в память о Таре. Его взгляд невольно упал на надписи: «In loving memory…». Какая банальность, подумал Мэттью. Пару раз ему попадались лавки, таблички на которых гласили, что тот, в память о ком они были поставлены, любил это место. Откровенно говоря, даже эти таблички, по мнению Мэттью, особой оригинальностью не отличались. Но, сколько он ни пытался придумать что-нибудь получше для Тары, так и не сумел. Наконец, утомленный, он присел на одну из лавочек, по-прежнему прижимая к себе книгу, и блаженно закрыл глаза. Мысль струилась неспешно, вязко, цепляясь за всякие мелочи, которые приходили в голову и сбивали с толку. Например, почему в память о человеке принято устанавливать именно лавки. К некоторым особо сентиментальным экземплярам еще крепились вазоны с цветами, возмутительно глянцевыми и свежими. Мэттью представил лавку в память о Таре. Лавка и Тара в его ленивых мыслях превосходно совпадали: широкие, твердые, согретые чужим теплом и призванные в мир, чтобы поддерживать собой чужие тела. О чужих душах и речи не шло – души испокон веков врачевали и поддерживали совсем иные. Цветы с памятью о Таре почему-то никак не вязались. Цветы напоминали о живой Таре и должны были – это Мэттью подсказывала его слаборазвитая способность к сопереживанию – остаться вместе с ней в ее земном обличье. На Тарину могилу или мемориальную лавку цветы не годились. Но Мэттью знал, что Тим и Тиффани настоят на своем и цветы будут. И обязательный семейный вечер воспоминаний о Таре, который его всегда страшил.

Он не хотел вспоминать о жене. Но не потому, что недостаточно сильно ее любил. Всю жизнь Мэттью казалось, что Тара представляла собой воплощение счастья и гармонии: все, к чему она прикасалась, становилось лучше, правильнее, организованнее, все старалось подтянуться до ее уровня, даже сам Мэттью. Тара обладала множеством редких дарований и талантов, которые унесла с собой в могилу, так никому их и не передав. И, видимо, именно по этой причине с течением времени тускнела даже в самых ярких воспоминаниях. Больше всего Мэттью претило то, что при всем этом она была вечной. Вот он был смертен, Тиффани была смертна, Тим был смертен. Мало того, что смертны, еще и легко забываемы. Они были вместилища, третьесортные актеры, задействованные, скорее по недоразумению, в постановке многоуровневой трагедии. Тара тоже не была примой. Но ее лицо, во всяком случае, осталось на множестве афиш. А их так никто и не потрудился увековечить.

Еще Мэттью вдруг подумал, что его жизнь, если отбросить кое-какие моменты, в общем-то, всегда была исключительно приятной. И не только Тариными стараниями. Он мог бы быть счастлив только тем обстоятельством, что прожил шестьдесят один год, добросовестно и честно распоряжаясь отпущенным ему временем. Он всю жизнь успокаивал себя тем, что не всем суждено родиться выдающимися, кому-то необходимо находиться в тени. Будучи младшим ребенком в большой и весьма небогатой семье, Мэттью знал это наверняка. Свою специфическую неласковую манеру общения с детьми он тоже перенял из опыта своих родителей, никогда с потомством не церемонившихся. В семье Мэттью его

отчужденность неплохо уравновешивала Тарину вовлеченность во все происходящее и была всем даже на руку. В конце концов, у них, может, и не получилось как следует с Тиффани, зато Тим вырос что надо – Мэттью неосознанно любил подчеркивать их с сыном сходство. Сходство это, впрочем, в воображении Мэттью оказывалось гораздо значительнее, чем в реальности: на деле Тим был похож на отца лишь плотной фигурой и серыми глазами.

Вот странность, вдруг подумал Мэттью, совершенно естественным образом переходя от мыслей о детях к той, которая дала им жизнь, Тара всегда приходила днем. У него было явственное ощущение, что жена сопровождает его повсюду, вздыхая, ругая, хмурясь. Смотрит, как он набирает полную корзину продуктов в магазине, как неловко расставляет их на полках в холодильнике, как готовит себе ужин, как ужинает, расположившись перед телевизором. Тара всегда уходит, когда он ложится в постель и, засыпая, начинает по ней скучать. Глупая, глупая Тара, которая никогда ему не снится!

Мэттью почувствовал, как по щеке пробежала влажная дорожка, неловко повел плечами и открыл глаза. Так и есть – небо потемнело, облака разом утратили свечение и превратились в многоярусную громаду. Пошел дождь, начавшийся скромно с одной-единственной капли, заменившей слезу, которая могла бы быть как раз кстати, и превратившийся вдруг в торжество воды, праздновавшей свою победу над островом, великодушно принятым ею во владение. Вода баюкала, ласкала, пела колыбельные, но из рук никогда не выпускала – то ли что-то чувствовала, то ли просто проявляла древнейший инстинкт собственницы-матери.

Мэттью поморщился, вытер лицо платком – совершенно бесполезный жест, который, тем не менее, вернул его к реальности. Он тяжело поднялся и, ускоряя шаг, направился к дому. Богу грустно. Богу, и правда, очень грустно.

НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

Смерть обнаруживает уязвимость. Мэттью осознал это случайно в последний день первого лета без Тары. Иногда, когда в жизни происходит что-то печальное и ты долго лелеешь свое горе, плачешь украдкой или не скрываясь, ты осознаешь вдруг спустя какое-то время, что «все будет хорошо» больше не работает. Хорошо уже не будет. Или будет, но это будет совсем иное «хорошо». Жизнь слишком часто внезапно и бесповоротно меняется, чтобы каждое новое «хорошо» было хоть немного похоже на предыдущее.

Соседка Мэттью, с которой он разговорился однажды на прогулке, – высокая, торжественной красоты женщина с совершенно седой головой и умением изъясняться одинаково хорошо и чисто на двух языках, каждый из которых был ей родным в разные периоды ее жизни, – с собственной уязвимостью как-то потихоньку свыклась. Не примирилась, слишком деятельной была ее натура (почти как у Тары), а просто свыклась. Все мы когда-нибудь кончаемся, утверждала она, кто-то раньше, кто-то позже. И когда Мэттью поделился с ней собственной теорией о некоторых погрешностях, которые неизбежны, если разговор идет о жизни и (или) смерти, Бэт только отмахнулась и сказала как всегда насмешливо и коротко: «Чушь!». Мэттью это не понравилось – ему сразу вспомнилось Тарино стремление к крайностям, вызывавшее в нем глубочайшее отторжение. Но возражать Мэттью не стал. Он был из тех великих мыслителей, которые вырабатывают свою философию молчаливо в течение всей своей жизни, а потом уносят ее с собой в лучший мир, так и не озвучив, так и не сумев понять, правы они были или нет.

Мэттью не мог в точности назвать тот день, когда он научился обходиться без Тариного благословения: так дети не могут припомнить, взрослея, день, когда они сказали первое слово или сделали первый шаг, потому что воспоминания обретают форму лишь с неизбежным и необратимым старением памяти. Зато Мэттью мог точно назвать тот день, когда он с опозданием исключил из обихода слово «взросление» и заменил его на безжалостное – «старость». Это был тот день, когда он почти перестал говорить. Почти – потому что молчать было не слишком-то весело. Молчание оказалось неподвластной ему наукой, недоступным искусством, которым владела лишь его соседка. Кроме того, молчание оказалось не слишком удобным, если ты все еще хочешь есть, купить чашку кофе, спросить о заинтересовавшей тебя книге или, к примеру, строго одернуть несущегося по улице чужеземного кудрявого подростка. Продолжая сыпать словами днем, по вечерам Мэттью, будто случайно всякий раз вспоминая о данном обете молчания, молчал, уткнувшись носом в экран телевизора, слушая в темноте радио, читая книгу. Ему не приходило в голову, что молчание в окружении чужих слов – самое ничтожное, самое беспомощное исполнение обета соблюдать тишину. Но быть с самим собой наедине, особенно после того, как ушла Тара, а вместе с ней ее извечное благословение на все, еще не совершенное, и одобрение всего сделан-

Даже Тарину смерть он воспринял иначе. Она была на десять лет старше, черт подери. И для него финал их любви был предрешен с самого начала, когда он, двадцатилетний парнишка с тусклыми серыми глазами, предложил руку, сердце и что там еще полагается тридцатилетней (ладно, почти тридцатилетней) Таре. Таре, работавшей в гигантской библиотеке и пропитавшейся ее пылью и выцветающей мудростью всеми забытых поколений. Таре, превратившей его молодость в череду пеленок, хоровод разбросанных повсюду игрушек, колясок, калейдоскоп воспоминаний: прогулки в парке с Тимом, сказки на ночь для Тиффани, отвезти утром обоих в школу и не забыть дать приготовленный Тарой ланч. Потом свадьба Тиффани и рождение первого внука – еще более скоропалительное, чем в их собственной семье рождение Тима. Потом череда девушек Тима, которых он привозил на выходные. Его свадьба и новые, уже долгожданные внуки. Тара так ускорила его жизнь, что Мэттью даже не успел понять, когда его молодость выцвела и превратилась в зрелость. Он всю жизнь мечтал остановиться. И вот не стало Тары. Разъехались дети. Забрали возмутителей его спокойствия в доме в Виндзоре – раскормленных Тарой котов. Мэттью подзадержался, наконец, в одной точке пространства и обнаружил, что мир вокруг него слегка поизносился и обветшал. В прежнем радостном мире Тара порой бывала лишней. В новом, потасканном и тусклом, ее не хватало. Не так, чтобы очень. Но все же довольно ощутимо. И все же это не было одиночеством.

ного, стало не то что бы невыносимым, просто физически невозможным. Практически отвратительным.

Еще Мэттью мог в точности назвать тот день, когда его насмешливая соседка куда-то исчезла. Он слышал вечером голос ее дочери, угадывал по звуку шагов, что она торопливо бегает между входной дверью и старенькой машиной, на которой время от времени уезжала куда-то и тогда ее одинокая мать ждала ее, сидя с абсолютно прямой, совсем еще не старческой спиной за столом, стоявшим под деревом у них в саду. У дочери все валилось из рук: тихо звякнула, упав, связка ключей; потом, по всей видимости, битком набитая сумка или даже чемодан; снова ключи; потом дочь чертыхнулась сквозь зубы – Мэттью подумалось, что она уронила что-нибудь ценное, например, телефон. Правила приличия подсказывали, что следует встать и выйти на улицу, чтобы попрощаться, предложить присмотреть за домом, попросить оставить новый адрес, спросить, что станется с огромной псиной неизвестной Мэттью породы. Но Мэттью принял решение не тратить время на расспросы. Он и так наперед знал ответы на все свои еще не заданные вопросы. Дочь из другой породы – новое, торопливое поколение, она никогда не скажет, куда, зачем, на какой срок. Ясно же, что такие люди всегда возвращаются, если вообще куда-то уезжают. А пса наверняка заберут с собой. И к лучшему. Не будет своим гавканьем будить его по утрам. И все так замечательно сложилось у него в голове, что ему оставалось только поплотнее закутаться в одеяло и смежить веки. Он еще не знал, что следующим утром проснется от чувства щемящего одиночества.

Одиночеством было проснуться ранним утром от пронзительной, торжественной тишины дома, не нарушаемой шумной дочерью соседки, выгоняющей в сад пса. Мэттью всегда слышал, как они переговаривались с матерью в саду, но понять, о чем они говорили, он никогда не мог – они почти не говорили по-английски, когда были вдвоем. Его успокаивало звучание их голосов – почти одинаковых или, во всяком случае, мастерски обманывающих неискушенный слух.

Мэттью нашарил очки, медленно натянул их, неловко оттянув одну дужку, и бросил взгляд на часы. Он встал сообразно установленному им распорядку дня в восемь. Значит, соседке выводить пса еще рано. У них в запасе еще четверть часа. Мэттью

прошел на кухню, неторопливо сварил себе кофе, включил радио. За утренними новостями последовал прогноз погоды, потом местные новости и какая-то благообразная чепуха. Радио с трудом могло перекрыть тишину, поглотившую дом, сад и, кажется, всю улицу. И тут Мэттью запоздало вспомнил, что вчера вечером слышал, как соседка и ее дочь куда-то уезжали. Значит, удовлетворенно заключил он так, как будто это автоматически подтверждало все его вчерашние догадки, пса забрали с собой. И это хорошо, потому что собаки причиняют массу хлопот. Почти столько же, сколько маленькие дети. А может, даже больше. Во всяком случае, у ребенка с определенного возраста хоть можно спросить, чего он хочет. А собаки только зыркают глазами да хвостом виляют – экие бессмысленные существа.

Он вышел на улицу. К дому напротив подъехал ярко-желтый фургончик, в которых обычно разъезжают борцы с насекомыми или какие-нибудь коммунальные службы. Мэттью отстраненно наблюдал за тем, как вышедший из фургона худощавый парень, пританцовывая, очевидно, в силу своего природного жизнелюбия и расположенности ко всему миру, направляется к встречающей его в дверях мисс Чедвик, имевшей отвратительную привычку отвергать постучавшую в ее двери лет так пятнадцать назад старость. Очевидно, парень из желтого фургончика должен был что-то чинить, потому что мисс Чедвик стала размахивать руками и что-то ему объяснять, а потом они оба скрылись в доме.

Мэттью добрался до калитки Бэт. Постоял, положив руку на ручку, раздумывая, стоит ему нарушать границы частных владений или нет. Он вздрогнул и быстро обернулся, когда услышал резкий голос мисс Чедвик, выпроваживавшей мастера, который ее чем-то не устроил. Мисс Чедвик копалась в людях, что старуха в яблоках на рынке, и практически никогда не бывала ими довольна. Мисс Чедвик скользнула по нему полным подозрения взглядом, и Мэттью понял, что в ее представлении только что совершил преступление. Он пожал плечами и вернулся к себе.

Днем позвонила девушка с низким, совершенно не предназначенным для телефонных разговоров с незнакомыми людьми голосом и сообщила, что табличка, которую они заказывали, готова и все оплаченные услуги им оказаны по первому разряду. Не дождавшись ответной реплики, она невежливо бросила трубку. Мэттью некоторое время слушал гудки. Он раньше никогда не замечал, что этот мерзкий, врывающийся в тишину его жизни и бесцеремонно сминающий ее звук, знаменовавший чужое невежество, на самом деле восхитительно упорядочивает вещи.

Ту-ту-ту…

Надо сходить к Таре. Ах, да. Она похоронена в Виндзоре.

Ту-ту-ту…

Надо сходить к лавке с табличкой, на которой Тарино имя.

И обязательно вернуться к четырем, потому что к ужину приедут Тим и Тиффани вместе со своими шумными, как тысяча Тар, семьями.

Ту-ту-ту…

Надо обязательно вернуться.

Мэттью оделся, уходя, бросил на себя взгляд в зеркало, вышел, закрыл дверь. Потом провел рукой по взлохмаченным волосам. Вернулся. Причесался. Снова закрыл дверь. Нащупал в кармане сотовый телефон и ключи. Проверил калитку. По привычке оглянулся на дом Бэт, но никого там не обнаружил, только трусливо перебиравшуюся через забор жизнь. Не ту, что покидает отдельно взятого человека, но ту, что характеризует обитаемость места.

Лавку установили не на том месте, которое Таре нравилось. Тара любила уголок неподалеку от их виндзорского дома – небольшой закуток с единственным деревцем и крошечной клумбой. Правда, там уже была лавочка в память о ее отце, которая прекрасно увязывалась с сущностью Тариного родителя, хоть он и не любил Виндзор так, как его дочь, и вообще к городам относился с недоверием.

Лавка с табличкой «Тара Вудхэм» стояла почти на самой набережной, на том ее месте, с которого были видны меловые скалы и вода. Воду Тара любила. Вид был величественный. И соседи добропорядочные – такие же крепкие, насиженные и даже просиженные, но это, подумал Мэттью, даже хорошо.

Он добрался до лавки и замер в нерешительности. Если бы лавка была живой, можно было бы сказать «она стояла к нему спиной». Но лавка была просто куском дерева. И спины в общепринятом человеческом смысле у нее не было. Но обойти ее все равно не представлялось возможным, как будто у них с лавкой вышел давний спор. Тара ведь ушла, сказал себе Мэттью, давай, не будь слабаком! И он обошел лавку. Коснулся, чуть помедлив, новенькой таблички. Сел. Сначала ближе к левому краю. Потом к правому.

У Тары было некрасивое лицо. И руки. И тело – рыхлое, большое, такое, которое будто никогда и не было молодым. Но Мэттью ее все-таки любил. Он понял это, когда смо-

трел на набегавшие на берег волны. Они лизали берег и друг друга, накладывались друг на друга, но никаких погрешностей не боялись. Вода не боится погрешностей. И Мэттью решил сам, без всякой Тариной указки, что ее новое соседство ей бы понравилось; он это почувствовал, как всегда чувствовал Тарину интуитивную красоту, проникавшую во все его существо через теплоту ее шершавых рук, ее мягкие губы, ее ласковый неразборчивый вечерний шепот. Между ними она еще была, эта непримиримая погрешность в десять разделивших их лет. Но с ней, как и с уязвимостью для смерти, можно было свыкнуться. Может, даже примириться. «Давай как-нибудь сам», – сказала Тара. Или сказала бы Тара. «Теперь как-нибудь сам».

У нее не было на такой случай заготовлено сценария. Она или не знала, или не хотела знать, что уйдет первой. Или знала, но не хотела обладать этим знанием. В общем, она оставила им место для хорошей импровизации. Значит, так тому и быть?

Хорошо уже не будет. Так хорошо, как было раньше. Но будет как-нибудь по-другому. Так ведь всегда бывает. Что-то происходит с людьми, и они меняются. И меняются их критерии – то, что было ужасным, вдруг становится хорошим.

Мэттью посидел еще немного, сжав левую руку так, как сжимал ее по вечерам в их виндзорской гостиной, когда в его руке вместо пустоты была крепкая Тарина ладонь. Потом медленно встал и зашагал к дому размеренной походкой человека, который, идя по темному лесу, вдруг интуитивно обнаружил тропу, но решил экономить силы в пути. На всякий случай.

Скоро приедут Тим и Лара, Тиффани и Фил, Стив, Элис, Эндрю и Макс. Они будут вспоминать, какой шумной, невыносимой, иногда категоричной, а иногда уступчивой была Тара. Он будет им поддакивать. Может, расскажет ту же историю, которую всегда рассказывал за столом, – про то, как Тара полдня носилась по городу, чтобы купить продукты для какого-то пирога, вози-лась с ним несколько часов, а потом ушла читать в сад и начисто про него забыла. История была не смешная, но когда Тара была жива, она умудрялась вдохнуть в нее жизнь. Она умела смешно шутить. И смеяться.

Мэттью шел, не оглядываясь. Он не знал, кого благодарить за надпись на табличке – Тима или Тиффани, а, может, и вовсе Лару или Фила, но решил поблагодарить всех.

Лавка стояла одинокая, приготовившаяся к дождю и долгим годам ожидания. Табличка на ней была новехонькая, но уже вполне готовая для того, чтобы встретиться с временем – со следующей набегающей волной. Лавка была как Тара.

«Теперь как-нибудь сам».

Тара Вудхэм.

«Я буду ждать тебя здесь».

Теперь как-нибудь сам, дорогой. Теперь как-нибудь сам.

2011 – 2012 гг.
Истборн – Ижевск

НОВЫЕ КНИГИ

Алексей Ермолаев. Удмурт литератураысь дас дано ним. Десять выдающихся имен удмуртской литературы. Хрестоматия литературно-критических текстов. Составители Н.Г. Ермолаева и И.Н. Семенова. Ижевск: издательство Удмуртского государственного университета, 2012. В хрестоматию включены статьи разных лет известного критика Алексея Ермолаева об удмуртских писателях, чье творчество стало этапным для развития национальной литературы XX века. В хрестоматии представлены работы критика, которые в настоящее время начинают активно вовлекаться в научный оборот и требуют своего осмысления в учебном процессе. Издание рассчитано на преподавателей, аспирантов, бакалавров, магистрантов, студентов средних профессиональных учебных заведений, учащихся школ и всех, кому интересна удмуртская литература и духовная жизнь удмуртского народа.

Анна ВЕРИНА

автор книг «Диссонансы»,
«Осеннее равноденствие»,
«Мозаика жизни»,
«Горький шоколад»,
г. Ижевск

«И ГОРНИЙ СВЕТ МНЕ ДУШУ ОМЫВАЕТ...»

Стихотворения

Горький шоколад

О, сладкое детство...
В нем запах полыни
Был зноем приправлен, как медом...
С обрыва запруды катались по глине
И слыли счастливым народом.
Земля вкруг оси много раз повернулась,
И прудик снесли, и бараки...
И сладким, и горьким к нам жизнь
прикоснулась,
И в горы несла, и в овраги.
Листая судьбы заурядные главы,
Восприметсяжизнь как награда.
И даже на пике позора иль славы –
Вкус горького в ней шоколада.

* * *

Птица, поющая даром,
Я не твоя ли сестра?
Муза пленила нектаром,
Капающим с пера.
Птичьи раздерганы крылья,
Перья очинены...
Но клювик игольный колибри
Звездное тянет вино.
Вот оно – пьяное зелье,
Тайный небесный настой –
Кельи пустое веселье,
Горечи запах густой,
Ритмов текучий порядок,
Сердца таинственный жар...
Плавится звездный осадок
В сладкий незримый нектар.
В ночь невесомо взлетая,
Невыразимое пью.
В день золотой иногда я
Птицей бескрылой пою.

Весенний ливень

Выпрыгнул дождь из распахнутой
тучки,
Коршуном пал на бугорчатый луг.
Ох уж мне эти весенние штучки –
Ливень берет на испуг.
Тучка иссякла, земля заблестела,
Высунул крот из норы чуткий нос,
Пчелы взлетели по сладкому делу,
Лист на березе подрос.
Воздух парной, словно мед в медогонке,
Солнцем приправленный – сладкий,
густой.
Запах весны упоительно тонкий,
Словно волшебный настой.
Пей тот настой, в нем энергия чуда,
В нем и судьба, и любовь, и полет,
Звук неземного волшебного гуда,
Что человечество к звездам зовет!

* * *

Любовь меняю только на любовь!
Без фальши и липучего елея...
В любви боюсь господ или рабов,
А в равнодушье – выжить не сумею.
Доверию – доверием плачу!
А ложь – надежда духом оскудевших.
Слова любви я вряд ли прошепчу
Лжецу... Скорее – птахе из скворешни.
Быть Человеком – всем ли по плечу?..
А речь – не главный признак Человека.
Я о любви уже давно молчу
В плену немом надорванного века.
Как ни бели, а тьме не стать белей,
Как ни черни, а свет души не застить.
Любовь жива! Но только ею мне
Мой вечер не дано уже украсить.

* * *

Выгуливаю дождь на огороде...
О, как он бесподобно шелестит,
Он чист и наг, желанный гость природе –
В моем наделе целый день гостит.
Умыто дышат легким паром грядки,
Играет капля в пазухе листа,
У тучки солнце выиграло в прятки,
И вся земля, как в Первый День, чиста.

* * *

О самом сокровенном умолчу…
Душа жива! И, значит, – слава Богу!
Конец метаньям. Подожгу свечу
И пристально вгляжусь в свою дорогу –

Извилисто петляет позади…
А впереди – прямее не бывает.
И счастье, что ее не обойти.
И Горний свет мне душу омывает.

* * *

Сердце, жаждущее Бога,
Мишурой не обмануть.
К Раю долгая дорога,
И тернист и узок путь.

На краю моей печали,
Как и жизни, – говорю:
Я уже стою в Начале –
К небу тропочку торю.

Сердцу, жаждущему Бога,
Негасимый виден свет.
Он – в пути моем подмога,
Сердцу ласковый завет.

Наша женщина

Сокровенная, теплая, нежная,
Не криклива твоя красота!
Настоящая, мудрая женщина,
Пред тобой отступает беда.

Ты – всесильная! Ты – успешная!
Знаешь долю свою наизусть!
Пьет смиренно душа твоя вешняя
Вечных истин глубинную грусть.

Жить не женской судьбою завещано,
И любить, и прощать. И… терпеть!
Пресвятая российская женщина,
Ты России не дашь умереть.

* * *

Мой задумчивый, мой тихий,
Не грусти об уходящем.
Брызги солнца в облепихе
Греют душу в настоящем.

Мы с тобой мудрее любим
Эту землю и друг друга,
Места нет порывам грубым,
Не размечет нас и вьюга.

Это просто чувства стали
И спокойнее, и чище.
Наши страсти отпылали,
Нам тепло на пепелище.

Помнишь, как сгорало лето,
Обжигая душным зноем…
Были души перегреты,
Было солнечно обоим.

Но любовь мудрее страсти.
Каждый день благословляя,
Мы смогли судьбу умастить,
Ароматом окрыляя.

Не грусти, что лето сникло, –
Осень брызжет новым светом!
Сосен спаренные иглы –
Жизни двойственной примета.

* * *

Все это неспроста.
Глухая тишина!..
– Ау, хоть кто-нибудь?..
Над грядкою листа
Я в сумерках одна
Устала спину гнуть.

Сквозь переплет окна
Сочится в дом закат
И угасает свет.
Но стала мысль ясна –
Душа весь век одна,
Аукай или нет.

* * *

Очень странное потрясение…
Как нежданное воскресение
Погребенной давно души.
Как она тяжело болела!
Я лечить совсем не умела,
Предпочла ее задушить.

А когда снизошло умение
Перешагивать через тернии,
Научилась в себе молчать.
Приручила лису забвения,
Чтобы знаки судьбы, знамения,
Откровенья не замечать.

Но судьба нашла наказание,
Мне последнее испытание –
Старый крест донести – дала.
Знать, не вырваться из фрактала,
Коль в него судьба закатала,
Как в асфальт. Вот и все дела.

* * *

Не боли, голова, не боли.
Жизнь растаяла тучкой вдали.
Я – на краю земли.

Проходные заводов пусты.
Осыпаются в реки мосты.
Множатся лишь кресты.

Не стучи, барабан, не стучи.
Не летают над пашней грачи.
Сердце горько молчит.

Не боли ты, моя голова.
Мертво падают наземь слова.
Где та жизнь, что права?

* * *

Ничего не бывает случайным,
Ничего не проходит бесследно.
Связь событий мы не замечаем,
Суть вещей познаем не усердно.

Нынче мелочи спешного быта
Нам на «завтра» канву составляют.
Лишь колючки обид не забыты,
Наше «завтра» они отравляют.

И в себя недосуг нам вглядеться,
Груз обид отряхнуть, улыбнуться,
Чью-то стужу согрев добротою.

Хорошо бы к истокам вернуться,
Все исправить и с радостным сердцем
Встать легко пред последней чертою.

* * *

Облачко последней благодати
Слишком быстро тает надо мной.
Жаль, что я уже почти на старте
В мир иной.

Краток праздник бытия земного…
Я ль не страстно каждый миг жила?..
Стыдно, что о жизни так немного
Поняла.

Все уйдет под землю, и утихнет
То, что было счастьем и виной.
Память растворится в топкой тине
Временно́й.

* * *

Где-то в неге млеет лето,
Где-то плачется метель.
А во мне – и то, и это:
Дверь срывается с петéль…

То безумные желанья,
То рассудок правит бал.
Сердца бег – пугливей лани,
Разум пятиться устал.

Песня главная не спета,
Нет мелодии и слов.
Душно в узости корсета,
Страшно в ласковости снов.

* * *

Свитки истин в пробелах дыр.
Небо смоет людские беды.
Пусть ученье чужой Ригведы
Нам покажет свой чудный мир.

Скрыто временем и пространством
Незнакомое постоянство
Светлой нежности и любви…
Ты попробуй и позови.

По вселенной кружить устала.
А ведь мне надо очень мало –
Только толику доброты.
В небеса глаза – где там ты?..

Ты бы был маяком, звездою,
Я бы ввысь плыла за тобою.
Боже, стань же моей душой,
Чтобы мир звучал хорошо!

Поэту

О чем ты там кричишь,
Не слышный никому?..
Зачем тревожишь тишь
В разрушенном дому?..

Не глядя в темноту,
Со свечкою живи,
Вверяй себя листу
Во славу лишь любви.

Иное – суета
Слепая, словно крот.
Лишь речи красота
Таит души полет.

* * *

Что-то возникло из боли…
Свет нестерпимый ожег…
Вскрикнула: «Боже, доколе
Жизнь моя – жгучий урок?..».

Я ль не быстра, не усердна?..
Я ль не внимала всему?..
Явь моя немилосердна,
Непостижима уму.

Встреч моих белые пятна,
Черные дыры разлук…
Что же все так непонятно?
Что же так много-то мук?

Луч, зажигаясь от боли, –
Горний ли свет упадет, –
Груды осадочной соли
Выбелит, в пар изведет.

* * *

О, слепота моя! Благословенна
Ты в мире перевернутом!
Ну что ж…
Прошло и то, что чудилось нетленным
И праведным.
И утвердилась ложь.
Была незрячей – радостней жилось.
Прозрев, я оказалась с миром врозь.

* * *

Ну, вот и новый поворот
В кривой судьбе. Любимый спорт –
Себе проблемы создавать
И нити связанные рвать.

Покой для дур – как смерть сама.
Их божество – Пандора.
Находят пищу для ума
В скандалах и раздорах.

Для круглых дур науки нет –
«Мух не отделят от котлет».
Себе и всем опасны.
Учить их – труд напрасный.

* * *

Луна, надкушенная справа,
И звезд колючая орава…
Печальный воздух октября
Не разрумянит и заря.

Душа как будто цепенеет.
И лишь калина пламенеет,
К углу сарая прислонясь.
А дождь развел такую грязь,

Что ноги юзом по дороге…
Однако не дает упасть
Надежда! – Укрепляет ноги
Ее обманчивая власть.

Триптих

Природа

Лес добрее, чем людские города,
В нем нет почвы для бессмысленных
сует.
Если в небе зарождается звезда,
Значит, нужен для Вселенной этот свет.

По ушедшему язычеству скорблю –
Всю Природу почитали, берегли.
Я всю жизнь ее в душе своей коплю –
Благодать родимой Матушки-Земли.

Каждый камешек причастен к бытию,
Каждый звук – иноязычный разговор.
Только люди попривыкли к забытью,
Возведя вокруг себя глухой забор.

У Природы закрома полны всего,
Лишь бы разум человечий был при нем.
Лень и жадность – наказание его,
Их бы выжечь очищающим огнем.

Фатум

Все неизбежно в этой сладкой жизни –
И пропасти, и взлета высота,
И запоздалые себе же укоризны,
И тризны, и гнилая пустота.

Но память и покой нам остаются,
Когда иссякнет вдруг сердечный жар,
И времени шаги слышней, и рвутся
Земные нити – жизни странный дар.

Но даже грусть о про́житом прекрасна.
Душа врастает прочно в строй Земли,
На ней былинка даже не напрасна –
Наполнена энергией любви.

Еще б дожить до умиротворенья
Души и разума. Неистовую страсть,
Благодаря, предать гробам забвенья
И к Матери-Земле душой припасть.

Немного жаль, что выбор нам заказан –
Кому и как под звездами прожить.
Но для чего подарен людям разум?
Наверное, с Природой со-творить.

Творя, лелея чистый свет планеты,
Служить гармонии и, мир вокруг любя,
Искать и находить всему ответы,
Природу-Мать вопросом теребя.

О, вера в разум! Ты неодолима.
Земля взрослеет! С нею – человек!
Пусть все кометы пронесутся мимо,
Чтоб свет планеты никогда не мерк.

Мир светится и мною, и тобою,
И многосветьем душ из всех времен.
И мы без памяти Земной нуля не стоим,
Но наши нотки полнят мира звон.

Неслышимый, неявный, со-творенный,
Планетный гимн, светящийся во мгле,
И солнечный, и лунный!
Подкрепленный
Светимостью всех живших на земле!

Я

Я соглашаюсь, наконец, со всем, что есть!
Я принимаю этот мир сполна!
Приму осознанно и мирно свою смерть,
Пусть даже на дворе кипит весна.

Я есть иль нет, Земле не все равно,
Ведь я несу ей малый свой фотон,
Я зернышко несу в ее гумно
И о грядущем вещий полу-сон.

Я – гимн весне соловушки в саду!
Я – ветвь березы над твоим плечом!
И я не просто в мир иной уйду –
Я стану нотой мира и лучом!

Ирина КОЛОДИЕВА

автор книги стихов
«Ежедневное умирание,
ежедневное воскресение»,
г. Ижевск

«НЕ ПЛАЧЬ, ДУША, НЕ ПЛАЧЬ...»

Стихотворения

* * *

Безропотное таянье снегов.
Предчувствие цветных многоголосий.
И перезимовавшая любовь
Присутствие мое едва выносит.

* * *

Дерзким ветром в окно.
Настежь. Навзничь. Насквозь.
Безутешным дождем.
В полный голос. Навзрыд.
И стирается грань
Между былью и сном.
И снимается груз
Непрощенных обид.

* * *

Колеса уходящих поездов
Выстукивали музыку вокзала.
И долго я за звуками бежала,
И стая неисписанных листов
Листвой увядшей с губ моих слетала.

* * *

Не смотрите мне вслед участливо,
Не жалейте меня, не надо.
Я была на земле очень счастлива
Каждый миг, что была с ним рядом.

* * *

На время о бездомности забыв,
Сменив дорожный плащ
на шелест шелка,
Мурлыкать незатейливый мотив,
Ступая по сверкающим осколкам.

И, разделив усталость на двоих,
Поверить вдруг, что сказка
станет былью,
И, отстегнув поломанные крылья,
Причастие принять из уст твоих.

* * *

Не этого хотела, видит Бог!
А получилось снова, как всегда.
И вновь на перекрестке трех дорог,
И снова нагоняют холода,

Подкрадываясь тихо, со спины,
Швыряясь отшумевшею листвой.
И зябкое сознание вины –
Как снег над непокрытой головой.

* * *

Ты проникаешь. А я приникаю.
К прикосновеньям твоим привыкаю.
Ты оставляешь. А я остаюсь
Пить по глотку неизбежную грусть.

* * *

Никогда ни о чем не жалеть.
Никого ни о чем не просить.
Над судьбой занесенную плеть
Превращать в путеводную нить.

С каждым шагом труднее дышать.
И проигран неначатый спор.
Сколько вынести может душа,
Если тело живет до сих пор?

* * *

Смирись, душа, смирись!
Пора угомониться.
Земная жизнь – она
Сурова и проста.
Заботы тянут вниз,
И многому не сбыться,
Здесь принимают яд
И прыгают с моста.

Не плачь, душа, не плачь.
В слезах не много проку.
В тяжелых башмаках
Нам суждено пройти
Дождями неудач
Размытую дорогу.
Ты силы береги
Для долгого пути.

Да мало ли чего
Ты, милая, хотела!
Да мало ли о чем
Твои бывали сны!
Бездарно длится жизнь
Измученного тела,
Сгибаясь под крестом
Непонятой вины.

* * *

Судеб перепутаны следы.
И глаза небес свинцово-серы.
Запах застоявшейся беды –
Словно ожиданье высшей меры.
Больно жить. И боли нет конца.
Жизни нить и тянется, и длится.
Доза сладострастного свинца
На ладонь дрожащую ложится.
Замер в ожидании курок.
И еще не принято решенье.
А корабль уходит на восток,
Увозя надежду на спасенье.

* * *

Устала. Опустошена.
Окончен долгий бой.
Как будто выпита до дна
Алкающей судьбой.
Не так, как устают за день, –
Как устают за век.
От тела остается тень.
От снегопада – снег.
Стою, не поднимая рук.
(Моя ли в том вина?)
От слова остается звук.
А дальше – тишина.

* * *

Я долго буду о тебе молчать
Везде и всюду, в праздники и в будни.
Я вечно буду по тебе скучать –
Чем дальше, тем острей и беспробудный.

Целуясь с кем-то, кем-то дорожа,
Смеясь и плача, злясь и обижаясь,
Я вечно буду за тобой бежать,
Ни на чуть-чуть к тебе не приближаясь.

Так суждено. Судьбы упрямой блажь,
В которую поверилось однажды.
Моя неутоленная печаль.
Моя неутоляемая жажда.

* * *

О любви они не говорили,
В верности друг другу не клялись,
Просто сердце сердцу отворили
И в одно дыхание слились.

В чреве обезумевшего века,
Над бедой поднявшись и судьбой,
Жили два счастливых человека.
Вспомни. Это были мы с тобой.

* * *

Мне ничего не нужно в этом мире,
Когда в нем нет тебя, любовь моя,
В своей печальной маленькой квартире,
В конвульсиях земного бытия
Пью наизусть заученные строки
И наизусть засмотренные сны.
И понимаю, как мы одиноки
И как друг другу истово нужны.

Николай МРЫХИН

автор пяти
поэтических сборников,
п. Первомайский,
Удмуртия

«ДУМАЙ ТОЛЬКО О ХОРОШЕМ...»

Стихотворения

Банька

Луч погас последний, тонкий,
И луга укрыл туман,
И заводит песню звонкий
За околицей баян.
С милой завтра спозаранку
Травы росные косить.
«Женушка, неплохо б баньку
Нам сегодня истопить».
Радость-банька, чудо-банька!
«Солнышко, парку подбавь-ка,
Не жалей, плесни еще!».
С любушкой без бани жарко,
Ну, а с банькой – горячо!
То ли паром обжигает,
То ли жар от ласк твоих!
В мире чище не бывает
Банной праведной любви.
В бане пахнет терпкой мятой
Да полынною травой.
Все, что в бане, – чисто, свято.
И слоится сыроватый
Пар – как нимб над головой.

* * *

Вы говорите: «Нет».
Да полно, право слово,
То прятать за словами,
Что глазки выдают.
Серп месяца по небу
Серебряной подковой,
Да в роще соловьи
Неистово поют.
Прелестница и скромница,
Наяда, одалиска –
Все в вас переплелось:
И правда, и обман.
Вся ваша жизнь – игра,
Игра на грани риска,
Игра на грани фола.
Не знать ли это вам?
Игра же стоит свеч,
И вам бояться ль риска,
Коль миром правит рок
И властвует судьба?
Прелестница и скромница,
Наяда, одалиска –
Все ваши «нет!», «о, нет!» –
Игра. «Да, милый! Да!».

Гавроши России

Вам, птенцам желтоклювым
угрюмой и мрачной России
Уготовано все: голод, холод,
подвальная мертвая мгла.
Русь в свободный полет,
не взрастив, не вскормив, отпустила,
Да вот времени крыльям
окрепнуть она не дала.
Вам не матушкой Русь –
а недоброю, вздорною мачехой,
У которой нет сердца,
покрыта коростой душа.
Нет, не слышит она, как в подвалах
кутятами плачете,
В заскорузлых от грязи ручонках
сухарик держа.
И нелегкая участь вас ждет,
повзрослевших и злобных:
Все Бутырки, Кресты
да Владимира-града централ,
Лай собак конвоирных
да ветер колымский, холодный,

Лесосеки Сибири
да батька горбатый Урал.
Не поможет вам власть,
лишь надежда одна на мессию.
Долго ждать. И дождетесь ли?
Вряд ли. Ах, Боженька мой!
Вы, гавроши России,
больной, неразумной России,
Бессердечной России, –
моя неизбывная боль.

Жизнь как день

Жизнь как день. Все ближе, ближе вечер.
На лугах туман, и спит село.
И все ближе подступает вечность,
Что положит венчик мне на лоб.
Никого б и взглядом не обидеть,
Всех врагов да и себя простить.
Научили кривду ненавидеть,
Помогите правду полюбить.

Лебедевка

В.В. Морозову-Баринову

Где барский дом – тишь запустения,
Лишь ветер вечное поет,
Печально и уныло пение,
Что даже за душу берет.

Все те же травы, небо сине
И сосен рыжие стволы,
Не слышно только клавесина
И шумных игрищ детворы.

А было все: и в небе радуга,
Мелькала за верстой верста –
Летела тройка от Елабуги
До Лебедевки по холстам.

Играло солнце в сбруе искрами,
А барин был надменно хмур,
И – пес цепной – пред ним заискивал
Сам управляющий де Бур.

Балы с мазурками да вальсами,
Охоты во весь русский пыл.
Лебедку ублажая ласками,
По пруду гордо лебедь плыл.

Мгновеньем пролетели годы:
Все меньше пляшут, больше пьют,
Иная жизнь, иные моды,
И даже песен не поют.

Загажены луга и воды,
Лишь чисто солнышко-медаль.
Мне жаль загубленной природы,
А барство кануло – не жаль.

И в ряске, в тине пруд заброшенный,
Как будто не было тех дней.
Печалью поросли дорожки.
Не стало белых лебедей.

Ноченька

Бывает так: проснешься спозаранку,
А ночь темна и тяжела, как ртуть,
Из края в край искрящеюся манкой
По бархату небес рассыпан
Млечный путь.

Когда до пенья жаворонка вечность,
До первых петухов час-полтора, –
Безвременье, бескрайность,
бесконечность,
Пора поэтов и воров пора.

Лишь шелестят задумчивые клены,
Алмазами блестит в лугах роса.
И дышится свободно. Просветленно.
Душа вдруг воспаряет к небесам.

И нет печали, все легко и просто,
И даже кажется, что смерти тоже нет,
И мирозданью задаешь вопросы,
Конечно, не надеясь на ответ.

* * *

Мой сельский край,
мой дивный край былинный,
К тебе душой навеки я прирос.
Петух здесь каждый мнит себя
павлином,
И «дворянин» здесь всякий
сельский пес.

Здесь из лугов хмельные ветры веют –
Становишься вмиг пьяным без вина.
Меня аршином деревенским мерит
Родимая до стона сторона!

Когда иду по древнему погосту,
Спокойно думается, думается просто:
Под этой ли янтарною сосной
Забвенье обрету я и покой?

Приемлю все: измены и потери,
Но эту землю, мне – родную мать,
Но землю эту, где люблю и верю,
Никто не в силах у меня отнять.

«Думай только о хорошем»

Первой, нежною порошей
К пруду тропочку топчу.
«Думай только о хорошем», –
Как молитву я шепчу.

Голубеет неба купол,
И чарует тайной лес.
Путал-путал – не попутал,
Не прельстил лукавый бес.

Оттого ль-то без утайки
Миру радость я дарил?
Снегирей алеет стайка,
Словно капельки зари.

Ашальчи ОКИ
(1898 – 1973)

К 115-й годовщине со дня рождения двух великих удмуртских поэтов, ставших классиками удмуртской литературы, – Акилины Векшиной (Ашальчи Оки) и Кузьмы Чайникова (Кузебая Герда).

«КОГДА СЛЫШУ Я ШЕЛЕСТ ВЕСНЫ...»

Стихотворения

Перевел с удмуртского Кузебай ГЕРД

Ты спросил у меня...

Ты спросил у меня:
«Ну, к чему это пишешь стихи?
Тратишь силы, как вол для сохи?..».

А спросил ли, спросил ли, мой друг,
У овса, что созрел на полях,
Ночь и день почему он шумит,
Ночь и день сам с собой говорит?

А у речки спросил ли, мой друг,
Почему она вечно журчит,
Не смолкая, струится, бежит?

А весною в садах соловей
Почему распевает с ветвей, –
Ты об этом спросил ли, мой друг?..

У дороги

У большой дороги белая береза…
Отец мой родимый, ее не руби.

У прохладных речек шелковые травы…
Братец мой любимый, их ты не коси.

В желтой ржи волнистой васильки,
как глазки…
Их, сестра родная, ты не рви, не рви.

Под горой высокой ручеек
хрустальный…
Матушка родная, его не мути.

У большой дороги белая береза –
Это стан мой стройный, гибкий
и красивый.

У прохладных речек шелковые травы –
Это мои косы пышные, большие.

В желтой ржи волнистой васильки,
как глазки, –
Это мои очи синие, как небо.

Под горой высокой ручеек хрустальный –
Это будут слезы, пролитые мной!

Как собака...

Ты к пирушке целый день
Мыла, чистила везде,
И куда ты ни взгляни,
Много пива и стряпни.

Задыхаясь в едком дыме,
Ты арак варила в чуме,
И, работая весь день,
Как собака ты устала.

Утром ты гостей созвала.
С песней грустною, как тень,
Подавала им вина,
Напоила допьяна,

А под вечер провожала
За ворота полевые
И с детьми легла ты спать:
«Спите, милые, родные!».

Стук в ворота… Злой-презлой
Пьяный муж идет домой,
Грозно пнул ногою дверь,
Зарычал, как пьяный зверь.

Все ворчал он, долго пил,
Изругал тебя, избил,
Как собаку. А потом
Сам уснул мертвецким сном.

Только ты одна всю ночь
Не спала. Кругом темно.
И, рыдая, проклинала
Жизнь свою. И зазывала,

Чтобы смерть пришла к тебе.
И в своей тюрьме-избе
До утра ты завывала,
Как собака…

Я глупа была раньше…

Я глупа была раньше:
Когда дождик сквозь солнечный луч
Тонкой сеткой струился сквозной,
А на небе, как пояс цветной,
Дуга-радуга вдруг расцветала, –
«Я бы платье такое соткала!..» –
Так мечтала я раньше…

Ночью летней, взглянув в небеса,
Искры звезд загорались в глазах.
«Ах, собрать бы тех звезд золотых,
Ожерелье бы сделать из них!» –
Так мечтала я раньше…

Когда солнечный луч из-за туч
Вдруг блеснет бахромой золотой, –
«Ах, тех туч золотую кайму
Я б пришила к платку моему!» –
Так мечтала я раньше…

Ах, глупа я, глупа и теперь:
Когда слышу я шелест весны,
Вижу сны, рой обманчивых снов,
Верю снова я им, отвечаю на зов,
Забывая всю горечь потерь.
«Счастье все впереди!» – говорю,
Жду чего-то, горю…

Вишня белая цветет

Вишня белая цветет,
Речка Чиго струйки льет,
Пчелка мед цветов сосет,
Вишня белая цветет…

Любит девушка с весны
Молодца и слезы льет…
Любит, любит… Видит сны…
Вишня белая цветет…

Если милый…

Я стихи эти писала
В день арня, гуляя в поле…
Если милый не прочтет их,
Жаворонком пусть взовьются
В облака и расплывутся.

Опоясал стан мой стройный
Пояс желтый и зеленый…
Если милый не увидит,
Пусть в болоте этот пояс
Станет тиной под водою.

По лугам вчера бродила,
Нарвала ромашек белых…
Если милый не вернется,
Пусть ромашки те завянут,
Пусть посохнут, сеном станут.

Грудь, лицо мое смочили
Иль роса, иль это слезы…
Если милый не узнает,
Их не вытру. Утром рано
Пусть поднимутся туманом.

Сердце плачет, напевает
И дрожит, как струны гуслей…
Если милый не полюбит,
Мое сердце круглым камнем
Пусть утонет в синей Каме!

Мотыльки

Мы – семья мотыльков,
Шаловливы, легки,
На просторах лугов
Вьемся, как огоньки.

Неба синь в вышине,
А под нами цветы,
И порхаем весь день
Мы в лучах золотых.

Легкий ветер с утра
Любит с нами играть,
Нас целуют цветы,
Нас качают листы.

И как пламя огня –
Наши крылья средь дня.
Мы игривы, легки,
И стройны, и тонки.

На лугах и полях
Мы играем весь день,
Пока ночь не придет,
Не придут тьма и тень.

Дети, дети! Гурьбой
Не ловите же нас!
День такой голубой,
А вы губите нас!

Тамара ПАНТЕЛЕЕВА

литературовед,
г. Ижевск

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ПЕРЕВОДЕ РОЗЫ ЯШИНОЙ

А.С. Пушкина переводили на удмуртский язык не единожды. Еще в конце XIX века пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке» перевел один из первых удмуртских просветителей Г.Е. Верещагин, и она до сих пор востребована. Удмуртскими поэтами переводились и отдельные пушкинские стихотворения. Можно вспомнить переводы В. Ившина, С. Матвеева, Р. Яшиной и других. Роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина до сих пор не переводился на удмуртский язык, хотя необходимость перевода назрела давно.

Роза Ивановна Яшина – известный лингвист, литературовед, переводчик. Ею были переведены на удмуртский язык рассказы В.Г. Короленко, стихи А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Перевод романа «Евгений Онегин» на удмуртский язык был чрезвычайно ответственной, почетной и сложной работой. Но переводчица успешно справилась с поставленной задачей, стремясь найти такое слово, словосочетание или выражение, которое было бы близко оригиналу, ярче раскрывало бы замысел поэта.

Это было непростой задачей еще и потому, что описываемые в романе исторически удаленные события, явления, предметы пушкинского века во многом требовали комментариев или поисков аналогий, понятных удмуртскому читателю. Ведь такие понятия, например, как «двор», «светское общество» в общенародном удмуртском языке отсутствуют. Переводчица дает пояснения к тем словам и оборотам, которые могут быть непонятны учащимся общеобразовательных школ, изучающим «Евгения Онегина» в рамках школьной программы. Для лучшего усвоения текста сельскими детьми переводчица дает обширные ссылки, так как свою роль для понимания романа здесь может сыграть многое: историческое время, факты давно минувших дней, названия иностранных топонимов и антропонимов, неизвестных современному читателю.

При работе над переводом Р.И. Яшина бережно отнеслась к мелодике романа, его ритму и рифмам, что также способствовало приближению перевода к оригиналу. «Евгений Онегин» А.С. Пушкина в переводе Р.И. Яшиной на удмуртский язык читается легко, воспринимается едва ли не как оригинальное произведение, в котором многое доступно и понятно.

Эта работа переводчицы вносит весомый вклад в развитие переводческого дела в республике и может служить одним из образцов художественного перевода с русского на удмуртский язык.

Перевод пушкинского романа в стихах делает возможным его практическое применение в лекционных курсах, на семинарских занятиях по истории удмуртской литературы и на уроках русской литературы в общеобразовательных школах и лицеях при изучении темы «Творчество А.С. Пушкина». Ученики сельских школ могут читать «Евгения Онегина» как на родном, так и на русском языке, поскольку оригинал и перевод даются на одной странице и есть возможность сравнения.

Было бы уместным при использовании удмуртских диалектизмов, новых слов и терминов также давать к ним пояснения (например, рядом с такими словами как «визьбурет», «нэ», «ниньяз» и так далее). Это можно будет сделать в последующих переизданиях романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на удмуртском языке в переводе Розы Ивановны Яшиной.

Петр СКОБЕЛЕВ

журналист,
г. Ижевск

«Я ПРИДУ НА ПОГОСТ, ПОСИЖУ...»

Стихотворения

Перевел с удмуртского Анатолий ДЕМЬЯНОВ

Мусоля трубку

Мусоля трубку, я не стал сильней,
Не стал умней, мусоля сигарету…
Кляня табак, курю бессчетно дней,
И толку от моих проклятий нету.

Грызут мое нутро смола и смрад
Заморского забористого зелья.
Бросал смолить, но жить-дышать не рад,
Страдая от табачного «похмелья».

И я ль себя за слабость не корил,
Раскаянием поздним угрызался:
Мол, не одну машину «прокурил» –
С отравой никотиновой связался.

Конец дурной привычке, леший с ней,
Решительно накладываю «вето»!
Мусоля трубку, я не стал сильней,
Не стал умней, мусоля сигарету!

Над вечным покоем

Я к родному дому спешил
Перед мамой моей отчитаться,
Что я доброго в мире свершил,
С молочком от души посчитаться.

Годы-пули свистят у висков,
Жизнь ушла, будто с вешней водою.
Нет давненько моих стариков,
Да и сам я старик с бородою.

Батя с мамой… О чем расскажу,
Где я весточкой вас успокою?
Я приду на погост, посижу
Близ могилок, пред вечным покоем.

Шалый ветер в чужбину унес –
Много лет я в изгнании пробыл…
Я гостинчиков нынче принес,
Что ж вы их не возьмете на пробу?..

Алексей ЕЛЬЦОВ

журналист,
г. Ижевск

«ПЫЛ РЯБИНЫ, СОК МАЛИНЫ...»

Стихотворения

Перевел с удмуртского Анатолий ДЕМЬЯНОВ

* * *

И жаворонки в небе трели льют,
И соловьи над заводью поют,
И гулит сизый голубь над окном,
Где матушка моя, где отчий дом.

К большому хлебу – жаворонка трель,
К обильным росам – соловья свирель,
Воркует голубь – охраняет дом,
Где мать без нас томится в доме том.

Подспорье житу птичьи голоса,
Хрустальней и пользительней роса,
Но голубя певучий говорок
Вернет детей на их родной порог.

* * *

Первоцвет у сугроба встает
Снежно-белый, как тело твое...
По весне, по душе, по судьбе –
Я его посвящаю тебе.

Василек, словно в небо глаза,
И любимых очей бирюза...
Луговую и вышнюю синь
Я тебе посвящаю – носи!

Ал-шиповник зацвел в облаках,
На твоих отразился щеках.
Всполох солнца, шиповник, зарю
Посвящаю тебе и дарю.

Посвящаю тебе италмас:
Вопреки поговорке пустой
Он измены для нас не припас,
Он не желтый цветок – золотой!

* * *

Пыл рябины, сок малины,
Край – родная сторона.
Купиной неопалимой
Светит осень у окна.

Струйной песней сердце лечит,
Поит гречу и овсы
Чебершур... По нашей речи
«Чебершур» – река красы.

Земляки родного края:
Ладен облик, стать светла,
И у них в руках играют
Что литовка, что пила.

Вековечен песней-пляской
Нам лесной, озерный край,
Многоцветно юн и ласков
По садам цветущий май.

Благодать грибов и ягод
По еланям и лесам,
Где опушкам эхо радо
И девичьим голосам.

Наш чаек с душицей алой,
Перепечи, пироги...
Побывать у нас пожалуй
Нашим гостем дорогим!

Пыл рябины, сок малины,
Сторона, родимый край...
Путь до нас не шибко длинный –
Жданым гостем побывай!

* * *

Спешу-бегу путем-дорогой долгой,
Крутиться шибче шар земной зову...
Река ль навстречу, будь она хоть Волгой,
В саженки, на махах переплыву!

Найдет меня и обогреет солнце
В дремучей, заповеданной глуши,
В груди тоска-тревога рассосется,
И облик твой всплывет со дна души.

Проведаю, как там живут орлы,
Отведаю на вкус воды кипучей,
Что хлещет из расселины скалы,
Достигну я вершины рядом с тучей.

Святой, глубинной свежестью омоют
Пригоршня-две воды из родника.
Привал неблизок, мешкать мне не стоит,
Коль путь-дорога так же далека.

Спешу-бегу, в ладу с моей судьбой:
Вращать ногами землю под собой...

* * *

Родник в истоке – малое дитя,
Его струя из первородства льется,
Ему пока, младенчески шутя,
Ликуется, лопочется, смеется...

Вот речка чуть годами погрузней,
Стези ее по-юному пытливы,
Искания основ присущи ей
И значимей речьми ее извивы.

Река – она степенна, словно мать,
И с песнями речные сходны речи,
Зовет гостить и любит принимать
Окрестную гурьбу ручьев и речек.

Без дна, без края море-океан,
Где воедино – детство, младость, зрелость,
Но зорям и над ним не отгорелось,
А волн седых неспешный караван
О том поет, о чем еще не пелось...

* * *

Любовным грезам вход не воспрещен
Куда угодно, там ничто не грубо –
И впился б я поистине клещом,
В больном чаду твои целуя губы.

Любовным грезам разум не закон,
И в тайном зное их безумных версий
Готов бы я младенцем-грудничком
Ласкать, смеясь, твои литые перси.

Любовным грезам – кто в них не витал? –
Скрипучий голос ханжества не слышен...
О, как бы я роскошно обитал
Всего блохой в потьмах твоих подмышек!

Любовным грезам властен только сам...
Превозмогаю пыл неистребимый
И шлю мои лобзанья волосам,
Лицу, глазам, рукам моей любимой.

Любовным грезам ведомы пути
Финала устремленьям оголтелым.
Войти в тебя, любимая, войти...
И стать потом блаженно опустелым.

* * *

За лес, к ночлегу солнце укатилось
Омолодить веселые лучи,
Но кипенно черемуха светилась,
Цвела и пахла в спеющей ночи.

Шалаш, шалаш... В его еловых лапах
Кочующее счастье испокон...
Из котелка простецкой снеди запах:
Крупа, картошка, снять с борщевиком.

Бродяжий стан, и быт его известен,
И просто эту скудность превозмочь:
Ведь мы с тобой впервые только вместе –
Лишь ты да я, а третья с нами – ночь.

Шалаш пребудет жарким и бессонным,
Как миг мелькнут венчальные часы,
И нас благословит наутро солнце,
Усыпанное блестками росы.

Людмила БУСЫГИНА

литературовед,
г. Ижевск

Кузебай Герд (Кузьма Павлович Чайников) – знаковая фигура в истории развития удмуртской литературы и культуры. Поэт, прозаик, переводчик, драматург, музыковед, общественный деятель, основоположник удмуртской детской литературы, автор многочисленных научных работ в области фольклористики, литературоведения, лингвистики, этнографии и педагогики, он был личностью уникальной. В этом году Удмуртия празднует 115 лет со дня рождения своего великого сына.

ОТЦЫ И ДЕТИ

КУЗЕБАЙ ГЕРД И ФЛОР ВАСИЛЬЕВ

Луд гыремын ке ӟеч,
Кизись тырше ке ӟеч,
Сюе усе кидыс но ӟеч.
Пумен бусы но вожектэ,
Ыр тӧл азьын узьым эктэ
Мынам но тыршеме потэ:
Кизем кылъёс-кидысъёсы
Ӵалык сюлме мед усёзы,
Жужалозы вож удысъёс!
Если поле вспахано – хорошо,
Если сеятель старался – хорошо,
Если семена падают в землю – хорошо.
Постепенно зеленеют поля,
Озимь колышется ветром.
Мне тоже хочется трудиться.
Посеяны слова-семена,
Пусть слышит народ,
Чтобы в его сердце запали эти слова,
Поднялись зеленые всходы!
Подстрочный перевод Р. Кувшиновой

Эти строки Флора Васильева, посвященные классику удмуртской литературы Кузебаю Герду, были написаны 24 ноября 1964 года в период, когда поэт только-только был реабилитирован, и, собственно, иногда еще проявлялось влияние негативного отношения к творчеству «запрещенного» поэта. Чувство большого уважения и признания высокого таланта вылились в словах Флора Васильева. Надо полагать, он читал Герда, хорошо знал его творчество, учился у него. Хотя, как утверждает А. Ермолаев, «…Гердлэн творчествоез Флор Васильев гожъяны кутскыку «пытсамын» вал. Егит поэт соин тодматскыны быгатӥз ини туж бер». (Ермолаев А. Бердышысен Ижозь, собере кыдёкысь шаеръёсы. Васильев Ф.И. Кылбуръёс. Ижевск, 1995. С. 9).

Творчество Герда было «закрыто» в то время, когда Флор Васильев начинал писать. Молодой поэт смог познакомиться с ним позднее. Но, тем не менее, были изданы три сборника стихов Герда: «Крезьчи» («Гусляр», 1922), «Сяськаяськись музъем» («Цветущая земля», 1927), «Лёгетъёс» («Ступени», 1931), в свое время он много печатал-

ся в газетах и журналах. Такая творчески активная натура как Васильев не мог не заинтересоваться лирикой Герда. К тому же в 1920-е годы благодаря стараниям Герда и под его непосредственным влиянием выросла целая плеяда удмуртских писателей: Ашальчи Оки, Айво Иви, М. Тимашев, А. Клабуков и другие, с творчеством которых лирик был хорошо знаком. Именно через их поэзию Васильев мог соприкасаться с творческими поисками Герда. Возможно, не случайны совпадения в мировоззрении поэтов двух поколений, закономерны параллели в их образных системах, средствах самовыражения и творческого воплощения: одно и то же языческое начало, символистское мировоззрение, романтическое настроение, свободолюбивые устремления, образный, выразительный язык, похожие темы, мотивы, образы.

Поэтический мир Кузебая Герда и Флора Васильева – это мир природы, где в каждом образе в той или иной степени сфокусированы мировоззренческие и эстетические концепции поэтов, что уже не раз доказано исследователями удмуртской литературы (А.Г. Красильников, 1988; А.С. Зуева-Измайлова, 1997; В.Г. Пантелеева, 2000, и так далее). Выросшие в атмосфере народных песен, в окружении удмуртских обрядов, обычаев, традиций поэты вынесли из-под родительского крова ярко осознанное чувство родства, родового начала, чувство национального. Любовь к фольклору, родному языку и родному краю стала основой их миропонимания. Им бесконечно дорого все, что связано с детством: полноводная белая Кама, бесшумная Вала, быстрая Чепца, бескрайние просторы удмуртских полей, васильки во ржи, италмасы, крики ночных птиц, звуки гармошки, раздающиеся эхом в ближайшем перелеске, напевы удмурток, что совершенно естественно отозвалось в их поэтических системах.

Выделяется «национальный дух» художественного мира Герда и Васильева, где «языческий миф как один из культурных «кодов» оказывается вплетенным в ткань художественного целого не только на тематическом, композиционном, образном уровнях, но и на уровне текста, то есть на том уровне поэтического целого, который всегда и всецело символичен, неисчислим, является «цитатами без кавычек», переплетением «множественности смыслов». (В.Г. Пантелеева. Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантические особенности стиля. Ижевск, 2000. С. 28).

Но уже и анализ образных парадигм двух поэтов показывает, что образы леса, деревьев, птиц, цвета, пространства и времени являются не просто набором элементов, а иерархической системой ценностей. Именно они служат экспликатором ментального пространства лирической системы художников слова. В звуках, цвете, линиях природных образов мы угадываем «прежде всего звучание праслова, за знаковым и привычным образом мы ощущаем голос далеких предков, переплетение и орнамент различных праобразов». (В. Шибанов. Голос совы где-то слышится вдруг... Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск, 1998. С. 539).

Архаико-фольклорные традиции, нашедшие выражение в лирических системах поэтов, связаны главным образом с оппозиционной структурой их художественного пространства (*верх/низ, небо/земля, земля/потусторонний мир*), времени (*день/ночь, свет/мрак, лето/зима*). Важную роль в поэтическом мире художников слова играют *ворота, двери, окна, река*, являющиеся пограничными отрезками между своим и чужим миром. При этом и время фиксируется в физических зооморфных и орнитоморфных формах (в образах *петуха, совы, уток*), свойственных мифическому мироощущению. И сакральный аспект чисел (прежде всего, *семи и трех*) снова возвращает нас к архаическим схемам мифологического мышления.

В художественный мир Кузебая Герда и Флора Васильева неотъемлемой частью вошли традиционные мифологемы, но, следует заметить, через их художественное переосмысление, что порождает авторские инварианты образов и смыслов. Так, например, анализ семантического поля *«березы»* в лирике двух поэтов показывает, что в их природно-поэтическом мире береза является символом женского начала, метафорически раскрывает красоту женщины, женский характер, женскую долю и так далее. Подобные метафоры функционируют как элементы фольклорного стиля. Но в стремлении к его переосмыслению угадываются попытки контекстуального обновления модели *«береза – женщина»*. При проникновении в смыслосодержательные глубины слова и образа Герда и Васильева выделяется модель *«береза – мать»*. Так, например, Герд наделяет березу функцией материнства, деторождения:

Нюлэскын тӧдьы кызьпуэд
Арлы быдэ куар поттэ...
В лесу белая береза
Каждый год распускает листья…

Обращает на себя внимание выражение *куар потто* – буквально *«выводит листья»*: строка вызывает ассоциацию рождения. Данное выражение создано поэтом по

аналогии с *пи поттэ – «птенцов выводит»* (оживотновление растений). Но данным приемом поэт оперирует очень осторожно, он не является стилеобразующим в его творчестве.

В многоплановости словообразов Флора Васильева выделяется модель *«береза – мать»*:

Егит кызьпу юнмаз, будйз,
Урдсаз жутско ни пиосыз.
Молодая береза крепла, росла,
Рядом уже поднимаются дети.

Но контекстуально-семантический уровень позволяет выявить в строках стихотворения и ассоциативную схему *«береза – ребенок»*.

И в стихах Кузебая Герда с «женской» темой атрибутивно связана тема «маленького, слабого, жалкого» деревца. Напевность строк стихотворения «Сюрес дурын» («У дороги») сближает стихотворение с колыбельной песней:

Эн бöрд, эн бöрд,
Нунькае,
Тöдьы, чебер,
Вож апае...
Не плачь, не плачь,
Дитятко,
Белая, красивая
Зеленая сестренка...

Поэт обращается к березе как к младенцу, для усиления включая в текст уменьшительно-ласкательное слово *нунькае – «дитятко»*.

В стихотворении «Кызьпуын – пузкаръёс, пузкаръёс...» («На березе – гнезда, гнезда») Флор Васильев углубляет тему, актуализируя проблему материнства и бездетности:

Кызьпуын – пузкаръёс, пузкаръёс...
Жадисьтэм бурдоос ӵаш потто...
Нош вöзаз вож ньылпу кунэрскем.
На березе – гнезда, гнезда...
Неутомимые птицы шумят...
А рядом зеленая пихта
исподлобья смотрит.
Кызьпуысь куаръёсты учкыкуз,
Нылпитэм кышномурт кадь адске...
Когда смотрит на гнезда на березе,
Походит на бездетную женщину…

Как утверждает исследователь творчества Флора Васильева В.Г. Пантелеева, «семантика традиционного образа приобретает «удвоенную интенсивность» при совмещении или сопоставлении различных ассоциаций, вызываемых другими образами», в результате чего усиливается психологизм. (В.Г. Пантелеева. Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантические особенности стиля. Ижевск, 2000. С. 61).

В творчестве двух поэтов выделяется еще одна параллель с исследуемым комплексом *«береза – символ родины»*. Так, в стихотворении «Удмурт музъемлы» («Удмуртской земле») Кузебай Герд лик березового края вмещает в понятие *баблес тэльёс – «кудрявые леса»* (в народной поэзии эпитет *баблес – «кудрявый»* – чаще всего применим к образу березы):

Тынад вылтйд тöл лоба, тöл шудэ,
тöл юмша,
Изись баблес тэльёстэ улзытэ, сайкатэ;
Тынад вылад лыз инъёс-пилемъёс уяло,
Нюръёсад, тыосад туриос кесяськыло.
Над тобой ветер летает, ветер играет,
ветер гуляет,
Спящие кудрявые леса оживляет, будит;
Над тобой синие небеса-облака плавают,
В болотах, на озерах журавли курлычут.

Скупая точность слова сочетается с многогранной глубиной его внутренних смыслов. Особенно значимым и запоминающимся в тексте является перечислительный ряд существительных, в котором зафиксирована характеристика пространства удмуртской земли: *тэльёс – леса, тыос – озера, нюръёс – болота, возьёс – луга*.

Для Флора Васильева край родников и берез – это, главным образом, затерявшаяся в лесах родная удмуртская деревенька Бердыши:

Вордскем гуртэ бертылыку,
Нырысь ик пумита кызьпу...
Дорме тодам ке ваисько,
Вож кызьпуэз мон адзисько.
Когда возвращаюсь в родную деревню,
Сначала встречает береза...
Когда вспоминаю дом свой родной,
Зеленая береза встает перед глазами.
(Здесь и далее подстрочный
перевод автора статьи).

Подобный семиотический анализ дает еще ряд инвариантов образа березы: *береза – оберег, береза – лоно природы как приют души, береза – свет, береза – огонь, береза – творчество*. Таким образом, художественный мир этих мастеров слова включает архаическое сознание, отраженное в мифопоэтических текстах. При этом следует заметить, что масштаб ассоциаций, символов-обобщений лирики поэтов восходит не только к поэтике фольклора, но и к поэтике символистов. Однозначно влияние литературного контекста времени на творчество Кузебая Герда: «консервативный символизм (романтизм) Лохвицкой и революционный романтизм Горького», экспериментаторство Брюсова и «первозданность» образного мышления Есенина, Блока и так далее. (З.А. Богомолова. «Если б счастье мое было вольным орлом…». Как молния в ночи… К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск, 1998. С. 332).

В поэзии же Флора Васильева – одного из ярких представителей «тихой лирики» – та же медитативность, сосредоточенная на радости, печали, любви, отличающаяся тонкостью, изяществом передачи переливов чувств и настроений, та же мелодичность, музыкальность, что и в поэзии М. Лохвицкой и С. Есенина, берущая начало в творчестве Бодлера, Гофмана, Верхарна и других символистов:

Васькe, васькe лымы пыры.
Тöдьы, тöдьы, тöдьы.
Чалмыт-чалмыт туннэ кырын,
Капчи гылзе дöдьы.
Спускаются, спускаются
(падают, падают) снежинки
Белые, белые, белые.
Тихо-тихо сегодня на улице,
Легко скользят сани.

Это отмечает и исследователь творчества Флора Васильева В.Г. Пантелеева: «Мелодия – какая-то воздушная, легкая, трепещущая субстанция, точка соприкосновения всех трех художественных миров удмуртского лирика». (В.Г. Пантелеева. Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантические особенности стиля. Ижевск, 2000. С. 35). Те же свободолюбивые мотивы, что и у революционных романтиков, но, естественно, в несколько ином преломлении:

Кион сюан толэзь шорын вордски,
Вузэмзылэсь öй кышка мон…
В середине месяца волчьих свадеб
(февраля) родился я,
Их воя не испугался я...

Или:

Букос лымы пöлтӥ
Уг лу ке мынэмед,
Кезьыт лымы
Ляке-ӧокта ке ымнырдэ,
Аслыд ачид
Юн ке но потэ вожед,
Эн курла улонэз.
По глубоким сугробам
Если не можешь
(не получается) идти,
Холодный снег
Если облипает-закрывает твое лицо,
Сам на себя
Если сильно обижаешься,
Не хули жизнь.

В философских размышлениях поэта над вечными вопросами добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти обнажается такая черта художника как нетерпимость к людским порокам, ограниченности, серости, несправедливости в обществе. Но поэт пытается не столько противостоять негативным явлениям в жизни, сколько размышляет, советуется, советует, предполагает. Он ищет компромисс, в чем легко угадываются национальные черты характера удмуртского народа. Не случайно, наверное, в стихах Флора Васильева – обилие удмуртских пословиц и поговорок, где, кстати, обнаруживаются «следы» традиционной удмуртской культуры, которые предстают стереотипами народного сознания:

Кузь сюрес вылэ потом азьын
Ӟус вылын пукиськом ӝамдэ.
Перед дальней дорогой
На скамейке немного сидим.
Сизьым шур ваментӥ со выжоз,
Со ортчоз на сизьым гурезез.
Через семь рек он перейдет,
Он пройдет семь гор.

Есть целые стихотворения-поверья:

Азьыз – сяська, берыз – силё,
Кожа – кескич, визьмыз – öжыт...
Муртлы гудэ ке но со гу,
Ӧемысь ачиз усе отчы.
Коӧо уг тоды куӧозэ,
Нош со уг шöды кыӧезэ.
Сьöраз ортчем ини ортчыт,
Пушказ – кион, вылаз – ыж ку.
Спереди – цветок, сзади – сорняк,
Думает – хитрый, ума – немного...
Хотя и копает другому яму,
Чаще сам и падает в нее.
Сорока не знает пестроты,
Но чувствует, какова она.
Обнаглела до предела,
Внутри – волк, сверху – овчина.

Народные выражения переплетены в живой речи лирического героя, как они переплетены, собственно, и в речи удмуртского народа. Кузебай Герд так пишет об этом: «Пословицы и поговорки переплетены в живой речи, их одновременно все и знают, и не знают, ибо они создаются и умирают в процессе самой речи... Пословицу и поговорку вотяк не может оторвать от живой речи, он ее и не мыслит как нечто отдельное». (Кузебай Герд. Собрание сочинений. Составитель Ф.К. Ермаков. В шести томах. Т. 4. Ижевск, 2004. С. 130-131).

Лирика поэта – как песни-импровизации северных удмуртов, где раздумья и переживания человека переливаются в глубокие философские осмысления проблем быта и бытия. Стихи предстают крылатыми выражениями, своеобразными умозаключениями.

Эти стихи-нравоучения, стихи-советы Флора Васильева развивают тему поэта и поэзии, в плоскости которой эти тексты снова перекликаются с творчеством Кузебая Герда.

Гу вылам котькин мед ӧыдэтскоз,
Верам кылъёсме
Тодаз мед уськытоз!

На могиле моей всяк пусть отдохнет,
Сказанные мной слова
Пусть вспомнит!
Кизем кылъёс-кидысъёсы
Калык сюлме мед усёзы...
Посеяны мною слова-семена,
Чтобы в сердце народа запали
эти слова...

Таковы критерии искусства Кузебая Герда и Флора Васильева. Возможно, не случайно через десять лет Флор Васильев снова возвращается к теме сеятеля:

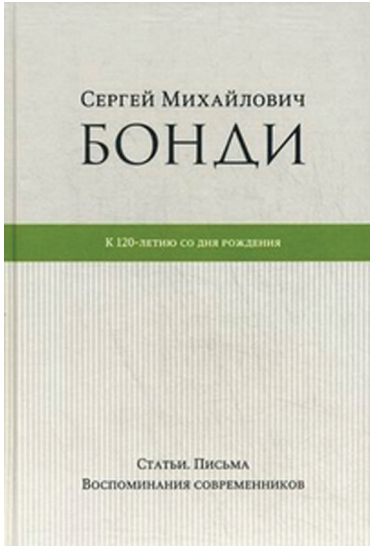
Паськыт лудэз кизьылйзы
Кышкасьтэм песятайёс.
Гырем муэ усьылйзы
Таза тысьёс, улон тысьёс...
Атайёсмы но аразы,
Пачыл-пачыл кеносъёссы...
Лудэ ни ми но потймы,
Кидыс усе небыт сюе.
Нош араны та бусые
Вамыштозы ныльпиосмы...
Широкое поле засевали
Бесстрашные деды.
Во вспаханную землю падали
Здоровые семена, жизни семена...
И отцы наши жали.
До отказа набитые амбары...
И мы на поля уже вышли,
Семя падает в мягкую землю,
А жать на это поле
Придут наши дети...

В стихотворении «Атайёс но ныльпиос» («Отцы и дети») поэт снова актуализирует проблему преемственности поколений, как полвека назад писал Кузебай Герд о своих переживаниях и желаниях. Сегодня, спустя десятилетия, традиции Герда и Васильева обнаруживаются в творчест-ве талантливых молодых удмуртских поэтов Михаила Федотова, Виктора Шибанова, Сергея Матвеева и других. В их творчестве можно встретить аллюзии и реминисценции тем и образов классиков удмуртской литературы. Над трагической судьбой Кузебая Герда размышляет бесермянский поэт Михаил Федотов:

Мар сярысь малпаськиз меда
Герд,
Узвесез сюлмыныз ньылыкуз?
Со шӧдйз,
Со валаз, дыр, но – бер,
Кин кариз улонзэ тӧлопуз...
Так о чем же он думал
в последний свой час,
когда сердце готовилось
пулю сглотнуть?
Он, наверное, понял,
с чего началась
эта злоба свинца,
что летел ему в грудь...
Перевод Владимира Емельянова

А скольких ты утешил, окрылил,
И скольким ты надежду подарил!
В стихах твоих – прямая с жизнью связь,
Они с людьми беседуют сейчас...
Перевод Виктора Алейникова

Этими словами выразил признательность своего поколения Флору Васильеву Владимир Романов. Много других стихотворений посвящено великим сынам удмуртского народа. Каждое такое стихотворение – слова благодарности поэтов своим Учителям.



НОВЫЕ КНИГИ

Сергей Михайлович Бонди. К 120-летию со дня рождения. Статьи. Письма. Воспоминания современников. Москва: издательство МГУ, 2013. Сергей Бонди – классик отечественного литературоведения, выдающийся пушкинист, текстолог, историк русской литературы XIX века, знаток музыки и театра. В книгу включены малоизвестные статьи Бонди, посвященные поэтам Евгению Баратынскому, Льву Тредиаковскому, Александру Сумарокову, Михаилу Ломоносову, его неизданные доныне письма к Михаилу Гнесину, Александру Слонимскому и Сергею Боброву, статья «О музыкальном чтении М.Ф. Гнесина». В книге опубликован комментарий к работе Бонди над полным академическим собранием сочинений Пушкина. Завершают том воспоминания о Бонди его друзей и учеников. В юбилейный сборник вошли редкие фотографии из семейного архива Сергея Михайловича Бонди.

Марина АГЕЕВА

преподаватель Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

ДЕТЕКТИВ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ ЭДА МАКБЕЙНА

Герой и атмосфера «крутого» детектива были невероятно привлекательны для читателей 1940 – 1950-х годов. Однако в послевоенный период интенсивное развитие системы правоохранительных органов «сделало триумф деятельности частного сыскного агентства Пинкертона историческим курьезом». Рост городского населения, сложность и анонимность городской жизни и городского преступления «разрушили идею о том, что один человек может выследить преступника в городе в пять миллионов душ». (Panek L. An Introduction to the Detective Story. Bowling Green: UPP, 1987. С. 171).

Так в пространстве американской детективной литературы во второй половине 1950-х появился детектив, который в зарубежной критике называется полицейский роман (police novel), но чаще – детектив полицейской процедуры (police procedural).

Развитие детектива полицейской процедуры началось в Америке с радиопостановок. Еще в 1930-е годы, реагируя на страх общества перед захлестнувшей страну преступностью, по радио начали передаваться беллетризированные рассказы о работе полиции. В дальнейшем радиостанции начали создавать собственные полицейские драмы, комментируемые реальными профессиональными полицейскими. В конце 1940-х годов радиопостановки подобно таким как «Бродвей – мой район» (Broadway is My Beat), «Человек из отдела убийств» (The Man from Homicide) представили слушателям драмы, которые «объединяли ужасное преступление, мелких преступников, реальное окружение, полицейскую процедуру – основные компоненты детектива полицейской процедуры». (Там же. С. 173).

Обостренный интерес к деятельности полицейских вызвали исторически значимые решения Верховного Суда США по делам о защите прав подозреваемых – «Эскобедо против штата Иллинойс» (1964) и «Миранда против штата Аризона» (1966), которые послужили новыми темами для детективов полицейской процедуры и подготовили публику к восприятию нового направления в детективной литературе.

В детективе полицейской процедуры как в любом типе детективного повествования есть тайна преступления и необходимость ее раскрытия. История развития детективной литературы показывает, что сюжетной схеме детективного произведения «присуща адаптивность и способность к совершенствованию и усложнению», и детектив полицейской процедуры «открыл для писателей новые перспективы, предоставив возможность бросить вызов основным условностям классического детектива и ввести элементы реализма, к которому детективная литература стремилась с 1920-х».

В предисловии к своему первому роману о 87-м полицейском участке «Ненавистник полицейских» (1956) Эд Макбейн говорит: «Город, изображенный в этой книге, – плод авторского воображения. Названия районов и улиц, действующие лица вымышлены. Только описание будничной работы полицейских детективов, методики расследования преступлений соответствует реальной жизни». (Mystery and Suspense Writers: the Literature of Crime, Detection, and Espionage. Vol.2/ed. by R. Winks. New York: Scribner, 1998. С. 1128).

Сохраняя традиционную сюжетную схему, детектив полицейской процедуры вводит в повествование иной тип главного героя. У него есть узнаваемый, реально существующий в жизни «двойник» – профессиональный полицейский. Следует отметить, что образ полицейского, призванного по долгу службы расследовать преступление, является неотъемлемой составляющей как классического, так и «крутого» детективного сюжета с неизменным ироничным либо негативным отношением к нему главного героя. Полицейский в классическом детективе – человек, преданный своему делу, но он зауряден, лишен воображения и подчинен организации. Как правило, в классическом детективе все происходит по традиционной схеме: преступник не оставляет следов, полиция оказывается бессильной что-либо сделать, в результате приглашается или вмешивается в дело по собственной инициативе знаменитый детектив со своим методом сыска и обязательно разгадывает криминалистическую загадку, называя убийцу. Блестящий аналитик, классический сыщик презирает полицейских, умеющих собрать вещественные доказательства, но не способных сделать единственно верный вывод.

Отношения между полицией и сыщиком в «крутом» детективе чаще всего враждебные и соперничающие. Хотя отдельные полицейские могут быть в дружеских отношениях с «крутым» сыщиком, полиция как институт охраны правопорядка представлена неспособной бороться с проникающей повсюду и распространяющейся преступностью, и закон не способен вершить правосудие.

Как в классическом, так и в «крутом» детективе сыщик противопоставлен представителю полиции с явным превосходством сыщика в вопросах профессионализма и нравственности. Основная функция полицейского и в классическом, и в «крутом» детективе – подчеркнуть превосходство сыщика над его «официальным» двойником в деле расследования преступления, что неоспоримо доказывается всем развитием детективного повествования. Являясь логическим этапом в развитии жанра, детектив полицейской процедуры выводит на первый план повествования работу полиции и, преодолевая насмешливо-негативное отношение, делает главным героем профессионального полицейского, принадлежащего системе органов правопорядка.

Термин «детектив полицейской процедуры» подразумевает, что тайна преступления раскрывается сыщиком, использующим методы раскрытия, доступные профессиональному полицейскому. В традиции классического и «крутого» детективов сыщики брались за расследование по личным мотивам, часто – из симпатии к жертвам. Сыщик в полицейском детективе тоже сочувствует жертве, но, вместе с тем, раскрытие преступления – это его работа.

Изменение социального и профессионального статусов главного героя влечет за собой изменение методов раскрытия преступления. Если в классическом детективе сыщик использует свою наблюдательность, логику и воображение, то сыщик «крутого» детектива опирается на хорошую память, упорство, физическую силу, выносливость, твердость воли. Работа сыщика детектива полицейской процедуры основана на рутинных методах, доступных обычному полицейскому. Он использует информаторов, допрашивает свидетелей, выслеживает подозреваемых, пользуется услугами полицейской криминалистической лаборатории. «Случается, что все зависит от твоих ног, от осведомителей, от твоих арифметических способностей. Но бывает и так, что все делают криминалисты, а тебе только остается пойти и арестовать убийцу», – говорит детектив, один из героев Э. Макбейна. (Э. Макбейн. Убийство в винном магазине. Э. Макбейн. Сборник романов. Москва: Рипол Классик, 1999. С. 42). В этом комментарии Э. Макбейн подчеркивает, что сыщик-полицейский всегда работает в команде, разделяя с напарниками ответственность и опасность расследования.

Новаторством Э. Макбейна было создание и использование подразделения полицейских в качестве группового героя. «Насколько мне известно, никто еще этого никогда не делал, и я чувствовал, что делаю нечто уникальное…», – отмечал сам автор. (Mystery and Suspense Writers: the Literature of Crime, Detection, and Espionage. Vol.2/ed. by R. Winks. New York: Scribner, 1998. C. 1128).

Раскрытие тайны в полицейском детективе – это результат работы нескольких персонажей, тогда как в классическом и «крутом» детективе успех целиком и полностью зависит от индивидуальных достижений главного героя. В результате погоня за преступником, ставшая характерным приемом «крутого» детектива, дополняется, а часто заменяется кропотливой работой по обнаружению и выслеживанию преступника, регламентированной методами и нормами, регулирующими деятельность обычного полицейского, который является неотъемлемой частью системы правоохранительных органов, призванных государством обеспечивать закон и порядок в обществе.

Создав серию романов о работе детективов 87-го полицейского участка, находящегося в Айзоле, одном из районов вымышленного американского мегаполиса, Эд Макбейн «с его комбинацией юмора, сентиментальности, реализма в описании полицейской рутины и детального параллельного мира Айзолы стал самым влиятельным автором детективов полицейской процедуры». (Panek L. An Introduction to the Detective Story. Bowling Green: UPP, 1987. С. 173).

Детектив полицейской процедуры, который был закономерным этапом в развитии детектива в американской литературе, у Макбейна вступает в полемику с обеими предшествующими субжанровыми формами: классическим и «крутым» детективом. Ведущим мотивом этой полемики выступает несоответствие содержания литературных произведений той реальности, в которой происходят подлинные преступления.

В детективе полицейской процедуры неоднократно повторяется мысль о случайном характере событий жизни: «В мире телевидения все имеет свои причины, свои мотивы. И только полицейские знают, что даже Шерлок Холмс – это полная туфта и что слишком часто нож между лопатками всаживают просто так, безо всякой причины». (Э. Макбейн. Ночные кошмары [Текст]. Режим доступа: http://makbejn.ru/Nochnie_koshmari/page14.html. – 23.09.2010). В такой ситуации дедуктивный метод не в состоянии решить все проблемы.

Причина снисходительного неприятия классических детективов – их полная оторванность от современной реальности. Эд Макбейн характеризует период создания классических детективных произведений мифологической формулой «добрые старые времена»: «В старые добрые времена обычным среднестатистическим убийцей была женщина: она приходила домой, видела, что муж снова валяется в стельку пьяный, трясла его, как грушу, а потом, разозлившись, наконец, говорила – к черту, шла на кухню, брала кочергу и наносила шестнадцать ударов в грудь и в горло. Такая вот была жизнь. А если интересуешься всякой белибердой, читай детективный роман, написанный какой-нибудь дамой из Суссекса… В старые добрые времена ты, случалось, справлялся с делом за три-четыре часа – между обедом и ужином, так сказать… Теперь все не так. По статистике тридцать процентов убийц даже не знают своих жертв. Абсолютно чужие друг другу люди, совершенные незнакомцы буквально на секунду оказываются в какой-то извращенной близости – на ту секунду, которой хватает, чтобы спустить курок или вонзить лезвие ножа». (Э. Макбейн. Ночные кошмары [Текст]. Режим доступа: http://makbejn.ru/Nochnie_koshmari/page65.html. – 23.09.2010).

Обращает на себя внимание то, что автор детектива полицейской процедуры указывает не на жестокость современных преступлений в отличие от преступлений прошлого – «шестнадцать ударов в грудь и в горло». В приведенном фрагменте основной отличительной особенностью «старых добрых времен» считается чрезвычайная простота человеческих взаимоотношений, которая и определяет характер совершаемых преступлений. Так как отношения были простыми, то и преступления были примитивными: «ты справлялся с делом между обедом и ужином». Разумеется, они не могли служить материалом для художественного произведения, поэтому детективные истории предстают в виде «белиберды, написанной какой-нибудь дамой из Суссекса». Классический детектив, с точки зрения полицейских 87-го участка, представляет собой набор умозрительных конструкций, предназначенный для заполнения досуга людей, живущих спокойной, размеренной жизнью: главный недостаток классического детектива – оторванность от реальности. В реальности современного города отношения между преступником и жертвой чрезвычайно сложны и запутаны, и ситуация «извращенной близости» просто не поддается логике классического детектива.

Именно в сложности этих взаимоотношений Э. Макбейн видит основную проблему в процессе расследования: «Что бы ни говорилось о работе полиции, а уже сказано и еще будет сказано немало, бесспорно одно – эта работа сталкивает своих исполнителей с наиболее неприкрытой в своей реальности стороной человеческой жизни. В своей работе полицейскому приходится иметь дело с животными инстинктами и низменными мотивами, с которых сорваны многочисленные покровы, стерилизованной и загнанной в вакуум цивилизации двадцатого века». (Э, Макбейн. Протяни ребятам руку. Мошенник; Протяни ребятам руку. Ставрополь: АСОК-Пресс, 1992. С. 217).

На этом фоне приемы детективной литературы выглядят безнадежно устаревшими: «Единственное, от чего я наотрез отказался, как только меня сделали детективом, – сказал Карелла, – так это от поиска мотивов преступления… – Этим ты подрываешь мою мальчишескую веру в детективную литературу, – сказал Мейер. – Средства осуществления преступления, мотивы его и представившаяся возмож-

ность его совершения. Вот три кита, которые известны всем и каждому. – Не включай сюда меня, пожалуйста. Я всего лишь делаю свою работу, – сказал Карелла». (Э. Макбейн. Выкуп Кинга. Э. Макбейн. Покушение на леди; Выкуп Кинга; Под утро. Тюмень: Миньон, 1991. С. 154-155).

Такой же ироничной критике подвергаются и приемы «крутого» детектива: «Буксиры на реке Харб издавали какие-то особенно заунывные вопли, а обычно веселые детские площадки на противоположном берегу реки были пусты и неприветливы, да и сама река в обрамлении черного от дождя асфальта выглядела достаточно мрачно. Драматурги, которые сочиняют сценарии детективных фильмов, обязательно удержали бы камеру на этих пустых детских площадках, на набережных, на мокрых ступеньках, спускающихся к самой воде…Камера не удержалась бы и от крупных планов, и уж обязательно в одном из этих крупных планов внезапно появилась бы рука с растопыренными пальцами, внезапно возникающая из глубины… Набившие руку писатели описывали бы все это или снимали с размахом и всякими стилистическими ухищрениями; а день сегодня выдался просто как специально созданный для людей их профессии. Люди из 87-го полицейского участка писателями не были. Просто они поняли, что у них на руках еще одно дело о всплывшем утопленнике». (Э. Макбейн. Мошенник).

Причина подобного неприятия устоявшихся форм детективного повествования заключается в том, что все они в равной степени условны и поэтому очень быстро и необратимо превращаются в штампы, которые заслоняют от человеческого восприятия подлинную реальность. Писатель подчеркивает эту условность, используя сослагательное наклонение: «приурочили бы», «удержали бы камеру», «обязательно запечатлелись бы», «набившие руку писатели описывали бы все это или снимали с размахом и всякими стилистическими ухищрениями».

По мысли Эда Макбейна, полицейские – это одна из немногих категорий людей, которые в силу своей профессии постоянно сталкиваются с самой настоящей реальностью. Они не могут заслониться от нее вымыслом, фантазией или заимствованным у других представлением, как это происходит с большинством обывателей. О склонности современного человека к бегству от реальности говорится в пространном внутреннем монологе одного из детективов 87-го участка: «Шагая в потоках дождя, Хейз думал о странном желании людей проводить большую часть своего времени, живя фантазиями других. В распоряжении каждого человека имеются сотни способов ухода от реальной действительности – книги, фильмы, телевидение, журналы, пьесы, концерты, балет – все, что призвано создавать некое подобие реальной жизни и уводить человека из плоти и крови в волшебный мир фантазии… Наблюдатель трижды отгорожен от самой жизни. И посреди этого трижды изолированного существования была реальность, которая сейчас для полицейского сводилась к отрубленной кисти руки». (Э. Макбейн. Протяни ребятам руку. Мошенник; Протяни ребятам руку. Ставрополь: АСОК-Пресс, 1992. С. 217).

В процессе отрицания представлений о реальности, сконструированных в художественных произведениях вообще и в детективной литературе в частности, автор детектива полицейской процедуры создает собственный вариант художественной реальности, отличающийся следующими принципиальными свойствами. Истинная реальность слишком сложна и поэтому никогда не сводится к набору условных формул, как это происходит в классическом детективе. Сложность реальности заключается не в полном отсутствии каких-либо связей, как в «крутом» детективе, а в трудности их выделения среди потока случайных, не имеющих существенного значения событий. В сознании современного человека подлинная реальность всегда скрыта под плотным слоем искаженных, упрощенных, кажущихся самоочевидными представлений о ней. Успех работы полицейского во многом зависит от его способности отделить одно от другого: «Анализируя ситуацию, он решил, что стал жертвой весьма распространенного в их работе заблуждения. Он пришел к самому очевидному заключению и не попробовал поискать истину дальше, а, как часто случается, истинная правда была столь же близко, что и кажущаяся правда. В данном случае она, пожалуй, была еще ближе». (Э. Макбейн. Шутник. Э. Макбейн. Сборник романов. Москва: Рипол Классик, 1999. С.362-363). Эти свойства реальности и определяют такие понятия как «преступление» и «справедливость» в детективе полицейской процедуры.

Исследователь детектива полицейской процедуры Дж. Дав (G. Dove, 1982) отмечает следующее: «Полиция обычно трактуется как Система, под которой подразумевается не только департамент или отделение, но и расширенный комплекс всей полицейской организации, а также совокупность традиций, которые и составляют всю целостность мира полицейских». (Dove G.N. The

Police Procedural. Bowling Green: Univ. Popul. Press, 1982. C. 68). Выбор сыщика-полицейского в качестве главного героя детективного повествования логически приводит к реализации принципа системы, все части которой взаимосвязаны и представляют собой некую целостность. Наиболее последовательно этот принцип использован в серии романов Эда Макбейна о 87-ом участке.

В детективе полицейской процедуры Эда Макбейна любой элемент повествования не является самодостаточным, он – часть чего-то большего. Нововведением, которым по праву гордился писатель, было создание коллективного героя: «Первоначальным замыслом… было использование подразделения полицейских в качестве группового героя. Я собирался предпринять попытку максимально точно изобразить повседневную работу полицейского в большом городе, но изобразить ее с помощью нескольких персонажей, отличающихся друг от друга как по своим личным качествам, так и чертами характера. Соединившись, они и должны были составить целостный образ – образ 87-го участка. Данная концепция позволила бы мне по мере необходимости вводить в состав подразделения новых людей, добавляя в общую картину их индивидуальные достоинства и недостатки, и, в то же время, избавляться от героев, которые перестают быть значимыми». (Mystery and Suspense Writers: the Literature of Crime, Detection, and Espionage. Vol.2/ed. by R. Winks. New York: Scribner, 1998. C. 1129). Полицейский-детектив – часть своего подразделения, которое, в свою очередь, – часть системы охраны порядка. В постоянном, не прекращающемся ни на один день сражении, которое ведут между собой общество и преступность, 87-ой участок – лишь часть целостной системы, социального института, поддерживающего общественный порядок.

В сюжетной организации романов Эда Макбейна также прослеживается системность. Внутри одного произведения присутствует несколько сюжетных линий, описывающих преступление или преступления и их расследование. Эти линии не параллельны, по мере развития повествования они переплетаются друг с другом, образуя целостную, законченную конструкцию произведения. Например, в основе романа «Ружье» – расследование двух преступлений, которые произошли в разное время в разных районах Айзолы. Стив Карелла и Берт Клинг расследуют дело об убийстве супружеской пары, а Мейер Мейер – убийство уединенно живущей вдовы. В результате расследования преступления оказываются связанными между собой: первое совершено из ревности, второе – с целью избавиться от свидетеля. Примером также может служить сюжет романа «Роковой клин», в котором параллельно развиваются две истории, связанные лишь детективом Кареллой.

Цикл произведений приобретает свойства целостности за счет переходящих персонажей и аллюзий к остальным романам из этой серии. Например, часто повторяющаяся история двойного имени детектива Мейера Мейера, прядь седых волос, появившаяся в результате ранения на виске рыжеволосого детектива Коттона Хоуза, история о спасении от наркотиков сына лейтенанта Бернса, образ гениального преступника со слуховым аппаратом по кличке Глухой, который впервые появляется в романе «Шутник», а затем и в других романах цикла: «Легавые», «Послушаем за Глухого», «Восемь черных лошадок».

Реализация понятия системы привела к изменению семейного статуса героя детектива полицейской процедуры в сравнении с классическим и «крутым» детективом. По словам Р. Чандлера, «любовный интерес всегда ослабляет интригу, потому что вводит напряженность иного плана, вступающую в противовес усилиям детектива разгадать криминальную загадку», поэтому «настоящий детектив не женится никогда». (Р. Чандлер. Случайные записки о детективном романе. Р. Чандлер. Сборник романов. Москва: Рипол Классик, 1999. С. 788).

Действительно, при описании расследований преступлений вполне можно обойтись и без подробностей личной жизни полицейского, это может снизить остросюжетность произведения. Но в детективе полицейской процедуры герой – это член сообщества: он вписан в сложную систему социальных отношений, одним из проявлений которой становится семья. Поэтому сыщик-полицейский часто – человек семейный: у Мейера Мейера жена и трое детей, Стив Карелла с большой нежностью относится к своей глухонемой красавице-жене Тедди и детям, Берт Клинг переживает гибель невесты и неудачный брак.

Отношения между сотрудниками полицейского участка напоминают семейные: «Итак, все оказались при деле, и это вселяло надежду. У каждого сыщика появилась личная заинтересованность. У них было теперь о чем поговорить, когда кончался запас анекдотов. Обсуждая убийство в винном магазине, они чувствовали себя одной семьей». В романах не раз подчеркивается, что лейтенант Бернс относится к Стиву Карелле как к собственному сыну, несколько романов цикла посвящены пре-

ступлениям, фигурантами которых становятся родственники полицейских. По мнению критика Дж. Дава, «это не просто дань «реализму»… Скорее это вызвано необходимостью моделирования ситуации, открывающей возможности для развития повествования. Причем исследователь отмечает, что счастливая семейная жизнь полицейского в книгах не вполне соответствует действительности». (Dove G.N. The Police Procedural. Bowling Green: Univ. Popul. Press, 1982. C. 81-82).

Для полицейских Э. Макбейна участок – это не просто место службы, а родной дом, они преданы своему участку: «В пятницу инспекторская выглядела точно так же, как в любой другой день недели… Для тех, кто знал ее, другой такой не было в целом мире… Полицейским он мог быть только здесь. Вообще полицейский – это только служащий 87-го. Вот и все. По крайней мере, в представлении Кареллы. Все другие участки и все другие копы оцениваются только по меркам 87-го и его штата. Территориальный императив. Гордость места. Вот и все». (Э. Макбейн. Ночные кошмары). Автор укрепляет системные связи между своими героями и их профессией, придавая им эмоционально-личностное содержание. Трудно себе представить, чтобы «крутой» сыщик Филип Марлоу с подобным же умилением смотрел на свой пыльный кабинет, а Сэм Спейд с братской любовью относился к своему компаньону.

Одним из необходимых условий устойчивости системы является разнообразие составляющих ее элементов. Соблюдение этого принципа в серии о 87-м участке стало залогом плодотворной литературной деятельности Эда Макбейна. Критики признавали сохранение высокого уровня и своеобразие каждого произведения в этом цикле, несмотря на то, что все они были фактически созданы по одному шаблону.

Местом действия всех романов Эда Макбейна является участок, имеющий порядковый номер 87, в романах он соседствует с 22-м и 89-м участками. Подразумевается, что этот участок – лишь часть некой целостной системы, поддерживающей общественный порядок. Так как этот участок выделен в отдельное подразделение, следовательно, он обладает уникальностью и неповторимостью: это определяется самим функционированием системы.

Наиболее показательным примером может служить начальный период пребывания в 87-м участке детектива Коттона Хоуза в романе «Убийство в винном магазине». Коттон Хоуз переведен из другого, 30-го участка, который он характеризует так: «Там живут богачи. Большие шикарные дома со швейцарами. Типичное преступление – квартирная кража». (С. 40). Служба в таком участке, где убийства происходили редко, выработала у Хоуза определенные служебные привычки и манеру поведения, которые оказываются неприемлемыми для 87-го участка, о котором Мейер Мейер говорит так: «Ну и неделька! Четырнадцать разбойных нападений, три изнасилования, поножовщина на Калвер-авеню…». (С. 431).

В одном из эпизодов романа Коттон Хоуз и Стив Карелла идут арестовывать преступника, убившего полицейского. В результате самонадеянных действий Хоуза они попадают в нелепую ситуацию, которая чуть не стоила жизни Карелле. К счастью, оба полицейских остаются в живых, и Коттон Хоуз отмечает, что, конечно, в 30-м участке тоже случались преступления, но по сравнению с тем, что творилось в 87-м, «они выглядели примерно как стакан лимонада рядом с двойной порцией виски». (С. 88). Промахи, которые допускает детектив, недавно переведенный из другого участка, определяются не уровнем его профессионализма, – позднее он окажется очень хорошим полицейским, – а рассогласованностью структур его предыдущего места работы, 30-го участка, и нынешнего – 87-го. Таким образом, каждый из полицейских участков обладает собственными неповторимыми особенностями, в чем-то схожими с характером человека. Лейтенант Бернс говорит о своем участке как о человеке: «Конечно, после тридцатого участка наш восемьдесят седьмой вряд ли покажется вам райским уголком. Чего там говорить, хорошего действительно мало, но вы к нашему участку привыкнете. Или он к вам привыкнет. Трудно сказать, кто у нас к кому привыкает». (С. 25).

Устойчивость неповторимого облика 87-го участка, обеспечивающая целостность цикла романов, в свою очередь, поддерживается разнообразием элементов, составляющих его внутреннюю структуру. В одном из первых произведений серии дается детальное описание участка, включающее специфику районов, визуальное разнообразие городского ландшафта: описание парка, реки, высотных домов, церкви, унылых многоэтажек, главной оживленной улицы Стем. Детально дана социальная структура участка, фактически представляющая собой срез общества: высотные дома с лифтерами и швейцарами, деловая улица, трущобы, злачное место. Эта картина дополняется пестрым расово-этническим набором: «Население здесь смешанное – большей частью ирландцы, итальянцы и

евреи, переселенцы в третьем поколении, и недавние иммигранты – пуэрториканцы». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 161). В результате обнаруживается, что на территории участка проживает девяносто тысяч человек, но все они отличаются друг от друга, по крайней мере, по месту жительства, социальному статусу и этническому происхождению.

В другом романе районы города сравниваются с отдельными странами, и место действия произведения предстает как земной шар в миниатюре: «Все его пять районов, словно иностранные государства, разделены невидимыми, на первый взгляд, границами. Например, многие жители района Ризола знают улицы английских и французских городов гораздо лучше, чем улицы соседнего района Бестаун, до которого рукой подать, ведь расположенто через реку. Население города говорит на разных языках. Даже жители района Калмз-Пойнт иногда говорят с таким ужасным акцентом, что кажется, будто они полчаса назад прибыли из Уэльса». (Э. Макбейн. Послушаем за Глухого).

Установка на создание уникальных и неповторимых образов прослеживается и на уровне персонажей: «Одним из доказательств мастерства Макбейна как рассказчика становится отказ низводить своих второстепенных персонажей до уровня простых обозначений… Все они обретают кровь и плоть в той степени, в какой это позволяют возможности повествования».

Оправданность существования системы и возможность ее функционирования определяется тем, что ее свойства превосходят простую сумму составляющих ее частей. Это касается, в том числе, и методов расследования преступлений. Успех работы полицейских – это результат согласованных действий команды, направленных к одной цели: найти преступника. «Сыщики 87-го участка тесно сотрудничали друг с другом. Каждый считал своим долгом внести пару центов в расследование любого преступления, и скоро из этих центов накапливался целый доллар». (Э. Макбейн. Плата за убийство).

Преступления в произведениях Эда Макбейна тоже образуют систему. Расследование одного зачастую помогает в расследовании другого. Успех полиции кажется случайностью, но случайностью закономерной – статистика и теория вероятности оказываются на стороне системы и работают против одиночки. Например, в романах о преступнике по кличке Глухой хитроумные планы злоумышленника заканчиваются провалом из-за их сложности. Ему всегда удается обмануть одного полицейского, нескольких полицейских, целый участок, но он оказывается не в состоянии обойти правоохранительную систему в целом. «Когда шеф полиции сказал, что в работе полиции настоящее, прошлое и будущее связаны между собой, он не философствовал и не размышлял о сложной зависимости между иллюзией и реальностью. Он просто хотел сказать, что в работе полиции много случайностей и что многие преступления так и остались бы нераскрытыми, если бы не другие преступления». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 575).

Таким образом, принцип системности присутствует в произведениях Эда Макбейна на всех уровнях: объединения романов в единый цикл, пространственной и сюжетной организации повествования, создания характеров и описания образа их действий.

Превосходство системного над личностным даже в изображении преступности демонстрируется на примере судьбы подростка, живущего в современном городе. Подросток обязательно должен быть членом какой-нибудь группировки (она называется «клубом»), иначе его ждет незавидная участь: «Клуб был их якорем в жестоком мире, где вражеские группировки возникали на улицах, как грибы после дождя. Закон на улице не в помощь… Если ты не в клубе, с тобой все что угодно можно сделать… Таков этот город. Здесь нужна страховка. Принадлежность к клубу – это есть страховка…». (Э. Макбейн. Ночные кошмары). Иными словами, любой человек, даже стремящийся к абсолютной свободе подросток, не может существовать вне системы.

Организованное преступное сообщество, существующее внутри социальной системы и паразитирующее на ней, отличается от аналогичных по уровню организации групп некриминального характера своей замкнутой, обособленной от остального общества структурой. В силу этого оно ограничено в своем развитии и становится маргинальным общественным феноменом. Преступная группировка заведомо неполноценна с точки зрения системности по двум основным причинам: количественно – она всегда меньше всего остального общества, потому что в легальной среде все элементы являются частью чего-то большего (например, полицейский – часть своего подразделения, которое, в свою очередь, – часть системы охраны порядка и так далее), качественно – она неспособна к саморегулированию и самосовершенствованию. Но в равной степени справедливым может быть и обратное утверждение – группа людей, обладаю-

щая этими свойствами, а именно замкнутой, обособленной от остального общества структурой, становится питательной средой для преступной деятельности, она становится потенциально криминальной. Отсюда негативное отношение полицейских к современным иммигрантам, встречающееся в ряде романов Макбейна. Это довольно неожиданно, так как, на первый взгляд, противоречит общему содержанию всей серии. Однако объяснение, произнесенное от лица «цветного» полицейского Брауна, на своей шкуре чувствующего, что такое расизм, вполне соответствует логике правоохранительных органов: «Браун знал только, что в прежние времена люди приезжали из-за границы в Америку с твердым намерением укорениться там… Современные же иммигранты… предпочитают оставаться гражданами стран, где они родились… создают микросемьи в США и содержат макросемьи у себя на родине. Подавляющее большинство обосновавшихся в городе иммигрантских землячеств не заинтересованы в том, чтобы влиться в американское общество. Попробуйте застрелить торговца наркотиками, промышляющего в районе, заселенном преимущественно выходцами из Санто-Доминго, и тотчас же весь район в знак протеста запестрит красно-бело-синими флагами Доминиканской Республики, и нигде не будет звездно-полосатого флага США. Неудивительно, что так много стен в городе загажены стеномараками. Раз это не наш город, значит, можно гадить, где попало». (Э. Макбейн Э. Озорство. Глава 4).

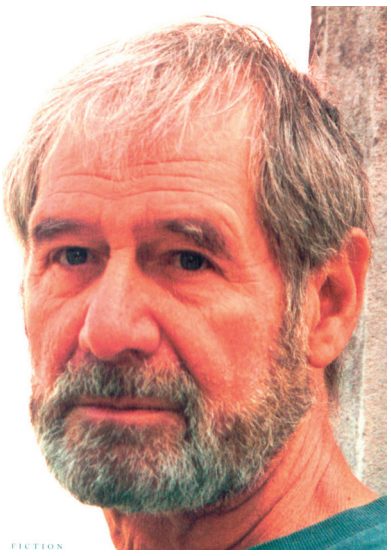
Персонаж Эда Макбейна указывает на причину криминогенности иммигрантских кварталов. С его точки зрения, все дело в том, что они существуют в суррогатных социальных системах, в данном случае названных «микросемьи» и «макросемьи». Изолируя себя от остального американского общества, они противопоставляют себя ему и неизбежно становятся враждебными, антисоциальными. Таким образом, позиционирование себя вне общества (вне «города и нации») закономерно приводит к враждебным с этим обществом отношениям: внесистемность всегда влечет за собой антисистемность.

Принцип системности определяет содержание понятий «преступление» и «справедливость» в детективе полицейской процедуры. Справедливость – это ситуация или результат действий, которые обеспечивают стабильность функционирования системы. Например, система представлений о добре и зле. Иными словами, справедливость – это порядок или процесс установления порядка. Преступление же – это действие, разрушающее системность, угрожающее ее стабильности: то есть, хаос. Например, убийство, с точки зрения детектива полицейской процедуры, – это не уничтожение человека (труп, объект работы криминалистов и полицейских, остается и после смерти), а радикальное изменение его системного статуса, который определяется его соотношением с живыми. К этому можно свести мысли Стива Кареллы при виде убитой девушки: «По роду занятий ему часто приходилось иметь дело со смертью, чаще всего внезапной, но он так и не научился, в отличие от многих своих товарищей по работе, относиться к ней с холодным равнодушием. Карелла ценил в человеке достоинство… Смерть сбивает его с ног и лишает чувства собственного достоинства. Мертвецу наплевать, в каком виде у него пробор. Мертвую девушку в магазине не волновало, что у нее из-под юбки торчит комбинация. Смерть превращает человека в бесформенную груду плоти». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 17-18).

Та же мысль получает дальнейшее развитие в более позднем произведении Макбейна: «Когда видишь много смертельных ран, они утрачивают всякую специфику – разве что медэксперт улавливает ее. Какая разница, как тебя убили… – результат один, и он без устали напоминает детективу-оперативнику, что жизнь – штука хрупкая… Что смерть может обрушиться внезапно и совершенно бессмысленно, – а в глазах Кареллы насильственная смерть всегда была бессмысленной. Такой смерти невозможно найти разумное оправдание». (Э. Макбейн. Ночные кошмары).

Отсутствие возможности найти разумное оправдание означает принципиальное несоответствие убийства системе представлений о мире, существующем в сознании полицейского. При этом автором подчеркивается именно когнитивный, а не эмоционально-этический или эстетический аспекты злодеяния.

Тот же самый эффект производит угроза убийства (радикального изменения системного статуса): «Она лишила нас человеческого достоинства, и, допустив это, я позволил ей унизить и смешать с грязью всех людей на свете… Я стопроцентный американец – белый протестант, воспитанный богобоязненными родителями, которые учили меня различать добро и зло. Учили обращаться с женщинами учтиво и по-рыцарски, а ты превратила меня в хищного зверя, способного не только ненавидеть, но и убить тебя за то, что ты здесь натворила». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 265).



Писатель Эд Макбейн.

Системный статус человека здесь обозначен более привычным словосочетанием «человеческое достоинство». Но то, что бессмысленно и не имеет разумного оправдания в рамках одной системы, вполне может получить логическое обоснование в другой системе координат, ведь значение определяется взаимными отношениями знаков внутри системы. Например, с точки зрения убийцы, насильственная смерть может иметь определенный смысл: «Человек, убивший Анибала Эрнандеса, по его собственному мнению, имел для этого веские причины. И если вы можете вообще оправдать убийство, то, безусловно, признаете, что у этого человека причина имелась основательная. Конечно, с точки зрения убийцы». (Э. Макбейн. Толкач. Глава 13).

Преступность, будучи социальным явлением, также приобретает свойства системности, даже само это понятие возникает в оппозиции закону, вне этой бинарной оппозиции это противопоставление теряет всякий смысл. С этой проблемой сталкивается детектив Карелла: «…если не будет преступности, где окажется наше общество? Идея эта произвела на Кареллу неизгладимое впечатление. Раз общество зиждется на идее закона и порядка, на идее строгой организации как противовеса анархии, то если исчезнут правонарушители, если никто не будет посягать на закон, останется ли вообще понятие закона? Сохранится ли в нем необходимость? А если не станет закона, кого можно будет счесть правонарушителем?». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 415-416).

Так как действие человека можно квалифицировать как преступление не само по себе, а лишь относительно понятия «закон», то очень зыбкой и прозрачной оказывается та грань, которая отделяет законопослушного гражданина от преступника. В конечном итоге все сводится не столько к установлению истины, сколько к ее интерпретации. Рассуждения об относительности истины встречаются в различных романах цикла. Например, в романе «Мошенник» на очень богатом иллюстративном материале утверждается, что вся наша жизнь состоит из множества мошеннических операций: «Поглядите-ка вокруг, друзья мои, и вы увидите множество мошенников: «Леди и джентльмены, я держу прямо перед вами кусок необычного мыла…»; «Друзья мои, если вы окажете мне честь и изберете меня, то я могу обещать вам безупречное и справедливое правление…»; «Посуди сам, Джордж, где еще ты можешь заключить сделку на столь выгодных для себя условиях?..». Примерно так вам пытаются навязать свой товар, куда бы вы ни сунулись и буквально на каждом шагу. А поскольку это происходит ежечасно и ежеминутно, то можно, пожалуй, сказать, что буквально каждый человек пытается завоевать ваше доверие, а если удастся, то и обмануть его, а, значит, буквально каждый является в известной степени мошенником где-то в глубине души». (Э. Макбейн. Мошенник. Глава 3).

В другом романе описано отношение преданной подруги преступника к своему любимому человеку: «Эдди Фолсом в глазах его жены вообще не был преступником. Возможно, это трудно понять, ибо разделение всего общества на чистых и нечистых, на хороших и плохих, на наших и чужих является составной частью нашего наследия… Конечно же, есть парни хорошие и парни плохие, от этого, черт побери, никуда не уйти. Все это так. Но обязательно ли плохие парни осознают себя плохими? Вот, например, если гангстер смотрит гангстерский фильм, то с кем он себя идентифицирует – с полицейским или с Хэмфри Богартом?». (Э. Макбейн. Выкуп. Глава 11). Разделение граждан на преступников и законопослушных («чистых и нечистых») зачастую оказывается конструкцией, существующей в сознании человека, и не имеет под собой основы в объективной действительности.

То же самое обнаруживается и в деятельности полицейских: они руководствуются понятием справедливости, которое зачастую расходится, а иногда вступает в противоречие с понятием законности. «Хоуз с удивлением узнал, что парни из 87-го неуклонно придерживаются одного принципа, который ничуть не мешал им стоять на страже закона; принцип этот именовался справедливостью. Соблюдая его, они в зависимости от обстоятельств проявляли то жесткость, то снисходительность». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 213). В другом романе поясняется, в чем именно состоит этот принцип: «…однажды Паркеру почти удалось с совершенно иной точки зрения подойти к разрешению сложной задачи,

связанной с законом и порядком… Он понял, что закон можно толковать по-разному, прежде чем дело дойдет до суда, что всю эту судебную машину замыкал судья без мантии – патрульный полицейский. Прокручивая в голове десятки вариантов, он все больше склонялся к мысли, что мелким правонарушителям нужно дать последний шанс. В то же время он чувствовал, что с закоренелыми ворами необходимо действовать твердо и бескомпромиссно. Он считал себя хорошим полицейским». (Э.Макбейн. Они должны умереть. С. 81).

Тем не менее, существует вполне определенная и определимая разница между организованной преступностью и организованной борьбой с преступностью. Наиболее показательным примером является отношение к такому преступлению как проституция – вопреки требованиям закона даже самые хорошие полицейские наотрез отказываются от ее преследования. При этом они руководствуются вполне профессиональными мотивами: «Однажды Отделу по борьбе с проституцией вздумалось приостановить падение нравов, и сразу же положение восемьдесят седьмого участка усложнилось». (Э. Макбейн. Покушение на леди). Первый довод полицейских: не имеет смысла бороться с проявлением человеческой природы, проституция естественна (в отличие от убийства), поэтому нецелесообразно тратить свои силы на ее искоренение. Во-вторых, преступность, находящаяся в четких пределах одной улицы, – это уже не хаос, а определенная степень регулирования, упорядоченности, а любой порядок всегда лучше беспорядка: «…не лучше ли, когда проститутки живут на одной улице длиной в три квартала, а не разбросаны по всему участку? Безусловно, лучше». (Там же). Поэтому полицейских вполне устраивает осуществление противозаконной деятельности на их территории: «Проституция – это преступление, во всяком случае, так считается у нас в городе. Возможно, закон прав, а, возможно, и нет, но критиковать его – не мое дело. Мое дело – насаждать закон. Согласен: в нашем участке и, насколько мне известно, во всех других участках проституция – это преступление, которое не считается преступлением. Те двое патрульных собирают мзду со всех заведений на улице и следят, чтобы у мадам не было неприятностей. Мадам, в свою очередь, соблюдают правила «гигиены»: никакого воровства, чистая коммерция». (Там же).

В данном случае проституция, сама по себе являющаяся преступлением, сосредоточившись на одной улице, фактически выступает в роли регулятора и ограничителя других преступлений и, локализуя их в ограниченном пространстве, облегчает работу полицейских и повышает ее эффективность. С подобной проблемой сталкивается шериф в первом романе Джона Гришэма «Пора убивать». Выполняя свои предвыборные обещания, он закрывает все заведения, являющиеся рассадниками преступности, в результате чего складывается парадоксальная ситуация – преступность расползается по всем другим районам города. В конце концов, городские власти, выражая мнение избирателей, просят шерифа отменить свое решение и вернуть преступления в ранее отведенные границы. Так как уничтожить преступность полностью невозможно, более целесообразным становится ее регулирование.

Таким образом, отличие нарушений закона, совершаемых полицейскими во имя принципа справедливости, от настоящих преступлений заключается в том, что первые способствуют наведению порядка и поэтому противостоят хаосу, а вторые разрушают социальную систему и ведут к анархии. Именно по этому признаку выделяет преступников детектив Карелла – преступники отождествляются с разрушителями: «…преступники выводят меня из себя. Когда убийца лишает жизни такого человека как Бирнбаум, я прихожу в бешенство! И до тех пор, пока, сталкиваясь с преступлением, я буду испытывать это чувство, я буду оставаться полицейским, я буду продолжать мотаться из пригорода в жалкую дежурную комнату полицейского участка в самом, быть может, отвратительном квартале мира, выслушивать незатейливые шуточки своих коллег, их избитые остроты и отвечать на телефонные звонки и жалобы от законопослушных граждан, которые хоть далеко и не все являются созидателями, но, по крайней мере, не принадлежат к разрушителям». (Э. Макбейн. До самой смерти).

В романе «Легавые» детектив Карелла формулирует этот принцип следующим образом: «Далеко не все дела службы приводили его в восторг… И все же он любил свою работу. В ней все было просто и ясно – хорошие против плохих. Он был из команды хороших. И хотя плохие так часто брали верх, что добро начинало казаться чем-то устаревшим, Карелла был по-прежнему убежден: убивать некрасиво, вламываться в чужую квартиру глубокой ночью бестактно, торговать наркотиками глупо. Драки, мошенничество, похищение детей, сутенерство и привычка плевать на тротуар не укрепляли морали и не возвышали душу». (Э. Макбейн. Сборник романов. С. 483-484).

В конечном итоге к этому сводится пафос и идейно-эмоциональное содержание всей серии о 87-м участке: главная задача полиции – противостоять разрушителям.

Самой привлекательной стороной в работе полицейского является жесткая, а потому простая и понятная система ценностей – «хорошие» против «плохих». Главная цель полиции заключается в том, чтобы обеспечивать постоянный баланс между силами добра и зла. Детектив Карелла считает, что «...его наипервейшая обязанность – следить за соблюдением закона двадцать четыре часа в сутки и триста шестьдесят пять дней в году». (Э. Макбейн. Толкач. Глава 6). Менее симпатичный коллега Кареллы дает более резкую по форме, но схожую по содержанию характеристику своей работы: «Я никого не подкалываю, – невинно ответил Паркер. – Просто у меня своя работа, как и у тебя. – И в чем же она заключается? – Расчищать улицы. Я тот же дворник, но только с ружьем. Ведь в этом заключается работа полицейского, не так ли?». (Э. Макбейн. Они должны умереть. С. 80).

Поддержание баланса сил означает постоянство, неизменность и стабильность. Отсюда часто встречающееся в произведениях Э. Макбейна почти поэтическое воспевание полицейской рутины, возникающей не столько от однообразия, сколько от постоянства работы: «…распутывание преступлений может оказаться нудным и скучным, если вы работаете полицейским, которому приходится печатать протоколы и отчеты… Тут даже ночная перестрелка в аллеях парка оборачивается рутиной с неизбежным отчетом в трех экземплярах». (Э. Макбейн. Куколка. Глава 1).

Необходимым свойством сложных системных образований является резистентность к деструктивным процессам, именно за счет этого они способны существовать длительное время, не подвергаясь упрощению и деградации. На уровне общества одной из главных сил, удерживающих социальную систему от сползания в хаос, становятся органы правопорядка. В силу своей профессиональной специфики они ценят устоявшийся порядок выше любых изменений, вызванных требованием времени, и в тексте романов рутина приобретает положительную маркированность. Поэтому в романах Макбейна используется исключительно циклическая модель времени: все совершаемые преступления приурочены либо к месяцу, либо к времени года, и никогда не используется линейная шкала с ее утверждением неповторимости событий. Типичный финал романа о 87-м участке: «Рутина... Давно заведенным порядком декабрьское низкое солнце, прорываясь сквозь забранное решеткой и металлической сеткой окно, бросало мертвенно-светлые блики на вытертый деревянный пол дежурки… Резко прозвенел телефонный звонок. Это подавал голос простершийся за окном огромный город. – Восемьдесят седьмой участок полиции. Детектив Карелла у телефона. – Дежурка работала по рутинному, раз и навсегда заведенному порядку. Люди делали свое дело, как бы пребывая вне времени. Они были причастны к древнему ритуалу кровопролития, и он диктовал им правила игры». (Э. Макбейн. Леди, леди, это я!).

Время как цепь уникальных и неповторимых событий изгоняется из пространства полицейского участка, он – это одна из немногих вещей в этом непредсказуемом мире, которая, несмотря ни на что, остается неизменной. «Эта комната как бы существует вне времени… Изо дня в день – канцелярская рутина и рутина следственных действий… Работа полиции более всего схожа с боем быков… Собственно, и спорта тут никакого нет, ибо исход боя предрешен задолго до того, как этот срежиссированный бой начался. Быку суждено погибнуть. Бывают, правда, и кое-какие сюрпризы в ходе этой освященной веками церемонии: то матадора подымут на рога, то бык вдруг перемахнет через ограду, однако сам процесс остается неизменным, являя собой как бы классический ритуал кровопролития. Примерно так обстоит дело и с работой полиции. Комната дежурных – это место, где день и ночь совершается один и тот же рутинный ритуал. Время как бы не властно над действиями людей, находящихся здесь, оно не властно и над вершимой ими работой. Все они заняты в классическом обряде кровопролития». (Там же).

Работа полицейских вполне закономерно отождествляется с языческими культами, основанными на традиционном представлении о времени как источнике разрушений. А предназначение жрецов, как и полицейских, состоит в том, чтобы с помощью тщательно выверенной процедуры, своеобразного ритуала защитить гармонию мира от агрессивного хаоса, представленного преступностью. Отношение к самим себе как к неприкосновенным жрецам языческого культа накладывает свой отпечаток на профессиональную этику – любое преступление, касающееся полицейского (члена кастовой группы), касается всех других, даже лично не знавших его: «Клинг был полицейским, а это значит, что он принадлежал к их клубу, к их команде, если хотите, и никому не дозволено безна-

казанно обижать членов твоего клуба или близких им людей. И вот, в силу всего этого, каждый считал это преступление чуть ли не преступлением против него самого… И хотя официально только четыре человека были выделены для этого дела, преступника, открывшего стрельбу в книжном магазине, разыскивали все двести два полицейских участка». (Там же).

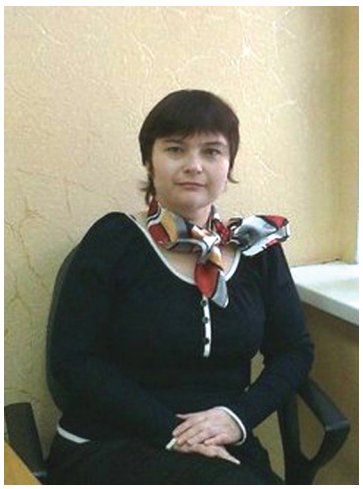
Жизнь полицейского как священного лица неприкосновенна, поэтому, если она подвергается опасности, прилагаются максимальные усилия для ее спасения: «Ее привезли туда в патрульной машине с включенной сиреной, дорожное движение на всем пути следования было перекрыто полицейскими машинами и постовыми, оповещенными по радиоканалу 10-13. Там, где это было возможно, машину сопровождал эскорт мотоциклистов. Никто лучше полицейских не умеет заботиться о своих раненых». (Э. Макбейн. Озорство).

Во второй половине XX столетия, когда наука успешно соперничала с религиозным сознанием, экспериментальные методы и технические новинки воспринимались как мистерии и таинства. При применении научных методов все разнообразие мира подводится под некую классификацию, разбиваясь на ряд элементарных свойств, и подвергается систематизации. Мир объективируется, то есть становится набором неодушевленных объектов, и этот подход переносится, в том числе, и на людей.

Произведения Э. Макбейна уделяют повышенное внимание технологической стороне установления истины, которая занимает главенствующее место среди всех прочих. Очень подробно описываются процедуры вскрытия, изучения отпечатков пальцев и вещественных доказательств, определения группы крови и так далее, а собственно человеческое неизбежно отходит на второй план. Показания свидетелей (живых людей) всегда ненадежны и подвергаются сомнению, а данные, полученные криминалистами, всегда внушают доверие. Типичный пример работы со свидетелями: «Он уже долгое время проводил допросы и давно понял, что большинство свидетелей имеют, как правило, весьма смутное представление о том, что на самом деле происходило… По фрагментарным и путаным описаниям очевидцев ничего похожего на действительные события не получалось. Даже в тех случаях, когда преступника удавалось задержать, его собственная версия редко соответствовала действительности из-за чисто субъективной трактовки. Естественно, что все это вместе взятое отнюдь не облегчало задач следствия». (Э. Макбейн. Леди, леди, это я!).

Люди в этом эпизоде представлены как несовершенные, плохо настроенные приборы, на данные которых ни в коем случае нельзя полагаться полностью. Поэтому очень часто простые граждане по отношению к полиции становятся досадным источником помех, мешающим нормальной работе: «…все началось с толстой женщины в халате, появившейся возле потрескавшейся перегородки. Ее приход был первым звеном в цепи событий, не имевших ни малейшего отношения к делу. Это было ужасно некстати – нарушился гладкий ход расследования». (Э. Макбейн. Покушение на леди. Глава 12). Кроме того, граждане склонны тревожить полицию без всякой веской причины, умножая зловещую статистику ложных вызовов: «Липовые звонки могут довести до исступления. Они отнимают у городских властей уйму времени и средств. Вся беда в том, что «липу» невозможно отличить от «нелипы» без надлежащей проверки». (Там же. Глава 1).

Таким образом, в детективах полицейской процедуры эффективное функционирование системы охраны порядка становится такой же самодовлеющей ценностью, какой было действие в «крутом» детективе. Все «человеческое, слишком человеческое» как мешающее этому процессу получает негативную оценку. При этом вне поля зрения оказываются цели существования этой системы и нравственные аспекты ее воздействия на судьбы одного отдельно взятого человека, структура личности которого по уровню сложности неизменно оказывается выше любой самой сложно организованной машины. Именно эти проблемы находятся в центре внимания авторов детектива юридической процедуры или юридического триллера, появившегося в конце XX – начале XXI века, среди которых наибольшую известность приобрел американский писатель Джон Гришэм.



Елена ВЕЛЬДЯЙКИНА
преподаватель Мордовского государственного университета, г. Саранск

Михаил ЛОМШИН
профессор Мордовского государственного университета, г. Саранск

ЭПИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ КУТОРКИНА

В свете достижений современной литературы, ее возрастающей роли в жизни нашего общества все большую актуальность приобретает изучение творчества крупных художников слова, значение которого в развитии духовной жизни народа, его культуры и литературы огромно. В их произведениях отражаются важнейшие стороны национального общественно-исторического сознания представляемого ими народа. «Привнося в литературу свое, талантливый писатель увеличивает общее достояние, духовные ценности, принадлежащие народу». (М.Б. Храпченко. Собрание сочинений в 4-х томах. Москва: «Художественная литература», 1981. Т. 3. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. С. 68).

Без глубокого, всестороннего анализа творческой индивидуальности таких писателей трудно представить общую картину развития любой национальной литературы. Отсюда проистекает то внимание, которое литературоведы уделяют данной проблеме, выясняя на основе созидательной практики наиболее крупных национальных писателей как общие закономерности и национальные особенности развития многонациональной литературы, так и характер преемственности и новаторства в литературном развитии народов России.

Не случайно наряду с такими важными вопросами как национальное и интернациональное в литературе, преемственность и новаторство, взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур особый интерес вызывает своеобразие индивидуального начала в творчестве того или иного художника слова. При этом исследователи стремятся полнее осветить не только творческий путь, но и объективно показать их эволюцию и вклад в многонациональный литературный процесс, обогатить наши представления о зарождении, формировании и развитии культуры разных народов.

Обращение к названным аспектам как к самостоятельной научной проблеме в литературоведении относится к концу 1950-х – началу 1960-х годов. «Недооценка роли творческой индивидуальности писателя в литературном развитии, – отмечал тогда М.Б. Храпченко, – это то большое зло, которое необходимо нам преодолевать как в критических работах, так и в историко-литературных исследованиях. Нельзя защищать реализм, не изучая историю реалистической литературы, отвергая или принижая роль творческой индивидуальности художника слова». (Там же, С. 198).

Названным вопросам были посвящены международный симпозиум наших и зарубежных ученых, специальные работы литературоведов. Актуальность проблемы творческого самоопределения художника, его места в современном мире, его идейно-эстетической позиции, узловое значение ее в решении ряда общеметодологических вопросов были изложены в книге «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы» М.Б. Храпченко. Представляется бесспорным вывод ученого, что «творческая индивидуальность писателя – это личность писателя в ее важнейших социально-психологических особенностях, ее видение и художественное претворение мира, это личность художника слова в ее внутренней обращенности к читательской аудитории, к тем, ради кого создается литература». (Там же, С. 79).

На особую сложность выявления художественной неповторимости писателя ука-

зывал еще В.Г. Белинский: «Все произведения поэта, как бы ни были разнообразны и по содержанию, и по форме, имеют общую всем им физиономию, запечатлены только им свойственной особенностью, ибо все они истекли из одной личности, из единого и нераздельного я. Таким образом, приступая к изучению поэта, исследователи, прежде всего, должны уловить в многообразии и разнообразии его произведений тайну личности, то есть те особенности его духа, которые принадлежат только ему одному». (В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Москва, издательство АН СССР, 1955. Т. 7. С. 740).

Как видно, творческую индивидуальность писателя нельзя сводить только к своеобразию поэтического голоса. Она складывается в течение всего творческого пути в результате диалектического взаимодействия его природного дара и общественного бытия. К отражающим ее субъективным факторам относятся характер образного видения, жанровые предпочтения, творческие цели, пафос, художественный метод и стиль, ориентация на предполагаемого читателя. Субъективные факторы неотрывны от объективных, общественных и гражданских тенденций, формирующих собственное мировоззрение писателя, эстетических идеалов эпохи, состояния литературного процесса того времени.

Конечно, как индивидуальность писатель предстает, прежде всего, в своих произведениях. И поэтому ее (но не творческое своеобразие) можно выявить методом сравнения его произведений с произведениями современников, предшественников или авторов более поздней эпохи. Именно при таком сопоставлении наиболее ярко проступают тематические, жанровые, стилевые тенденции, социальный, этический и эстетический пафос. Круг идей, проблем и героев – это неповторимые, только ему присущие черты художественного дарования, реализующиеся в разработке близкого жизненного материала.

Как верно было замечено М.Б. Храпченко, «…необходимо иметь в виду множественность взаимодействий. И взаимодействия эти, конечно, ни в коей мере не могут быть сведены к тем связям, которые открываются при синхронном изучении литературных явлений». (Там же, С. 87). Существенным моментом становится обращение к биографическому материалу и психологии творческой деятельности.

Индивидуальность по-разному отражается в произведениях – в одних отчетливее, в других – слабее, поэтому трудно поддается аналитическому выявлению. Так, хотя мы легко чувствуем пушкинский элемент в его поэтических и прозаических произведениях, но, как неоднократно подчеркивалось в критике, не можем дать его точное, однозначное определение.

Гораздо проще говорить об индивидуальности тех писателей, в произведениях которых преобладает углубленная разработка небольшого круга тем, для которых характерны устойчивая проблематика, ярко выраженное пристрастие к отдельным образам, мотивам, эмоциям, художественным приемам.

Интерес к рассматриваемым аспектам не ослабевает в последние годы. «Творческая индивидуальность писателя во все времена и ныне, естественно, представляет в литературе главную и основополагающую ценность, – пишет А. Бучис. – Именно в ней таится жизненная сила литературы, хранится тайна неисчерпаемых возможностей слова, живые источники всего, что мы именуем литературой». (А. Бучис. Судьбы национального в современной литературе. Вопросы литературы, 1988, № 2. С. 14). Об этом свидетельствуют монографии и статьи М. Храпченко, Г. Березкина, А. Бушмина, А. Бучиса, Б. Удодова, Ю. Мешкова, П. Бугаенко, Ф. Кузнецова и целого ряда других ученых. Коллективными усилиями литературоведов и критиков, пытающихся осмыслить взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, проделана огромная и плодотворная работа по изучению теоретико-методологических вопросов проблемы, прежде всего – по отношению к старописьменным литературам. Однако в области молодых литератур она раскрыта явно недостаточно.

Мордовская литературно-художественная критика и литературоведение, решая задачи, связанные с рассмотрением творчества отдельных писателей и литературного процесса в целом, некоторые аспекты названной проблемы раскрыли в трехтомной «Истории мордовской советской литературы» (1968 – 1974), «Истории мордовской литературы» (1981), книгах «Поэзия – душа народа» В. Горбунова (1973), «В братском содружестве» Н. Черапкина (1969), «Мордовский советский роман» Б. Кирюшкина (1965), «Единство традиций» (1978) и «Эпос дружбы» (1985) А. Алешкина, «На пути поисков» Г. Горбунова (1983), «Начало пути» (1976) и «Обретение зрелости» (1984) В. Макушкина, «В едином строю» (1974), «Процессы жанрового развития мордовской прозы в 50 – 90-е годы» (1995) А. Брыжинского, «Мордовский рассказ» Г. Девяткина (1987), «Многоцветье смеха: комическое в мордовской литературе» В. Демина (1998), «Ли-

тература и жизнь» И. Инжеватова (1982), «Неоткрытые острова: о русской ветви в мордовской литературе» П. Киречек (1998), «Мордовская детская литература» С. Самошкина (1970), «Конфликты и характеры» В. Соколовой (1972), «Дооктябрьская мордовская литература» Л. Тингаевой (1989), «Годы и конфликты» Е. Чернова (1981) и других. Однако творческая индивидуальность затрагивается в них лишь в контексте общих закономерностей литературного процесса. Между тем, современное развитие мордовской литературы, выдвижение в ней крупных художников слова ставит перед учеными задачу рассмотрения проблемы в более широком плане. «Особый фонд для полноценного раскрытия потенциальных возможностей и художественности мордовской литературы представляет сфера личностных начал, – отмечает А.В. Алешкин. – Под этим понятием мы имеем в виду личностные начала не только персонажей литературных произведений, но и творческой индивидуальности создателей самих художественных ценностей». (А.В. Алешкин. Единство традиций. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1978. С. 14).

Сейчас, когда изданы «Очерки» и «Истории» мордовской литературы, содержащие не только обзорные главы, но и литературные портреты писателей, когда появились многочисленные монографии, посвященные анализу творчества видных мордовских литераторов, мы все чаще и чаще задумываемся над тем, что такое творческая индивидуальность писателя, в чем внутренний смысл связей этого понятия с художественным опытом многонациональной культуры. Очевидно, назрела пора убедительных теоретико-эстетических оценок. Остро ощущается необходимость отхода от тех патетически восторженных характеристик, которые многократно повторяются по отношению чуть ли не к каждому писателю.

Многогранное творчество народного писателя Республики Мордовия А.Д. Куторкина является в этом смысле весьма интересным объектом изучения. Как большой художник, он воспринял и отразил эстетику и традиции национального народно-поэтического творчества, русской классической и современной литературы, взяв из них, пожалуй, самое ценное, имеющее перспективное значение для судеб мордовской литературы: развитие героико-эпических традиций, на основе которых созданы лучшие произведения как самого писателя (стихотворные романы «Ламзурь» и «Яблоня у большой дороги»), так и его последователей. Можно без преувеличения сказать, что стихотворные повести А. Мартынова, И. Чигодайкина, А. Малькина, И. Калинкина, Д. Куляскина, проза П. Кириллова, К. Абрамова и А. Доронина – достойное продолжение тех национально-художественных традиций, которые во многом сложились благодаря незаурядному дарованию А.Д. Куторкина и его современников.

Литературное наследие А.Д. Куторкина обладает известной степенью завершенности и с точки зрения развития художественных традиций мордовской литературы, и в смысле освоения ею новых идейно-эстетических рубежей. 1930-е – 1950-е годы – время наиболее интенсивного творческого роста А.Д. Куторкина – были для литературного процесса Мордовии своеобразным переходным моментом. К концу 1950-х отчетливо обнаружилось, с одной стороны, более или менее стабильное оформление собственно национальных художественных традиций национальной литературы, а, с другой, – новые исходно-типологические начала, которые позволяют говорить о постепенном выравнивании художественного опыта младописьменных литератур по отношению к литературам более зрелым. В родной литературе А.Д. Куторкину суждено было представить этот процесс с наибольшей силой. Свидетельство тому – вся многогранная литературная деятельность писателя.

А.Д. Куторкин – яркий и самобытный талант. Природная одаренность, постоянная ориентация на показ социально-эстетической сущности нравственных идеалов народной жизни, правдивое, исторически конкретное воспроизведение явлений прошлого и современности – все это позволяет говорить о нем как о подлинно творческой индивидуальности. Его роль в истории мордовской литературы значительна во многих отношениях. Он вместе с Ф.М. Чесноковым, П.С. Глуховым, И.П. Кривошеевым, Я.П. Григошиным и другими писателями стоял у истоков национальной литературы. А.Д. Куторкин был автором одного из первых мордовских романов. В его творчестве по-своему преломились основные закономерности и традиции мордовской литературы. Однако его творчество до настоящего времени изучено явно недостаточно. Кроме отдельных статей и небольших литературных портретов, других сколь-нибудь серьезных исследований творчества писателя нет. Между тем, очевидно, что А.Д. Куторкин является видным представителем мордовской литературы. По этому поводу профессор В.М. Макушкин справедливо отмечает: «В художественном изображении исторических судеб мордовского народа, его неустанной и героической борьбы за свободу совместно с русским народом заслу-

ги А.Д. Куторкина значительны и неоспоримы, они требуют отдельного монографического исследования». (В.М. Макушкин. Обретение зрелости. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1984. С. 203).

А.Д. Куторкин пришел в литературу в первой половине 1920-х годов XX века, когда происходило становление не только мордовской литературы, но и литературно-художественной критики. Первыми критическими статьями были рецензии и отзывы на книги и отдельные произведения писателя. Таковы, например, статья В.К. Радаева и Л.С. Кавтаськина «Андрей Ёндолонь творчествадонзо» («О творчестве Андрея Ёндола»; Андрей Ёндол – это псевдоним А.Д. Куторкина – *авт.*), вышедшая в № 3 журнала «Сятко» за 1934 год, рецензия известного мордовского прозаика Ф.М. Чеснокова на роман «Раужо палмань» («Черный столб»), опубликованная в № 2 «Сятко» за тот же год, предисловие А. Маскаева к отдельному изданию романа «Ламзурь» и целый ряд других откликов.

В.К. Радаев и Л.С. Кавтаськин, рассматривая творчество А.Д. Куторкина, отметили его поиски, в особенности – в области исторической тематики. Критики с одобрением подчеркнули тяготение к эпически емкой манере письма, тесную связь с устным народным творчеством, стремление к освещению истории родного народа. Но одновременно они указали и на недостатки начинающего автора: слабость художественного обобщения, отсутствие глубины раскрытия, абстрагирование явлений и фактов действительности. (Очерки истории мордовской советской литературы. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1956. С. 146). Касаясь поэмы «Вейсэ» («Вместе»), они верно подметили, что это произведение писателя осталось незамеченным критиками, не получило верной оценочной трактовки. Надо сказать, что такое положение в отношении произведений А.Д. Куторкина сохраняется до сих пор, хотя уже в этой поэме по-своему проявились самобытность личности писателя, соотнесенность его творчества с фольклором, специфичность психологического раскрытия образов и построения сюжета, языковое новаторство.

Роман «Черный столб», наоборот, стал заметным шагом как в творчестве художника, так и в процессе роста мордовской литературы в целом. Большое внимание было уделено роману на I съезде писателей Мордовии, где произведение получило высокую оценку. Ф.М. Чесноков опубликовал о нем статьи в газете «Эрзянь коммуна» и журнале «Сятко». «Черный столб», – писал он,– мордовским ученым нужен будет при изучении истории, а поэтам и писателям – для того, чтобы увидеть богатство изобразительно-выразительных возможностей мордовского языка». (Ф.М. Чесноков. Раужо палмань (Черный столб). Сятко, 1934, № 3. С. 28).

Разумеется, эти статьи не претендовали на историко-литературные обобщения. К тому же они отличались тенденциозностью и субъективностью в оценке идейно-художественных особенностей произведений писателя. В них или преувеличивались достоинства некоторых из них, или, наоборот, они подвергались огульному охаиванию.

В.К. Радаев и Л.С. Кавтаськин назвали роман «Черный столб» весьма поверхностным, тогда как А.И. Маскаев считал, что «...до А.Д. Куторкина никто из мордовских писателей не смог так подробно, так ярко показать историческое прошлое родного народа, его традиции и обычаи, семейные и общественные отношения». (А.И. Маскаев. Вечкемась ды тюремась (Любовь и борьба). Сятко, 1941, № 6. С. 72).

Так же противоречиво были встречены и другие произведения А.Д. Куторкина. Поэму «Вместе» В.К. Радаев и Л.С. Кавтаськин назвали бесконфликтной, страдающей схематизмом и натурализмом. Другие же литераторы подчеркивали большую заслугу автора в изображении сложных процессов семейного, бытового и социального развития мордовского народа. О.В. Кузнецова пишет: «Поэт к решению этой темы подошел смело, нашел новые средства художественной изобразительности и сделал важный вклад в освоение жанровой формы социально-бытовой поэмы». (Очерки истории мордовской советской литературы. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1956. С. 16).

Разноречивые мнения вызвал роман в стихах «Ламзурь». Мнения критиков разошлись в оценке образа центрального персонажа – Несмеяна Кривова. Одни видели в нем конкретную историческую личность, другие же – чуть ли не романтического, сказочного чародея. Не было единства и во взглядах на то, к какому жанру относится «Ламзурь»: ее рассматривали и как поэму, и как роман в стихотворениях.

Таким образом, в первых статьях и рецензиях мордовских литературоведов произведения А.Д. Куторкина оценивались по-разному: их признавали то едва ли не выдающимися достижениями национальной литературы, то, напротив, страдающими существенными промахами в подходах к изображению жизненных явлений. Подобное положение во многом объясняется слабостью самой мордовской критики, непониманием диалектики художественного вымысла и конкретной исторической правды.

Большое внимание уделили литературоведы и другому произведению А.Д. Куторкина – роману в стихах «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги»), который увидел свет в 1958 году и тут же был переведен на русский язык. В отличие от других произведений он сразу был оценен как несомненный успех писателя и всей мордовской литературы. Положительно отозвались о романе не только исследователи мордовской литературы, но и московские критики. Московские писатели и литературоведы, принимавшие участие в обсуждении первого его варианта в 1951 году, отметили, что роман А.Д. Куторкина является большой творческой удачей.

Б.Е. Кирюшкин в статье «Темы и образы в историческом романе «Яблоня у большой дороги» А.Д. Куторкина», не претендуя на рассмотрение жанровых особенностей романа, впервые указал на фольклор как на важный источник, формирующий самобытность таланта автора. Он, в частности, писал, что в романе «...впервые в мордовской литературе предстают конкретные исторические герои и конкретные историчес-кие события, высвеченные эстетическим народным опытом и народной эстетикой». (А.В. Алешкин. Единство традиций. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1978. С. 99). А.В. Алешкин подчеркивал его принципиальное значение для мордовской эпической поэзии, состоящее в том, что «...традиции национального фольклора использованы автором с учетом органической связи с достижениями современного романа... произведение писателя давно уже стало национальной классикой мордовской литературы». (Там же, С. 125).

Не остался без внимания критики и роман-трилогия «Лажныця Сура» («Бурливая Сура»). Следует назвать статьи В. Радаева «Даволонь шкасто» («Во время бури») и «Лажныця Сурантъ полатксозо» («Продолжение Бурливой Суры»), Г. Горбунова «Пейзажось А.Д. Куторкинэнь «Лажныця Сура романсонзо» («Пейзаж в романе «Бурливая Сура» А.Д. Куторкина»).

Свою точку зрения высказывали Н. Черапкин, А. Алешкин, В. Макушкин, И. Инжеватов, А. Борисов, А. Брыжинский и другие. Они единогласно отметили тяготение писателя к эпичности, к широкому изображению исторического прошлого родного народа, своеобразие реализма, основанного на творческом использовании традиций устного народного творчества. Однако ни в одной из этих работ исследователей не прослеживается творческая индивидуальность писателя и не рассматривается творчество А.Д. Куторкина в целом. Большинство из них были откликами на отдельные книги и произведения и не претендовали на полноту показа творческого лица художника, его индивидуального своеобразия.

По мере развития национального литературоведения стали появляться исследования, не только анализирующие отдельные произведения писателей, но и рассматривающие их в связи с ходом мордовского историко-литературного процесса. Творчество А.Д. Куторкина в подобном контексте впервые было раскрыто в учебных пособиях «Мордовская советская литература» А. Маскаева и Н. Черапкина, «Мордовская советская литература» В. Горбунова, вышедших в 1952 году в качестве учебного пособия для средних школ и педагогических училищ. Разумеется, они не могли представить всесторонний анализ творческого пути писателя. Более того, в них, как правило, давались лишь краткие биографические сведения и делался преимущественно тематический разбор его произведений.

Самой удачной попыткой показа художественной эволюции А.Д. Куторкина стал литературный портрет, созданный Б.Е. Кирюшкиным, в трехтомной «Истории мордовской советской литературы». (История мордовской советской литературы в 3-х томах. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1971. Т. 2. С. 126-147). В нем собран и систематизирован материал о писателе, рассеянный по статьям и рецензиям. Основное достоинство историко-биографического очерка, думается, в том, что в нем чувствуется доброжелательный и объективный подход. Автор аргументированно опровергает выводы тех своих предшественников, которые пытались найти изъяны в мировоззрении писателя.

Но Б. Кирюшкин охватил лишь те произведения, которые были написаны до середины 1960-х годов. А в последующие годы А.Д. Куторкин создал целый ряд значительных произведений, в том числе – роман-трилогию «Бурливая Сура», остающуюся до сих пор недооцененной. Б. Кирюшкин в целом верно охарактеризовал отдельные произведения А.Д. Куторкина как с точки зрения жанрово-стилевых особенностей, так и в аспекте идейно-эстетических принципов творческого метода мордовской литературы. Признавая справедливость ряда его замечаний, следует сказать, что некоторые оценки критика оказались данью доперестроечным явлениям и поэтому требуют объективного анализа.

Первые рассказы А.Д. Куторкина («В темноте», «Темной ночью», «Кереметь», «Деньги», «Перекати-поле» и другие), на-

печатанные на страницах газеты «Якстере теште» («Красная звезда»), были посвящены послеоктябрьским преобразованиям в мордовском селе. В них автор стремится подметить ведущие тенденции общественного развития, создать интересные сюжеты и остродраматические конфликты, показать образы волевых героев с сильными характерами, выразившиеся не только в схватке противоборствующих сил, но и в сознании народа. Рассказы молодого писателя отличались острокритическим восприятием старого мира, пафосом утверждения новых общественных отношений, пристальным вниманием к процессам, происходившим в жизни мордовского народа и отдельного человека.

Особое место в его раннем творчестве занимает поэма «Вейсэ» («Вместе», 1993), она правдиво воспроизводит остроту классовой борьбы в деревне тех лет. К решению этой темы А.Д. Куторкин подошел смело не только с классовых, но и с общедемократических позиций, чем, прежде всего, и определяется место и роль этого произведения в мордовской литературе 20 – 30-х годов XX века. А.Д. Куторкину принадлежит также важная роль в творческом освоении национально-эпических традиций мордовского фольклора, эстетической содержательности его художественных средств и поэтики в целом. Характеристика героев, сюжет, композиция и поэтическое повествование в его поэме как бы естественно вырастают из самой жизни, воспроизводимой разносторонне со всеми светлыми и теневыми сторонами.

Новое в быту и труде радовало поэта, об этом в поэме «Вместе» повествуется с публицистическим пафосом, широко используются сатирические, юмористические и лирические интонации как в изображении событий и героев, так и в описаниях природы. В ткань повествования включаются песни, прибаутки, частушки, различного рода афористические выражения, заимствованные из фольклора. Все это помогло писателю создать реалистические картины жизни и общественного уклада в мордовской деревне послеоктябрьского периода.

Примечательно, что уже у истоков становления эпических жанров мордовской литературы А.Д. Куторкин неизменно тяготеет к роману как жизнеописанию личности простого человека, синтезирующего в себе социально-исторический опыт народа, и отдельной личности, идущей по пути борьбы за осуществление народных идеалов. С проблемой художественного изображения сильной личности, вбирающей в себя лучшие черты национального характера, непосредственно связаны почти все произведения писателя.

В 30-е годы XX века наиболее выразительным в этом отношении явился роман «Черный столб» (1934), посвященный изображению жизни мордовского народа в переломный период российской истории – от кануна общероссийской революции 1905 –1907 годов до ее поражения. И положительные стороны, и недостатки этого произведения весьма поучительны. Оно проникнуто пафосом революционной борьбы мордвы за социальное и национальное раскрепощение.

Уже в романе «Черный столб» – первом эпически масштабном произведении – писатель прослеживает, как люди из народа, простые крестьяне Кузьма Красавцев (Кельгень Кузя) и Данила (Дане), страдая от унижений и рабского труда на помещиков и кулаков, вливаются в ряды борцов за общенародную свободу. Кузьма становится одним из самых активных участников подпольной социал-демократической группы. Он мечтает о силе, которая «перевернула бы эту жизнь». «Жизнь надо сделать иной, – говорит он, – чтоб каждый человек в ней нашел свое место и не выглядел бы одиноким, словно кукушка, теряющая своих птенцов». Роман «Черный столб» имел огромное значение для мордовской литературы тех лет. Это был один из первых опытов национальной исторической романистики. Показав картины социального протеста крестьян, их расправу над отдельными помещиками и кулаками, писатель художественно выразил идею о том, что такой путь борьбы хотя и не мог привести к победе, но был неизбежным и исторически обусловленным.

Закончить роман автору, к сожалению, не удалось. Писатель намеревался продолжить его и написать еще две части, доведя повествование до первых лет коллективизации. Однако написаны они не были. Но тема, поднятая в романе, была продолжена и развита в других произведениях – в частности, в романе в стихах «Яблоня у большой дороги» (1958) и в прозаической трилогии «Бурливая Сура».

Во второй половине 30-х годов XX века писатель вновь обращается к теме исторического прошлого мордовского народа, только на этот раз еще более отдаленному, чем события романа «Черный столб». В 1941 году после долгих лет изучения и сбора материала А.Д. Куторкин публикует стихотворный роман «Ламзурь», посвященный конкретно-историческим событиям прошлого – Терюшевскому восстанию мордвы 1743 –1745 годов.

Если в «Черном столбе» автора больше интересовала общая атмосфера и коллективная психология народа в предреволюционную пору 1905 года, если в нем, по существу, не было ни одной яркой исторической личности, то в «Ламзури» на первый план выдвинуты и значительные конкретные события, и реальные исторические герои (руководитель Терюшевского восстания Несмеян Кривов).

Как свидетельствуют исторические документы, поводом для выступления Терюшевской мордвы явились акты насильственного крещения. Новокрещенные народы Поволжья, в том числе и мордва, должны были содержать на своем иждивении большое число попов и монахов, строить их дома, церкви, выделяя лучшие участки, своими силами обрабатывая их землю и уплачивая различные церковные налоги. Все это тяжелым бременем ложилось на плечи народа и вызвало активный протест действиям миссионеров, зачастую уничтожающих многие священные реликвии языческой веры поволжских народов. Уже в начале Терюшевского движения число восставших дошло до шести тысяч человек.

Обездоленные массы мордовского населения, поддержанные батраками и работными людьми соседних народов (марийцев, чувашей, русских), в своей борьбе имели одно общее стремление – избавиться от тяжелого феодально-крепостнического гнета, от поборов и издевательств царских чиновников и попов. Во главе повстанческих отрядов стояли крестьянин-мордвин Несмеян Васильев-Кривов (в романе Несмеян Кривов) и его сподвижники Пумрас Семенов и Шатреска Плакидин. Однако плохо вооруженные и недостаточно организованные повстанцы были разгромлены. Руководители восстания были подвергнуты жестоким пыткам, а Несмеян Васильев-Кривов был приговорен к публичному сожжению на костре.

Разумеется, как художник А.Д. Куторкин не мог следовать лишь строго историографическому истолкованию Терюшевского восстания и описанию личности его руководителя. Специалисты-историки и отдельные литературоведы и критики могут оспорить и оспаривают отдельные характеристики, трактовку писателем тех или иных фактов, могут сетовать на неполноту исторического фона. Но А.Д. Куторкин и не ставил своей задачей дублировать научно-исторические исследования. Главным для него было дать художественное обобщение соответствующих исторической действительности фактов борьбы мордовского народа за свою социальную и национальную независимость, нащупать протянувшиеся из глубин прошлого нити подлинно героической борьбы его выдающихся сынов за национальные интересы народа и вызвать их на очную ставку с живой историей.

«Ламзурь» – это художественное исследование истории, допускающее и авторский вымысел, и гиперболизацию. В этом отношении идейно-художественная структура романа А.Д. Куторкина свидетельствует о плодотворных процессах в эволюции эпических жанров мордовской поэзии 30-х годов XX века. В мордовской литературе тех лет, особенно в произведениях на историко-революционную и историческую темы, широкое распространение получила разновидность повести или романа типа «Татю» Т. Раптанова или «Кинель» А. Лукьянова, в которых жизнеописание главных героев и само развитие действия обуславливались преимущественно ходом историко-революционных процессов.

В сравнении с этими произведениями идейно-художественная структура «Ламзури» как исторического романа обогатила мордовскую литературу новыми формами раскрытия личности исторических персонажей. Образ Несмеяна в романе А.Д. Куторкина как бы «доразвивается» и через жизнеописание «параллельного» вымышленного героя, в частности, – через показ личных взаимоотношений Кривова с любимой им девушкой Ламзурью, являющейся плодом творческого вымысла автора. Подобное использование в историческом романе в качестве равноправных участников повествования известного исторического деятеля и вымышленного персонажа в известной мере было новым словом в мордовской литературе, расширившим социально-бытовой фон произведения и давшим новые возможности для увлекательного развития сюжетной интриги.

Показ взаимоотношений Несмеяна и Ламзури, опирающийся на фольклорно-эпическую гиперболизацию, придал произведению романтическую приподнятость, свидетельствуя о формировании новых традиций в развитии мордовского поэтического эпоса.

Особым этапом в становлении А.Д. Куторкина была вторая половина 50-х – начало 60-х годов XX века. Писатель плодотворно работает над стихотворным романом «Яблоня у большой дороги» (1958). Произведение это убедительно подтверждает мысль, что в прочных связях с традициями народного эпоса кроется одна из важнейших особенностей поэтического творчества как самого А.Д. Куторкина, так и эпико-повествовательных жанров всей мордовской ли-

Писатель Андрей Куторкин.

тературы. В духе традиций народного эпоса в романе дан зачин, который как бы закладывает нравственно-эстетическую основу всему повествованию. В нем на первый план выведен образ сказителя, предстающего свидетелем изображаемых событий, носителем народной мудрости.

Наиболее удачно в стиле фольклорно-эпической символики в романе развернуты образы яблони и большака, через которые автор удачно раскрывает народно-этический идеал служения общественному долгу. Судьба яблони, олицетворяющая собой образ народа в целом, раскрывается с эмоциональной приподнятостью, через прямые и параллельные сопоставления с явлениями народной жизни и судьбами героев.

Как многоплановое произведение, рассчитанное на разносторонний показ явлений и событий XIX – начала XX века, роман представляет различные социальные слои. Здесь действуют крестьяне и рабочие, дворяне и купцы, сельские кулаки, представители духовенства и интеллигенции. Типические явления народной жизни в романе обобщены через судьбы Мики Кузаева, Луши Пуркаевой, Саввы Нужаева, Лебо Остаева и других персонажей. У каждого из них автор выделяет черты характера, которые в совокупности своей создают облик мордовского народа.

Этим героям противостоит разномастная свита представителей государственной власти: царь Николай II, помещик Панов, купец Перов, кулак Михей и другие. Все они предстают со страниц романа как выразители интересов своего класса, как ревностные их защитники.

Главным носителем социального протеста и центральным героем произведения показан Мика Кузаев. Особое внимание автор уделяет показу сложного процесса формирования классового и национального сознания этого героя. Мика проходит путь от озорного бунтаря-одиночки до руководителя восставшего народа. Мика Кузаев стоит рядом с такими героями как Тихон Черемшин из романа «Широкая Мокша» Т. Кирдяшкина, Григорий Канаев из романа «Лес шуметь не перестал» К. Абрамова – то есть в ряду наиболее ярких типических образов мордовской литературы. Как одно из достоинств романа нужно отметить удачное сочетание в нем колоритных в национальном отношении женских образов. Таков прежде всего образ Луши Пуркаевой. Далеко не прям ее путь в революцию, но, в конце концов, она приходит к осознанию ее очистительной и освободительной миссии и в решающий момент жертвует собой ради спасения Мики Кузаева.

Основу художественного новаторства в романе «Яблоня у большой дороги» составляет опора на национально-эпические традиции мордовского фольклора. Суть его заключается в стремлении А.Д. Куторкина осветить судьбы и характеры героев светом народных идеалов, органически соединить их показ с показом исторических событий. Через фольклорно-романтические образы в романе высвечен глубинный характер социально-исторических явлений национальной истории мордовского народа. Таким образом, судя о связях А.Д. Куторкина с традициями народного эпоса, их надо видеть в преодолении поэтом эпической исключительности, свойственной фольклору, в стремлении к органическому синтезу реалистических и фольклорно-эпических средств художественной выразительности.

В 70 – 80-е годы двадцатого столетия А.Д. Куторкин долгие годы работал над созданием романа-трилогии «Бурливая Сура», в котором нашли отражение важнейшие события истории мордовского народа с начала XX века и до начала Великой Отечественной войны. Изображение социально-исторических событий и показ картин национального быта мордвы сделали роман А.Д. Куторкина одним из наиболее значительных произведений современной мордовской литературы.

Первая книга трилогии «Бурливая Сура» (1976) охватывает события пятнадцати лет: с 1890 по 1906 годы. Следуя исторической правде, А.Д. Куторкин убедительно показывает трудный и своеобразный процесс приобщения мордовского народа к прогрессивным идеям преобразования жизни. Чтобы ярче показать социально-исторический смысл изображаемых событий, автор синтезирует судьбу человеческую и судьбу народную.

В центр повествования в романе выведена судьба трех поколений семьи Валдаевых. Многолюдная семья Валдаевых распадается не столько потому, что ее корни разъедает дух патриархальности, сколько потому, что они подтачиваются приближающейся революцией, поставившей по разную сторону баррикад не только классы, но и родствен-

ные связи. Такова исходная точка писателя при показе этой типической семьи.

Описание распада семьи Валдаевых писатель начинает с изображения ее главы – Варлаама Валдаева. Благодаря большому трудолюбию он сумел организовать крепкое хозяйство. Чувствуя намечающуюся трещину в семье, Варлаам начинает понимать, что ему уже не суждено быть вершителем судеб своих детей. Пятеро его сыновей – Тюма, Кандра, Проня, Фадей и Рамко – живут мечтой о разделе имущества. При всем уважении к отцу они уже не могут жить так, как жил он. Просто, ненавязчиво, но с большим психологическим подтекстом писатель показывает, как сама жизнь сметает со своего пути слабых и безвольных представителей рода Валдаева. Бессмысленно, наткнувшись на косу, умирает Проня. Смерть его – неизбежное звено распада в общей цепи патриархального уклада жизни. Из когда-то прочных родословных ветвей Валдаевых выпадает и слабохарактерный Тюма. Обнищавших Рамко и Кандру жизнь втягивает в бурный водоворот революционных событий: их мы видим уже среди активных участников разгрома помещичьего имения.

Основная тема первой части романа – рост национального самосознания народа, приобщение его лучших представителей к активной борьбе за социальную справедливость. Эта идейная установка находит свое воплощение в изображении представителей второго поколения Валдаевых – Платона, Тюмы, Гурьяна и Кандры. Внуки Варлаама, приобщившись к книгам, становятся активными участниками революционных событий, особенно Гурьян, в образе которого писатель показал формирование и развитие нового героя истории – человека-борца, полностью посвятившего себя борьбе за народную правду.

В «Бурливой Суре» А.Д. Куторкин представил народ во множестве типических образов. Прежде всего, – это Платон, Мария, Тимофей Валдаевы, Евграф Чувырин, дед Филипп и другие герои, резко противопоставленные Андрону Алякину, Глебу Мазылеву, Науму Латкаеву – представителям государственной власти.

Важно подчеркнуть еще одну идейно-художественную особенность романа: способы индивидуализации героев. В подробностях, деталях их образных характеристик автор стремится подчеркнуть частные, личные особенности человеческих характеров как нечто «общее», типичное для народа в целом. Так выписаны образы Гурьяна Валдаева, Евграфа Чувырина, Анисьи Валдаевой, Пелагеи Якшамкиной и других.

Действие второй книги «Бурливой Суры» (1976) начинается сразу же после событий революции 1905 года. В центр повествования здесь выдвинуты исторические события большого масштаба: поражение революции, столыпинская реформа, Октябрьская революция. Ход этих событий и движение отдельных судеб героев, изображенных в гуще истории, сливаются в поток движения времени. «Историческое» превращается в романе в главный предмет изображения, образуя «сквозной» сюжет произведения в целом. А судьбы отдельных героев становятся как бы эпизодическими картинами движения сюжета «исторического».

Во второй книге «Бурливой Суры» писатель создал колоритные, реалистические образы борцов за народное счастье. По глубине психологического анализа и типизации героев, олицетворяющих силы народа, наиболее ярко выписан образ Гурьяна Валдаева. В нем писатель сосредоточил типические черты борцов за новую жизнь. В движении романа появление Гурьяна приобретает большой социальный смысл, потому что каждый раз он выступает как частица силы народа, как олицетворение его моральных и нравственных начал.

Основное место во второй книге отведено молодому поколению борцов за новую жизнь, воплощенному, прежде всего, в образе Платона Валдаева. Платон Валдаев возглавляет сельскую бедноту. Он смело и решительно встает на путь революционных преобразований в селе. С изменениями в жизни изменяется и характер Платона. Теперь обо всем он судит трезво, в своих убеждениях проявляет непреклонную твердость. Изображая Платона Валдаева, писатель показывает и его недостатки, присущие некоторым коммунистам первых лет советской власти. Иногда он действует прямолинейно и вместо того, чтобы настойчиво и твердо разъяснять политику того времени, он круто расправляется с кулаками во время сбора денежных средств.

В произведении все подчинено основной идее – показу борьбы за осуществление вековых идеалов народа. Этому служит и композиция романа, обусловленная центральной идеей: показать ход народной борьбы за социалистическую жизнь.

В третьей книге «Бурливой Суры» (1987) отображена острая классовая борьба периода коллективизации, показаны трудности и сложности установления новой жизни в мордовской деревне. Изображение процессов коллективизации в романе как исторической неизбежности носит всеобъемлющий характер. В соответствии с исторической правдой А.Д. Куторкин

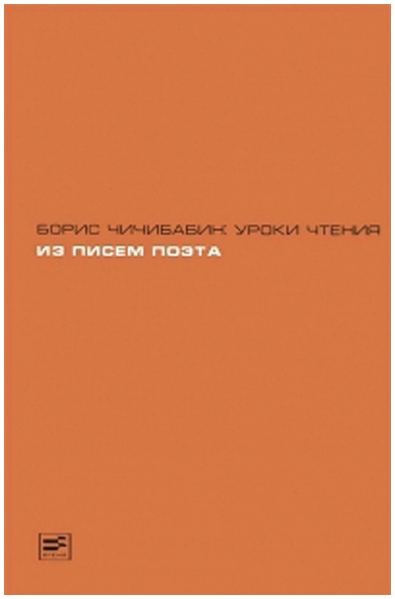
изображает социалистический переворот в сельском хозяйстве как сложный и неоднозначный процесс. Членам артели приходится создавать новые условия жизни, преодолевать противодействие со стороны кулачества, бороться с собственными заблуждениями.

Ярко выписан в романе образ Амоса Агеевича Вирязова. Он показан в романе как просветитель мордовского народа. Днем педагог Вирязов учит грамоте сельских детей, а вечером помогает в ликвидации безграмотности взрослых. Этим образом писатель подчеркивает роль просветителей мордовского народа в культурной революции.

Лучшие черты молодежи воплощены в образе Николая Валдаева, которого автор нарисовал человеком с ясным, твердым и целеустремленным характером. Вдумчивый, общительный комсомолец быстро завоевывает авторитет у односельчан. Люди быстро проникаются доверием к нему – принципиальному борцу за новую жизнь. Этот образ во многом имеет автобиографические черты. Молодое поколение – Николай Валдаев, Николай Нельгин, Костя Варакин, учительница Александра Капитоновна Ревелова – предстает в романе ярко очерченными героями. Писатель стремится выявить логику их поведения, мотивы деятельности. Он не избегает сложных конфликтов, не сглаживает противоречий. Это придает повествованию внутреннюю динамичность, а раскрытию характеров – правдивость и остроту.

Выдвинув на первый план образной структуры романа народ, его идеалы, дела и характеры, показав его на важнейших поворотных событиях истории, автор приблизился к сложному жанру романа эпопейного типа и явился одним из его основоположников в мордовской литературе. Для современной мордовской литературы роман А.Д. Куторкина имеет большое значение потому, что позволяет говорить о романном жанре мордовской литературы как о самобытном явлении в жанровой структуре литератур младописьменных народов, стремящихся в такой форме художественного эпоса к постижению своей национальной истории.

НОВЫЕ КНИГИ



Борис Чичибабин: уроки чтения. Из писем поэта. Москва: «Время», 2013. Стихи Бориса Чичибабина хорошо знакомы русскому читателю. Но он был еще и мастером эпистолярного жанра и всю жизнь писал замечательные письма. Вот фрагмент из предисловия писателя Александра Верника к «Урокам чтения»: «Этот текст о литературе и о писателях – настоящее серьезное открытие. Так читать еще никто не предлагал – чтобы вновь прочитанное не существовало отдельно, а вплеталось в ткань обширного культурного пространства, уже становящегося родным, домашним, но при этом и общим для всех. Так только и создается новое поле культуры и общности. А, значит, и сочувствия ко всему и со всеми. Что и было столь необходимо Борису Алексеевичу... «Уроки чтения» – чудесная эпистолярная проза, в которой автор вовлекает читателя в собственный поиск самой необходимой для жизни Книги. Ищет, в сущности, близкого ему по духу «читателя, советчика, врача…». Книга «Борис Чичибабин: уроки чтения» включает в себя избранные места из никогда не публиковавшихся писем – о литературе, о любимых писателях и книгах. Вышла она в московском издательстве «Время» к юбилею Чичибабина, которому 9 января исполнилось бы девяносто лет.

Вячеслав ЗАХАРОВ

критик,
литературовед,
г. Глазов

«ЧТОБ ВЫЖИТЬ И ОСТАТЬСЯ...»
ПОЭЗИЯ ВИКТОРА МЕЛЬМА

Город Глазов – по преимуществу город поэзии. Именно с Глазовом связаны творческие биографии таких известных поэтов как Степан Щипачев, Флор Васильев, Олег Поскребышев, Даниил Яшин, Римма Казакова, Николай Старшинов, Владимир Парамонов, Леонид Смелков, Андрей Углицких, Александр Фомин. Но поэтическая карта Удмуртии и России будет неполной без личности и творчества Виктора Артуровича Мельма (1953 – 2008).

Мельм начал печататься на страницах городской газеты под романтическим псевдонимом Артур Викарт. Как сложившийся поэт под своим настоящим именем Виктор Мельм дебютировал большой подборкой стихотворений в городском литературном альманахе «Сентябрь» (1995). В 1999 году тиражом двести экземпляров вышла небольшая книжечка избранных стихотворений Виктора Мельма с запоминающимся названием «Душа как частный случай». Выход книги был значительным этапом для поэта, успешно прошла презентация сборника. В 2008 году в московском литературном альманахе «Братина» была опубликована большая подборка стихотворений Виктора Мельма, знаменательно озаглавленная «Поладить с жизнью…».

Стихотворение «Россия» – одно из ключевых произведений в творчестве поэта. Именно в нем проявилась «соборность» мышления поэта, его способность слиться с болью, страданием многих жителей скудеющих и умирающих деревень. Поэт сумел страстно, исповедально, без фальши выразить свою непоказную любовь к Родине:

И лишь здесь, на морщинистом поле,
После долгих, как траур, минут
Я впервые очнулся от боли,
Что любовью обычно зовут.
Пусть меня не поймут, урезонят,
Но я Родину начал любить
Лишь тогда, когда с горечью понял,
Что уже невозможно забыть
Ни продрогших мальцов на картошке,
Ни старух, почерневших насквозь,
Ни отчаянной пьяной гармошки,
От которой всю ночь не спалось.

В стихотворении проявилось тяготение поэта к лиро-эпическому началу, к воплощению масштабных образов и тем.

Развитие дарования в этом направлении спасало душу поэта от приступов отчаяния и внутреннего одиночества. Мне удалось познакомиться с черновыми вариантами этого стихотворения и приоткрыть творческую лабораторию автора, который умел самозабвенно и кропотливо работать над совершенствованием своих стихов, возвращаясь к ним на разных этапах своего творчества. В первом варианте стихотворения была строка: «…и Россию листал, как газеты», затем поэт уточняет свою мысль, и возникает новый вариант, уже окончательный: «…и страну постигал по газетам». А вместо строки «…я постиг то величие боли», претендующей на патетику, появ-

ляется более органичная строка: «…я впервые очнулся от боли, что любовью обычно зовут». В последней строфе стихотворения «Россия» был первоначальный вариант: «…ни отчаянной пьяной гармошки, среди ночи играющей врозь». Поэт, почувствовав некую «размытость» последней строки, значительно усилил ее в окончательном варианте: «…ни отчаянной пьяной гармошки, от которой всю ночь не спалось».

Характер и направленность творческих исканий поэта во многом определяются его истоками, следованием определенным поэтическим традициям. У Виктора Мельма был свой круг поэтов, у которых он всю жизнь учился: Борис Пастернак, Александр Блок, Сергей Есенин. Его привлекала поэзия свободы, независимости, предельной открытости. Но молодым стихотворцам есть чему поучиться и у Мельма: поэтической культуре, стремлению к отточенности и емкости каждой строки. По своей сути Виктор Мельм – лирик, но лирик, стремящийся выйти за пределы узкого круга лирических тем и отразить в зеркале своих стихотворений судьбы других людей, ключевые эпизоды истории.

В облике Виктора Мельма было что-то аристократическое: большие, строгие глаза, благородная чеканка лица, выразительная лепка чутких губ. Это был человек рыцарского служения слову, поэзии, искусству. Он обожал талантливое пение, дарил женщинам букеты и стихи. С годами поэт все более остро ощущал драматические узлы жизни, хрупкость и беззащитность открытых чувств и порывов. Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Калина красная» Людмилы Лехницкой в 1998 году, поэт выделил, очевидно, выстраданные для него мысли: «Только осознав смерть, человек по-настоящему начинает понимать жизнь. Перестает врать». И далее: «Других людей рядом не будет. И надо ценить тех, кто сегодня смотрит тебе в глаза». В этих словах – весь Мельм с его жаждой гармонии и правды.

Поэт понимал необходимость расширения тематического и жанрового диапазона своей поэзии, выхода к осмыслению узловых эпизодов в истории страны: «Приспело время осознать», «Россия», «Война», «Он погиб в сорок первом»... Скупыми, но емкими штрихами поэт сумел выразить колоссальное духовное напряжение людей во время войны, единство их устремлений:

И каждый вровень – стар и мал –
С трудом, шатаясь от усилий,
Судьбу свою превозмогал,
И только вместе победили.

Но особенно ему удавались женские портреты, причем в частных, казалось бы, картинах, характерах поэт чутко улавливал нечто общее:

Увы, но в праздности оседлой
Я, к сожалению, не раз
Встречал у женщин внешне светлых
Глухую муку вместо глаз.

В сдержанной по цвету лирике Мельма особое внимание уделяется музыкальной интонации, звуку, жесту, дыханию, графическим линиям и контрастам:

И это утро в зыбкой дрожи,
Еще не тронутое спешкою
На волю хлынувших прохожих,
Светло, покойно и торжественно.
И снова просто все и ясно.
И верить, что душа божественна,
Уже не кажется напрасным.

Поэт обостренно чувствовал музыку любви, умел психологически точно выражать оттенки настроений, был способен не только раскрывать свои чувства, но бережно и чутко вникать в психологические особенности женских характеров и судеб. В облике и судьбе одной женщины он умел видеть черты и судьбы многих женщин, стремящихся обрести свое трудное счастье, жаждущих любви и понимания. Любовь в лирике Виктора Мельма несет в себе явные черты музыки. Любовь, память, музыка – главные, опорные мотивы в его творчестве:

Мы грустью одной,
словно музыкой, связаны,
Одной на двоих в суматохе людской…

Поэт выступает в своем творчестве скорее как график, чем как живописец. В его поэзии доминируют два цвета: черный и белый. Эти цвета, как правило, несут в себе символическое значение – ощущение контрастности и трагичности мира в восприятии лирического героя:

Возлюби меня, когда в ночи
Мчатся *черные* машины…
Обильным пухом занавешены
И дальний парк, и дом напротив,
И лужи *черная* проплешина
На *белом*, с ворсом, повороте…
И горечь лет, как листья прелые,
Заносит снегом – он прощает,
Он чистый, как рубашка *белая*,
Что перед смертью надевают…
Как снега под *черным* небосклоном,
Как слова зачеркнутой строки,
Я живу по вящему резону –
Не благодаря, а вопреки.

Контрастные цвета и образы довольно отчетливо вырисовываются в поэзии Виктора Мельма: белое и черное, тепло и холод, свет и мрак, жизнь и смерть. Они свидетельствуют о стремлении поэта осмыслить взаимодействие противостоящих начал, за-

печатлеть драматизм человеческого бытия.

Еще одна особенная черта в творческой индивидуальности поэта – его увлеченность музыкой, которую он тонко чувствовал. Может быть, именно стихия музыки должна была побеждать чувства тоски, одиночества, тупика. Еще в раннем своем стихотворении «Парад», изображающем колонну ветеранов войны, идущую «не в такт с барабаном», поэт замечает: «И небо над ними – как звуки органа». Отчаянным звуком гармошки, западающим в сердце, завершается и стихотворение «Россия». В его жизни и творчестве, преодолевая трудности, печали и беды, звучит просветленная музыка любви и понимания:

Весна приходит без прелюдий.
Под утро выйдешь на балкон,
Вдохнешь и чувствуешь всей грудью,
Как воздух влагой напоен…
Так паузу перед премьерой
Смычки, волнуясь, теребят,
Чтоб через миг, заслоны руша,
Огромно, как девятый вал,
Чтоб через край, как счастьем душу,
Наполнить музыкою зал.

Мельм – «лунный поэт»: в его творчестве доминируют вечерние и ночные мотивы:

Надменный холод звезд, и тайны,
И профиль вскинутого лба,
Случайный свет, и ночь случайна,
И ты случайна как судьба.

В стихотворениях поэта особенно акцентированы первые и последние строки. Первые строки, как правило, задают тему, определяют смысловую направленность стихотворения: «По ним в церквах не служат панихиду…», «Я устал от земной суеты…», «Я приду к тебе через много лет…», «У каждого стезя своя…». Заключительные строки стихотворений тяготеют к афоризмам. Причем нередко две последние строки стихотворения состоят из двух смысловых частей, связанных и одновременно внутренне противопоставленных друг другу. Концовки стихотворений, как правило, неожиданны, парадоксальны и афористичны: «Только что мне от права мужчины, если выбрала ты не меня…», «А потому что так любил, что удержать не смог…», «Любили – может быть, любили, и вспомнить некогда – когда...». Виктор Мельм – художник романтичес-кого типа. Конфликт «поэт и обыватели» отчетливо проявлен в его творческих исканиях. Поэт был убежден, что повседневная суета неизбежно отнимает у жизни время для творчества и любви:

Но лишь теперь в дали от властной
Земной дотошной суеты
Я разглядел, как вы прекрасны,
Как беззащитны и чисты.

Поэт обостренно чувствовал сжимающиеся круги времени и противопоставлял им вспышки истинной любви:

Но и там, в кругу неумолимом,
Буду помнить, выгорев дотла,
Как сегодня ты была любимой,
Слава Богу – все-таки была.

Лирический герой Мельма противостоит «лабазной суете», он – романтик, ищущий опоры в женской любви, в друзьях и в то же время остро осознающий стремительность и хрупкость возникающей любви да и самой жизни. Его стихи напоминают фрагменты дневника, в котором он фиксирует свои метания, попытки обрести целостность в мире разладов и разломов:

Через прихоть, через бурелом,
Как прощают, стоя на перроне,
Дотянись спасающим теплом
Робко прикоснувшейся ладони.

Мотив поиска любви, понимания, преодоления одиночества – один из сквозных в творчестве поэта. Кажется, что дамоклов меч времени постоянно занесен над головой его лирического героя. Складывается впечатление, что поэт отчаянно стремился поладить с жизнью, но у него не получалось, он срывался, замыкался в себе, уходил в одиночество и писал, как дышал, свои исповедальные стихи:

Спешим, и некогда присесть,
Взглянуть на мир, увидеть лица
И жизнь принять такой, как есть,
И с ней поладить… И напиться.

Истинный поэт – особое чуткое зеркало, по-своему отражающее картину мира. А созданная художником «картина» начинает, в свою очередь, воздействовать на образ и направленность его жизни. Ноты печали, тоски, сумрачного настроения, запечатленные поэтом, эхом отражались в его реальной жизни, усиливали его ностальгию по недосягаемой гармонии мечты и реальности.

В сентябре 2008 года поэту исполнилось бы пятьдесят пять лет, а в мае его не стало. Но остались его пронзительные стихи, его образ в памяти близких, друзей и просто любителей поэзии, остались на земле его друзья, его любимые женщины.

Вспоминаются написанные им строки: «Друзья живут и будут жить, покуда помним…».

Мы помним тебя, Виктор!

Милитина ГАВРИЛОВА-РЕШИТЬКО

журналист,
г. Ижевск

В ПОИСКАХ СИЗОЙ ГОЛУБКИ
РАССКАЗЫ ОЛЕГА ЧЕТКАРЕВА

Каждое утро у подъезда меня встречают голуби. Переступая розоватыми лапками, они потихоньку приближаются ко мне и важно кивают аккуратными головками. Они, сизари, казалось бы, все одинаковы, но нет – они разные. Одни темно-сизые, у других на спинках больше белых перьев, третьи отливают блестящей синевой. Среди них я ищу светло-синюю голубку, похожую на сине-голубое небо, – такую, какую увидел и описал в своей повести «Сизый голубочек» Олег Четкарев. Писатель Валерий Болтышев перевел это название по-своему: «Синь да голубь», что, наверное, ближе к оригиналу, поскольку в качестве названия повести выбрано трудно переводимое сочетание слов из удмуртской народной песни.

Эта повесть завершала книгу Олега Четкарева «Прыжок на лед», вышедшую в издательстве «Удмуртия» много лет назад. В первый же месяц нового года Олег подарил мне эту книгу с теплыми пожеланиями, назвав меня «радиомамой». И сегодня я с благодарностью беру ее в руки.

На ней с первой страницы начинаются разные пометки: введение дикторского текста, распределение ролей для чтения артистами, примечания, где включать музыку. Это память о том, как мы в литературной редакции удмуртского радио по горячим следам готовили радиопередачу по этой книге, которая меня настолько заинтересовала, что позднее я написала о своих впечатлениях о ней в газету «Советской Удмуртия». Для работы на радио мы взяли первый рассказ – «Прыжок на лед». Он, с моей точки зрения, давал старт всей книге, объединяя в одно целое произведения, в нее включенные.

Заинтересовало серьезное размышление автора и героев книги о счастье. Да кто же не думает о счастье? – спросите вы. Да. Наверное, все мы. Но автор, говоря о счастье, тут же спрашивает: а находим ли? А если не находим, то почему?..

Герои книги – деревенские жители. Если они еще продолжают жить в деревне, то мечтают уехать в город, если уже уехали, то деревня, родительский дом, земля не отпускают их, и они живут на новом месте «с необрезанной пуповиной». С одной стороны, деревенское прошлое дает им опору, «питает», с другой, – держит, мучает, не дает настоящей свободы. Так и живут они, с их точки зрения, «вне» настоящей жизни. В городе у них зачастую так и не появляется ни своего жилья, ни настоящей работы. В довершение ко всему – чуждое окружение, непривычный язык общения. Не зря одна из героинь повести говорит: «Ей богу, хочется встать на середину улицы и кричать: «Люди, остановитесь хоть на миг! Куда, зачем торопитесь, не видя и не слыша друг друга? Послушайте, что у меня на душе!..».

Мотив поисков счастья продолжен и в последующих рассказах: «Мужики», «Сердце чувствует», «Ветка для соловья», «Сизый голубочек». Герой первого рассказа тоже хотел быть счастливым, однако не стал и погиб. Автор не ставит на этом точку, рассуждая, почему же это случилось: виноват ли сам герой, или окружающие его люди, или сложившиеся обстоятельства.

Поиск счастья Кирло Кашковым показан автором как череда важных моментов его жизни. Кирло – неудачник с самого рождения, у него слабые корни, не способные дать крепкие ростки. С одной стороны, герой Олега Четкарева – не плохой человек: не отлынивает от работы, любит свою машину, свое хозяйство. С другой стороны, он человек непорядочный: «несун», не отказывающийся взять чужое, если оно «плохо лежит». Автор не жалеет красок, показывая эти черты героя. Кирло – «маленький серп», «поздно родившийся цыпленок», который не может стать хорошей птицей, потому что все время в тревоге от того, что его могут разоблачить и опозорить. Даже фамилия его – Кашков – звучит как «невычищенное дно квашни». Отец говорит о нем так: «Оказывается, даже от корней ели рождается черная бузина. Даже в кузнице на свое место его нельзя поставить – не достанет до горна». Вот и товарищи его не уважают: если и берут в игру, то только для того, чтобы ставить «гальщиком» или «догоняльщиком».

Писатель пытается разобраться в психологии Кирло. Что сделало его таким? За что его не любят? Может быть, потому, что он не любит делать добро? Может быть, оттого, что он завидует другим? Может быть, причина в том, что его переполняет злоба, которую он пытается скрыть от других, откладывая свое возмездие на будущее: «Вот вырасту, я дам им, отомщу»? А за что? За свое неумение жить, невысокий рост, отсутствие навыка думать как серьезный, взрослый человек, сам отвечающий за свою жизнь?..

Но сердится и обижается он не на себя, а на других, накапливая все больше недоброжелательности к людям. Он женится не по любви на женщине с ребенком, ему не удается сохранить имущество, доставшееся от отца, не спасает его и машина, за которой он тщательно ухаживает. Из боязни, что его разоблачат, что его поймает милиция, что он попадет под суд, он уходит от погони на машине и погибает.

Рассказ композиционно крепок, автор мастерски использует элементы детектива, размышляя о трагедии своего героя, о том, почему он, родившийся, казалось бы, от вполне благополучных родителей, получился таким неприспособленным к жизни и, в конце концов, погиб.

Автор продолжает рассуждать о поисках счастья и в рассказе «Мужики». Вокруг большой красивой сосны сидят мужики. Рассматривая богатырскую сосну, они размышляют: отчего так изменилась жизнь; почему современная молодежь часто отказывается от старых понятий чести, добра, совести; отчего разрушаются семейные связи; в связи с чем у молодых пропадает желание стать хозяевами своего дома, хозяйства, земли.

Собеседники отмечают: все делается на скорую руку и так же быстро рушится, деревни остаются без девушек – вот и среди молодых ребят, сидящих возле сосны, ни один не женат. Молодежь в селе живет мыслью уехать в город, где, как им кажется, их ждет счастливая жизнь. «Так ли?» – спрашивает автор, давая ответ на вопрос в повести «Сизый голубочек».

Герои повести Лена и Конди уехали из деревни, но нашли ли они свое счастье, своего «сизого голубя»? Голуби убиты людьми, а сменившие деревню на город люди по разным причинам доведены до самоубийства. Конди, ремонтируя крышу, крепко привязан веревкой к трубе. В порыве желания взлететь он машет руками, но человек не может подняться в воздух да и на землю упасть не может: его держит веревка.

Не такая ли жизнь у этих молодых людей? Свободны ли они в своих мечтах и желаниях?..

Над этим заставляет задуматься читателя автор рассказа.

Выход из этой сложной ситуации, из страха перед будущим, как отмечает литературовед Виктор Шибанов в статье «Привязанный голубь», они пытаются найти в суициде: «Я думаю, – пишет критик, – в мотиве самоубийства прежде всего нужно увидеть художественный прием, одну из форм иносказания, когда именно так олицетворяется страх перед будущим или страх свободы».

...Голубя, похожего на синее небо, который «прилетел от бога», я так и не увидела среди встречающей меня у подъезда стаи голубей.

Роза КИРИЛЛОВА

преподаватель Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

«КАК ТРУД НАШ, КАК ХЛЕБ И ЛЮБОВЬ...»
ПОЭЗИЯ ВЕНИАМИНА ИВШИНА

Тематика произведений Вениамина Ившина разнообразна: человек и природа, родина и любовь, война и творчество. Все это находит отражение в его стихах на удмуртском и русском языках.

Юные годы поэта пришлись на послевоенное время, когда дети жили заботами взрослых, когда их волновало все, что происходило в стране. Они росли впечатлительными и ранимыми и познавали жизнь не только по школьным учебникам, будучи свидетелями того, как один за другим уходили из жизни участники войны. В эти годы они, как взрослые, узнали вкус соленого пота: летом – на колхозных полях, зимой – на лесозаготовках и фермах. Взрослели рано, выдерживая на своих хрупких плечах тяжелую подчас и для взрослых ношу.

Совсем не сказочна она –
Солдат военная страда,
Она дает постичь сполна
Смертельный смысл ее труда.
Не запоздалой славы хор,
Не юбилейный блеск наград,
Как часовые, до сих пор
Солдаты павшие хранят...

Здесь и далее переводы В. Емельянова.

Поэт не сражался на фронте, но тема войны, гражданская ответственность перед теми, кто сражался и погибал на фронтах, кто трудился во имя победы в тылу, легли на сердце тяжелым грузом, оставив в душе поэта неизгладимый след. Раньше срока возмужала, повзрослела его душа.

Семья, род, родина, материнская любовь – понятия неразделимые. В потоке размышлений автора неотступно присутствует образ матери. Глубоким чувством любви проникнуто лирическое отступление, обращение к матери, родной стороне в стихотворении «Материнский дом»:

Здравствуй, дом материнский!..
Я рос без отца.
Только мама одна твой очаг
разжигала,
Согревала озябшие наши сердца
И мечты наши детские
благословляла.

Умело взятые, казалось бы, из обыденного разговора слова и выражения, вкрапленные в поток чувств поэта, создают крупным планом образ матери – женщины нелегкой судьбы. Она достойно несет свое горе – потерю мужа: кормильца и отца ее детей.

Ты приходишь в мой сон, как всегда,
в январе,
Утешаешь меня своей лаской несмелой.
Злой буран завывает вовсю во дворе,
А во сне моем – кипень черемухи белой.

Удачно найденные художественные образы, точно подмеченные детали раскрывают глубину чувств и мыслей лирического героя, когда он говорит о матери, чей образ ассоциируется с ивой:

Старуха-ива надевает
Зеленый девичий наряд
И слезы светлые роняет
В ручей, бегущий на закат.

Особенность звучания поэзии Вениамина Ившина – в любовной преданности родному языку, душевном созвучии с мелодией природы и звуками родного слова:

Его колыбели качали
Не рощи, поля и холмы,
А радости, беды, печали,
Большие сердца и умы.
Но путь его древний и вольный,
Который удмурты прошли,
Не шастал тропою окольной
От отчего дома вдали.
(«Удмуртский язык»)

Сохранить национальные традиции, язык и культуру в эпоху глобализации непросто, но поэт верит в светлое будущее родного языка:

Я верю, что будет он вечен,
Как труд наш, как хлеб и любовь.

Поднимая актуальные проблемы народной жизни, изображая разные стороны быта удмуртского народа, описывая его традиции и нравы, поэт обнаруживает характерную для себя заботу о родном крае, родном языке. Он глубоко размышляет об этом и твердо уверен, что судьба народа, его жизненная сила и духовное богатство в большей степени зависят от самого народа, от каждого отдельно взятого человека:

Мне надо хлеб растить,
и по тропе любви
Шагать, и песни петь
по вечерам соседке –
Вот здесь магнит какой!
Попробуй, оторви
Меня, как лист сухой,
с черемуховой ветки.
(«Магнит»)

Важно отметить, что поэт умело пользуется художественными приемами национального фольклора, мифопоэтикой. Стихотворения «Земля Воршуда», «Ванялудские женщины», «Гора Иднакара», «Арчинская песня» написаны на основе историко-фольклорного материала. Значительное место в этих стихотворениях занимают философские раздумья поэта. Он размышляет об истории народа, его языке и культуре, будучи убежден, что вековые народные традиции складывались совсем не случайно. Приобретая опыт, народ сохранял в обрядах и обычаях самое ценное, самое жизненно необходимое.

Коваль, пахарь, зверобой,
Пекарь, пасечник – любой,
Кто здесь жил, – вдруг стал травой,
Илом, ивой...
Все вы тут – сестра и брат,
Свекор, деверь, кум и сват,
Виноват, не виноват –
Взят могилой.
(«Земля Воршуда»)

Мифопоэтика Вениамина Ившина во многом исходит из языческого миропредставления: мир един – цельный, нерасчленимый, живущий по закону родового единства. Натурфилософию поэта определило отношение к преломленной в его художественном сознании природе, которая часто сопряжена с языческими образами.

Поэзия Вениамина Ившина живописна по яркости и свежести красок, близка импрессионизму. Изобилуют тона и полутона зеленого, красного, часто встречаются желтый, белый, красный цвета.

Вот картина цвета голубого,
Красный луг – художника другого,
Третий, вдохновеньем увлеченный,
Даже солнце выкрасил в зеленый.

Картина жизни удмуртского народа в поэзии Вениамина Ившина полна и романтической приподнятости, и реалистической образности. Поэт искусно сочетает реалистическую конкретность с романтической символикой. Это позволяет ему, оставаясь национальным в мироощущении, добиваться философской обобщенности:

Желто-зелено-красная просинь
Разноцветных сентябрьских небес,
Зерна – желтые, в зелени – озимь,
В красном – яблони, в радуге – лес.
Желто-зелено-красная осень –
Краше не было в мире чудес!

Словесная лаконичность, эмоциональная сдержанность поэзии Вениамина Ившина – национальная черта, свойственная древним формам финно-угорской культуры. Поэт верен историческим традициям, обычаям предков, мифу и фольклору. Но он создал свою художественную среду, суть которой – в простоте и даже наивности. Его поэзия приближена к живому и неживому миру природы и первозданным формам прекрасного, которые слиты с человеком воедино. Музыка его стихов одухотворена. В них нашел свое отражение путь человека к своему нравственному совершенствованию, к свету вечных истин и настоящих духовных ценностей.

Обращаясь к поэтическому творчеству Вениамина Ившина, мы убеждаемся: возвращение к исконным началам – единственный путь к созданию самобытной национальной культуры. Перед нами лирика, которая своеобразно сочетает в себе национальное мифопоэтическое начало и опыт мирового искусства, двух его основных направлений – реализма и романтизма.

Вениамин МОРОЗОВ-БАРИНОВ

журналист,
г. Ижевск

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КРЯШЕНАХ

Нам представляется, что национальность кряшен формировалась как нагайско-половецко-ордынская ветвь, начиная с VII века до Рождества Христова вплоть до 688 года. Ее корни уходят в глубь скифского владычества северных славян болгарского направления.

В период с 1164 года формируется современный город Елабуга (по-татарски Алабуга, что означает в переводе «озеро, где водятся окуни» – озеро между рекой Томой и Камой в районе Елабуги: заливные луга до сих пор носят это название). В «Истории Государства Российского» есть упоминание о том, что болгарский князь Абдрахим воевал на берегах реки Любви, то есть Камы, у бывшей крепости Гелон (Елабуга). В книге И.В. Шишкина «История города Елабуги» есть ссылка на военные действия между болгарским князем Абдрахимом и князем Суздальско-Владимирским Андреем Боголюбским, где войска болгарина были биты. Город-крепость Гелон носил в то время название Бряхимов. Камские болгары пришли на это место и жили в разоренной персидским царем Дарием III бывшей крепости Гелон.

Таким образом, кряшены – одна из старейших ветвей скифского происхождения, восходящая к истокам тибетского направления скифов, которые на некоторое время ушли с территории Богберту обратно в Тибет. Их возвращение связано с тем, что малочисленное племя кряшен подверглось натиску со стороны моголов. В первые годы крещения Киевской Руси, начиная с 988 года, имея защиту в лице большого князя Владимира, они добровольно приняли крещение. Мудрые старейшины рода кряшен не позволили развиться сопротивлению и таким образом сохранили народ кряшен от принудительного уничтожения.

У кряшен была своя письменность. Об этом свидетельствуют арабские вязи времен существования великого ассиро-вавилонского царства.

Кряшены кочевали от Тибета до Дуная, но возвратились на просторы Богберту вдоль реки Камы. Елабуга до сих пор имеет в лице кряшен подавляющее большинство своего населения.

Полагаем, что нагайцы (нагайбаки), проживающие ныне на территории Чебаркуля (Челябы), – это ветвь кряшенского происхождения. В отличие от кряшен Татарстана они более замкнуты, осторожны в своих суждениях и послушны, как степняки. Всех их объединяет родство языка.

У нас в Удмуртии кряшены в настоящее время компактно проживают на территории Граховского района. Деревни Тыловай и Порым – кряшенские деревни, россыпью живут кряшены и в других деревнях района. Есть кряшены и в Кизнерском районе, в

деревне Балдейка, но не встречаются на севере Удмуртии. Что касается рода Касымов (Касимовых), то есть необходимость подробного изучения данного вопроса. Однако очевидно, что этот род восходит к предкам сарацинов, то есть мусульман-арабов.

По данным последней переписи населения России численность кряшен не определена, так как во всех списках из-за общности языка их причисляли к татарам.

Чем отличаются кряшены от современных татар? На этот вопрос нет однозначного ответа, потому что татары раздвоены: одни считают себя предками Волжских булгар (Казанского каганата), другие отстаивают свои сарацинские корни. Но очевидно: первые «татарове» были подданными могольского хана Токтамыша, он их воевал первыми из чужестранцев. В то время татары жили на берегу Желтого моря (полуостров Ляодунь в современном Китае). Вторыми были покорены китайцы, затем орды моголов двинулись в Европу. Татары, как и китайцы, были подневольны моголам. Имело место сопротивление, но оно было безуспешным.

Кряшены, на наш взгляд, имеют характерные отличия от тех и от других татар: они более уравновешены, степенны и разговорчивы, склонны к обдуманным решениям, не склонны к «взрывному» поведению и речи, им не свойственен фанатизм религиозного толка.

До сих пор кряшены сохранили своеобычность общения, у них своя манера исполнения песен, ритм их танцев нетороплив, они унаследовали своеобразную этнокультуру в одежде и украшениях, узнаваемых как кряшенские по бело-красным облачениям женщин.

Надо полагать, что так называемые «старые» кряшены существовали многие века вплоть до Смутных времен на Руси (1611 – 1616 годы). «Новые» кряшены появились, по всей вероятности, после Смуты, когда боярин Мстиславский сложил с себя полномочия и состоялись выборы на престол знатного боярина. Им в 1611 году стал сын Федора Никитича Романова Михаил Федорович. Федор Никитич Романов, оставаясь во власти наравне с сыном, был возведен в патриархи православной церковью. После

Крещеные татарки в национальных костюмах. Конец XIX – начало XX века.*

Бориса Годунова они с сыном правили Отечеством равноправно. 24 июня 1619 года состоялась интронизация Федора Никитича под именем патриарха Филарета. В 1620 году Собор постановил перекрещивать всех иноверцев во избежание новой смуты, ведущей к разору государства. Очевидно, тогда и появились «новые» кряшены: Филарет стремился дать своему народу тихую и спокойную жизнь.

Кряшены, проживающие в разных регионах, безусловно отличаются друг от друга в разговоре, обрядах, одеждах, ибо большие расстояния и нечастое общение наложили свой отпечаток. Кряшены никогда не воевали за власть, не враждовали между собой и с другими народами, были всегда достойны уважения.

В настоящее время, когда все мы наблюдаем процесс подъема национального самосознания, кряшены все теснее и теснее сплачиваются, гордясь своими корнями, миролюбивой политикой своих мудрых предков, отстоявших независимость от посягательств. Кряшенская культура – самобытное явление в мультикультурном пространстве нашей республики. В Удмуртии создан и активно работает Республиканский национально-культурный центр кряшен. Это хороший знак национальной самодостаточности этого «маленького» народа, малочисленного по сравнению с другими нациями и народностями России.

* Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, фонд Н.В. Никольского, д. 72, инв. № 482, л.22.

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА

критик,
литературовед,
г. Ижевск

5 февраля исполнилось 90 лет со дня рождения бессменного главного редактора литературно-художественного журнала «Италмас» Зои Алексеевны Богомоловой. Мы открываем рубрику «Памятные даты» материалами, посвященными этой удивительной женщине, чьими современниками нам посчастливилось быть.

«И ЗВЕЗДА ТВОЯ ЯРКО ГОРИТ...»

В 1969 году в литературной жизни Удмуртии состоялось важное событие – вышел русский авторизованный перевод романа «Начало года» Г.Д. Красильникова. По этому поводу руководитель кружка «Литературные новинки» доцент Удмуртского пединститута З.А. Богомолова собрала весь филологический факультет на встречу с писателем. Мы, первокурсники, тоже были приглашены на торжество. В те времена писатель занимал особое место в обществе, был трибуном и глашатаем, или, по верному определению Е. Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт».

В 307-й аудитории II корпуса собрался весь цвет факультета, студенты и преподаватели. В президиуме были Г.Д. Красильников, тогдашний председатель Союза писателей Удмуртии, преподаватели Д.А. Яшин, Н.П. Кралина, Р.И. Яшина. Вела конференцию З.А. Богомолова. Она рассказала о творчестве писателя и его художественной системе. Позже она напечатала в «Ученых записках УГПИ» блестящую статью «Идейно-художественное своеобразие романа Г.Д. Красильникова «Начало года». Этому предшествовала ее монография «О творчестве Геннадия Красильникова» (Ижевск, 1962), в которой впервые была описана биография и эволюция творчества тогда еще молодого прозаика, будущего классика национальной литературы. Своеобразным апофеозом в изучении творчества удмуртского классика стала ее книга «А я остаюся с тобою…», выпущенная в наши дни (Ижевск, 2006).

Обсуждение нового произведения шло строго по сценарию, как вдруг произошел сбой. Присутствовавшие в аудитории преподаватели русского языка А.Т. Кунгурова и А.П. Королев обратили внимание на неудачи перевода, подвергли сомнению авторский текст, который нередко отличался от норм русского литературного языка. Их поддержали некоторые студенты.

Во мне проснулся борец, патриот, мне захотелось поддержать писателя и показать достоинства его авторского перевода. На разных примерах, преимущественно на уровне стилистики, я попыталась доказать особенности билингвизма прозаика, великолепное знание им родного языка, состоятельность русскоязычного варианта романа, который стал явлением литературной жизни Удмуртии и России...

Это было моим первым публичным боевым крещением. Меня заметили, стали приглашать с выступлениями на радио и телевидение, в литературно-творческие кружки, которыми успешно руководили Д.А. Яшин, З.А. Богомолова, а потом и приехавший из Борисоглебска доктор филологических наук профессор Б.О. Корман, который впоследствии стал научным руководителем моей дипломной работы.

Вскоре меня избрали секретарем комсомольской организации факультета, а позднее – и университета: жизнь забила ключом. А в 1971 году я стала Ленинским стипендиатом. В обретении такого высокого статуса, несомненно, велика была роль доброй феи З.А. Богомоловой, которая при-

общила меня к литературному процессу и его научно-критическому осмыслению.

Русский писатель Л. Леонов говорил: «Все мы выпорхнули из рукава Горького». Мы, поколение удмуртской интеллигенции 70 – 80-х годов XX века (В. Ившин, Никвлад Самсонов, Н. Кузнецов, П. Куликов, Ф. Суворов и многие другие) можем с уверенностью сказать: «Все мы выросли под добрым и неусыпным взором Зои Алексеевны Богомоловой». Она выводила нас в литературный «свет», готовила к публичной деятельности, читала неповторимые лекции по поэзии Серебряного века, вела спецкурс «Современный литературный процесс». Именно с ее подачи я имела счастливую возможность участвовать в литературных дискуссиях и дебатах тех времен, присутствовать на литературных вечерах, а впоследствии выбрать нелегкую профессию литературного критика и следовать ей на протяжении четырех десятилетий. Не раз я была свидетельницей того, как упорно и умело отстаивала Зоя Алексеевна высокие критерии литературного мастерства, защищала писателей от незаслуженных выпадов и обвинений, угадывала в них зерна таланта и умело их пестовала.

В 70-е годы Флор Васильев был уже в зените славы, о нем спорили, еще не осознавая в полной мере того, что в удмуртскую литературу пришел большой поэт, значительная личность. Его много переводили русские авторы: В. Солоухин, А. Жигулин, Т. Кузовлева, О. Поскребышев, Э. Балашов, Г. Пагирев, Я. Серпин, Е. Храмов, З. Палванова и другие.

Поэзия Ф. Васильева – новаторская по своей природе – требовала нового взгляда на удмуртскую поэзию, непредвзятости оценок и вхождения в иной поэтический мир. В силу разных причин не все хотели это понять и принять. Некоторые поэты, ученые, критики стали усиленно муссировать мысль о том, что имя Ф. Васильеву делают его переводчики в Москве, а удмуртский читатель его не понимает и не принимает. Мнения разделились. Поистине, нет пророка в своем отечестве. Потребовались усилия авторитетов, ведущих критиков и литературоведов, в числе которых были З. Богомолова, Д. Черашняя, А. Дементьев, А. Ермолаев, В. Ванюшев, а также А. Шкляев и Г. Яхина, чтобы сформировать новое поэтическое и критическое мышление в оценке поэта-новатора. Понадобились и такие традиционные формы работы как встречи с читателями, литературные научно-практические конференции.

В апреле 1972 года в Удмуртском университете состоялось обсуждение нового сборника стихов поэта «Черемуха», привлекшее внимание более ста будущих филологов, увлеченных изучением удмуртской и русской поэзии. Это было объединенное заседание двух кружков – удмуртского литературно-творческого и литературных новинок. Интерес подогревался присутствием автора. На встрече шел полезный разговор о творческих возможностях поэта, об истоках и особенностях его поэзии. Обращали внимание на стихи без рифм. Мы говорили о том, что стихи Ф. Васильева наполнены раздумьями о мире и человеке, многие отмечены поисками новой формы. Эта идущая от фольклора традиция закреплена в удмуртской поэзии поэтическим гением Кузебая Герда и Ашальчи Оки, а спустя десятилетия творчески использована Флором Васильевым. Белый стих и верлибр органично ложатся в структуру удмуртского стиха, способствуя наиболее точной передаче лирико-философского мироощущения. Предметом острой дискуссии был разговор о переводах. В некоторых выступлениях проскальзывала мысль о том, что поэт не творчески использует возможности родного языка, что лишь мастерство русских переводчиков делает его стихи интересными для читателя (В.К. Кельмаков).

Эти и другие аспекты жизни и творчества Ф.И. Васильева стали предметом научных рефлексий в моей курсовой работе, выполненной под руководством З.А. Богомоловой. Первое боевое научное крещение я получила на республиканской научно-практической студенческой конференции в городе Глазове (1972), где вместе со мной выступали студенты М. Атаманов, А. Шутов, Л. Бабушкина, Р. Юшкова, позже ставшие известными в своих областях людьми.

Осмысляя роль Ф. Васильева в удмуртской литературе, З. Богомолова образно и емко писала: «Ф. Васильев и в своем творчестве, и в человеческом облике с наибольшей полнотой воплощает как национальную сущность родной поэзии, так и особенности национального характера… Оставаясь в тематическом отношении во многом традиционным (*отчий край, народ, творчество, любовь, природа*), поэт выявил особую, «васильевскую» специфику поэтического восприятия мира, стремясь соединить космическую масштабность мышления современного человека с пристальным вниманием к самым земным, повседневным проявлениям жизни… Его поэзия сочетает в себе и высокую патетику, и элегическую тональность, взлет романтической мечты о времени, о космосе, о человеке и раздумья о смысле жизни, о быстротечности человеческого бытия, о природе».

После трагической гибели поэта в июне 1978 года Зоя Алексеевна рьяно взялась за новую работу – увековечить память поэта в литературном жанре. В книге «Восхождение» Ф. Васильев предстает перед нами и как поэт, и как руководитель удмуртской писательской организации, и как общественный деятель, в воспоминаниях современников – в многообразии общественных, деловых и человеческих связей. Память лично знавших Ф. Васильева ярко высвечивает и оригинальность его личности, и своеобразие его мастерства.

С 1973 по 1977 годы я училась в Москве, будучи аспиранткой Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где наше общение с З.А. Богомоловой продолжилось на новом уровне. ИМЛИ в 70-е годы XX века был флагманом академической науки, здесь в то время работала целая плеяда известных ученых: Г. Ломидзе, Б. Сучков, Ю. Манн, Г. Гачев, В. Щербина, З. Османова, С. Хитарова, Н. Надъярных, Н. Воробьева, Л. Залесская и другие. Одновременно со мной учились аспиранты из Дагестана, Чувашии, Марий-Эл, Кабардино-Балкарии, Адыгеи. Сюда часто приезжали ученые и писатели из регионов, разрабатывали общую концепцию и методологию научных изысканий в области литературоведения. Здесь нередко появлялась и З.А. Богомолова – то реабилитируя имя Кузебая Герда (она совместно с А. Уваровым писала справку для ИМЛИ по заказу ЦК КПСС), то работая над своей докторской диссертацией, которую она посвятила истории удмуртского романа. В отделе национальных литератур ее встречали тепло и гостеприимно, по достоинству оценивая ее подвижнический труд во благо удмуртской литературы и культуры. Она была тем мостом, который соединял Ижевск с Москвой, а удмуртскую литературу – с российской и европейской.

Многочисленные встречи в ИМЛИ, Союзе писателей, ЦДЛ так или иначе выливались в доверительный разговор о традициях и новациях, о месте художника в современном мире, о молодых авторах, подающих надежды, и маститых писателях. Как правило, Зоя Алексеевна всегда проявляла интерес к моим научным штудиям, имела добрые человеческие контакты с моим научным руководителем – старшим научным сотрудником ИМЛИ Н.Н. Воробьевой. Часто брала меня с собой на писательские съезды и пленумы, знакомила со светилами литературы и науки (в их числе – Е. Евтушенко, Р. Рождественский, В. Солоухин, Ю. Барабаш, В. Перцов, Ю. Бондарев, Р. Казакова, Ф. Алиева, Г. Ахунов и другие).

Одна из таких встреч проходила в ЦДЛ в обществе Егора Исаева, Флора Васильева, Владимира Солоухина. Тон разговору задавал Солоухин. Говорили о многом, в том числе – о деревенских истоках нашей литературы, о том жизненном и нравственном заряде, который получает писатель, выросший в деревне и впитавший в себя ее многовековую культуру и традиции, об ответственности человека перед отчим домом. Флор Иванович думал о чем-то своем. Но он был внутренне солидарен со своими коллегами по перу, хорошо знал и ценил их творчество. Писатели были в зените славы, их печатали крупные издательства, совсем недавно вышли в свет новые московские книги Ф. Васильева. Какой разговор о поэзии без стихов?! Наперебой, как бы соревнуясь, мы вспоминали стихи любимых авторов, чаще всего обращаясь к лирике Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой, Александра Твардовского, Кузебая Герда, Ашальчи Оки. Флор Васильев щедро угощал замечательными крабами и армянским коньяком, которыми всегда блистал буфет ЦДЛ.

В 1977 году я вернулась в Ижевск в родной университет уже в качестве кандидата наук. На кафедре мне доверили читать новый лекционный курс «Литература народов СССР», входящий в университетскую программу филологического образования. Задача не из легких. Но «отступать некуда – позади Москва». Пришлось немало потрудиться, чтобы разработать лекции и практические занятия, имея полное представление о развитии более семидесяти национальных литератур, о процессах взаимовлияния и взаимообогащения, индивидуальных почерках писателей. Именно этим занимались ученые ИМЛИ во главе с Г.И. Ломидзе. К тому времени этот авторский коллектив издал блестящее многотомное академическое сочинение «История советской многонациональной литературы» в шести томах, что было большим подспорьем в нелегкой деятельности молодого специалиста.

К тому времени З.А. Богомолова ушла на творческую работу, часто бывала в Москве по писательским делам. В Союзе писателей Удмуртии она возглавляла секцию критики и литературоведения – одну из самых активных и плодовитых как по темпам работы, так и по результативности. Наша секция критики была своеобразным теоретическим университетом: обсуждали научные труды и новинки литературы, идя в ногу со временем, печатались в столичных журналах «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Дружба народов», «Октябрь», «Филологические науки».

Мы учили и учились друг у друга. Помню, как обсуждали в 1979 году теорию романа и карнавального смеха М. Бахтина, труды Д. Лихачева по древнерусской литературе, новые статьи В. Лакшина в «Новом мире», творческие рукописи О. Хлебникова, В. Болтышева, В. Емельянова, рукопись переводов Кузбая Герда на русский язык, которая вышла отдельной книгой в 1989 году под названием «В полете к солнцу» (предисловие З. Богомоловой). Секция имела авторитет, как и Союз писателей в целом. Участие в ее работе оказалось почетным и плодотворным для меня. Благодаря поддержке коллег по перу была рекомендована к печати доработанная рукопись моей кандидатской диссертации. После отрицательного отзыва на нее заведующей сектором печати ОК КПСС К.Н. Дзюиной З. Богомоловой пришлось дважды созывать членов секции, чтобы дать ход рукописи и отстоять свободу мышления молодого ученого. Я весьма благодарна З.А. Богомоловой и горда тем, что в форзаце моей монографии «Поэтика удмуртского романа» (1984) в память о тех событиях имеется надпись: «Рукопись обсуждена и рекомендована к печати секцией критики при Союзе писателей УАССР».

Заседания секции проходили бурно, были горячие споры, дебаты, часто в эмоциональном порыве критики не щадили друг друга. В 1977 году проходило обсуждение только что вышедшего сборника литературно-критических статей «Счет предъявляет время» (составитель А. Ермолаев). Книга получилась замечательная, в ней выступили с проблемными или обзорными статьями, рецензиями, эссе все ведущие критики Удмуртии – А. Шкляев, Н. Кралина, П. Никитин, А. Ермолаев, З. Богомолова. Последней принадлежит заключительная статья «XXV съезд КПСС и задачи удмуртской критики и литературоведения на современном этапе». Несмотря на явную политизацию, статья не потеряла своей актуальности и сегодня.

Помню обсуждение рукописи венгерского ученого, литературоведа Петера Домокоша «История удмуртской литературы». Это историческое событие проходило в актовом зале Дома печати на Пастухова, 13. Собралась вся литературная элита республики, партийное руководство, коллектив Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР, ученые Удмуртского университета. Вел собрание Ф.И. Васильев – тогдашний председатель Союза писателей Удмуртии.

Непросто было обсуждать объемную рукопись венгерского ученого, в которой присутствует новый, нетривиальный взгляд, отличный от идеологии социалистического реализма, на удмуртскую литературу. Патриархи литературы (А. Бутолин и другие) выступили с резкой критикой «буржуазной идеологии», присутствующей в тексте П. Домокоша, не согласились с новой периодизацией литературы, ибо она не совпадала с марксистско-ленинской интерпретацией истории, их шокировал мартиролог удмуртских писателей, которые в силу разных причин покинули сей мир в расцвете творческих возможностей, не успев раскрыть свой потенциал в полной мере. П. Домокош размышлял о судьбе писателей при тоталитарном режиме, лучшие страницы своей рукописи посвятив репрессированным писателям Кузебаю Герду, Ашальчи Оки, Кедра Митрею, Михаилу Коновалову, Григорию Медведеву, придерживаясь в оценке писательских трудов единственного критерия – таланта и наличия божьей искры («Талант – единственная вещь, которая всегда нова»). Взгляд европейца из Будапешта на удмуртскую литературу был сродни взорвавшейся бомбе, все об этом говорили, спорили, размышляли. Интрига поддерживалась еще и тем, что самому автору не дали возможности приехать в «закрытый» город Ижевск, он познакомился с протоколом обсуждения своего труда гораздо позже. В нем присутствует доброжелательная оценка, данная научному труду П. Домокоша несколькими учеными, в числе которых были З. Богомолова, Ф. Ермаков, А. Уваров, автор этой статьи и другие.

Перестройка, начатая в стране в 90-е годы XX века, подтвердила мудрое провидчество и научную состоятельность докторской диссертации П. Домокоша. В 1993 году в Удмуртском университете произошло важное историческое событие – в связи с презентацией монографии Петера Домокоша «История удмуртской литературы», изданной в Ижевске (редактор А.Г. Шкляев) нас посетил президент Венгрии Арпад Генц. Наконец-то работа дошла до удмуртского читателя!

Петер Домокош – поистине национальный герой удмуртского народа, желанный гость в любой аудитории – будь то научно-практическая конференция или национальный праздник удмуртского народа «Гербер». В 1996 году мы совершили ответный визит, встретившись с ним в Будапеште на «Днях удмуртской литературы в Венгрии». Правительственная делегация Удмуртии, в составе которой были политики, писатели, ученые, художники, бизнесмены, была приглашена на прием президентом Арпадом Генцем, провела незабываемые встречи с парламентариями,

учеными, деятелями литературы и искусства Венгрии, продемонстрировала высокую традиционную и профессиональную культуру удмуртского народа. Позднее эта поездка была описана в нашей совместной с З.А. Богомоловой статье «Венгрия далекая и близкая».

В 80 – 90-е годы XX века бытовало мнение, что З.А. Богомолова иногда «захваливает авторов, особенно молодых». Вопрос о морально-этическом кодексе критика для З.А. Богомоловой всегда являлся принципиальным. Несколько поколений литераторов Удмуртии она научила мыслить позитивно, не бояться говорить добрые напутственные слова тем, кто взялся за тяжкий труд – писать. В своих талантливых книгах, статьях, обзорах, рецензиях, посвященных патриархам или начинающим, она всегда искала индивидуальные черты, особенности поэтики. С большим уважением писала она о современных писателях Удмуртии – Г. Перевощикове, Е. Загребине, Ф. Пукрокове, В. Емельянове, А. Демьянове, С. Матвееве, В. Шибанове, В. Ар-Серги, критиках Ф. Ермакове, А. Шкляеве, А. Уварове, Н. Кралиной. Наверное, нет ни одного члена Союза писателей Удмуртии и России, о ком бы она не писала! Вслед за Н. Карамзиным она не уставала повторять: «Талант должен быть щедрым».

Своей творческой судьбой, всем смыслом своей жизни она утверждала классический тип критика, описанный В.Г. Белинским в статье «О критике»: «У нас, на Руси, особенно критика получила в глазах массы превратные понятия: критиковать – для многих значит ругать. А критика – одно и то же с ругательской статьею… Понимать таким образом критику все равно, что правосудие смешивать только с обвинением и карою, забывая об оправдании. В наше время талант, в чем бы ни проявлялся – в практической ли, общественной деятельности или в науке и искусстве, должен быть добродетелью».

З.А. Богомолова в постсоветское время – предмет особого разговора. Как ни странно, именно в эти годы с новой силой расцвел талант Зои Алексеевны как общественного деятеля, пропагандиста литературы и культуры народов, проживающих на территории Удмуртской Республики. В 1989 году она организовала Федерацию женщин творческих профессий, объединив вокруг себя писателей, журналистов, критиков, ученых, художников. Федерация работает до сих пор, в ее активе – встречи с политиками, деятелями науки и культуры, участие в конференциях, издание Книг памяти, посвященных удмуртским писателям. Именно через эту общественную организацию З.А. Богомоловой удалось литературное дело превратить в общегосударственное дело.

С 1998 года, после защиты докторской диссертации в ИМЛИ имени А.М. Горького, я стала заведовать кафедрой русской филологии. Формируя штат, я пригласила на должность профессора З.А. Богомолову. Ежегодные научно-практические конференции, «круглые столы», аспирантские чтения – это далеко не полный перечень тех новых форм и методов, которые обогатили содержание работы кафедры, сделав ее центром критики и литературоведения Удмуртии. Мы инициировали проведение на правительственном уровне юбилейных праздников, посвященных удмуртским писателям, сопровождая их презентациями новых книг, научно-практическими конференциями. В числе важных мероприятий назовем симпозиум «Вербальная культура пермских народов в европейском контексте», научные конференции, посвященные Кузебаю Герду, Кедра Митрею, Степану Широбокову, Михаилу Петрову.

В 1999 году мы открыли аспирантуру по специальности «Литература народов Российской Федерации», вместе с учителем и коллегой набрали первых аспирантов и соискателей. Неистощимая энергия Зои Алексеевны подсказала новые формы работы с аспирантами – проведение «круглых столов» с приглашением писателей и обсуждением их творчества непосредственно в редакциях газет и журналов, в издательстве «Удмуртия», в Союзе писателей. Это помогло активизировать деятельность литературной критики республики, завязать тесные контакты с журналами «Луч», «Инвожо», «Кенеш», которые с удовольствием публиковали наши материалы. Благодаря слаженной и профессиональной деятельности кафедры русской филологии факультета удмуртской филологии, а затем кафедры языка СМИ и литературно-художественной критики факультета журналистики успешно защитились и стали кандидатами наук Л.В. Бусыгина, Г.И. Старкова, Р.В. Кириллова, Т.Г. Пантелеева, М.К. Хузина (УдГУ), С.С. Маратканова и Л.А. Богданова (ГГПИ), Н.А. Атнабаева (ИжСХА), Е.Г. Красновская (музыкальный колледж) и Н.В. Эшмакова (школа № 58). Общими усилиями нам удалось создать в Удмуртском государственном университете научную школу литературоведов (специальность «Литература народов РФ»).

До последних дней своей жизни Зоя Алексеевна продолжала выступать с лекциями, редактировала множество статей, будучи главным редактором литератур-

но-художественного и публицистического журнала «Италмас», который успешно конкурирует на современном рынке журнально-газетной продукции, помогая поддерживать интеллектуальный, культурный уровень современного читателя. Редактирование журнала «Италмас», издающегося с 2007 года Камским институтом гуманитарных и инженерных технологий (ректор В.А. Никулин) и Благотворительным фондом имени писателя Михаила Петрова, – последняя страница бурной деятельности З.А. Богомоловой.

Готовя статью к публикации, я перечитала несколько книг, посвященных выдающимся женщинам XX века. Одна из них – «Женщина на Олимпе. З.А. Богомолова. Жизнь. Творчество. Эпоха» (Ижевск, 2003). Книга подготовлена и издана нами, ее благодарными учениками, к 80-летнему юбилею Учителя. К моему великому огорчению, оказалось, что в книгах сходной тематики, выпущенных в Москве (В. Вульф. Великие женщины XX века. 2009; Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. Составители К. Душенко, Г. Манчха. 2004) отсутствуют главы, посвященные З.А. Богомоловой. А ведь Зоя Алексеевна была женщиной поистине европейского масштаба! Мне захотелось в какой-то степени восполнить этот пробел и написать несколько штрихов к ее биографии, творческому портрету, а также зафиксировать несколько ее афоризмов, в которых сформулирована ее философия жизни, нашли свое отражение мудрость, широкий кругозор, высокий интеллект, политкорректность, богатство души, внутренняя культура.

ИЗ АФОРИЗМОВ ЗОИ БОГОМОЛОВОЙ

* Пусть будут разные школы – русские, удмуртские, татарские и другие, куда родители по доброму желанию будут отдавать на учебу своих детей.

* Зло порождает зло. Добро порождает добро. Умей прощать.

* Удмурты талантливы, их тысячелетняя история, драматическая, а подчас и трагическая, увенчалась созданием бесценных духовных богатств – поэтического творчества, прикладного, музыкального искусства. За короткий век – сто лет! – создана художественная литература, своя классика в лице Григория Верещагина, Кедра Митрея, Кузебая Герда, Михаила Петрова, Геннадия Красильникова, Флора Васильева, ставших европейски известными.

* Не умею вести финансовые расчеты…

* Интернационализм – это не политика, а сама жизнь.

* Нам надо хорошо знать друг друга, тогда и конфликтов не будет.

* Каждый народ неповторим, имеет право, как равный среди равных, на уважение, признание заслуг, на участие в работе всех выборных структур, чувствовать себя свободным, уверенным в завтрашнем дне.

* Не принимать никаких крайних мер.

* Учеба у классиков – не только постижение их принципов типизации, но и выработка собственной методики художественного обобщения и перевоплощения, овладение умением психологического «сопереживания.

* Судьба большого поэта – часть судьбы народа, его творчество – страницы истории.

* Талант должен быть щедрым.

* Нет плохих народов – есть плохие люди.

* Я знаю Вам цену…

* После шестидесяти лет за каждый прожитый день надо благодарить бога.

Записала Анна Зуева-Измайлова

Светлана СКОПКАРЕВА

литературовед,
г. Ижевск

«С ДУШЕВНЫМ ТРЕПЕТОМ О ГЛАВНОМ...»

В 2010 году произошло знаковое событие в литературной жизни Удмуртии: вышла в свет книга Зои Алексеевны Богомоловой «Литература в письмах». Уникальность этого издания заключается в том, что в ней автор рассказывает современному читателю о важных литературных вехах страны.

В предисловии она отмечает: «С душевным трепетом отдаю на суд не совсем обычную книгу… писем, которые относятся ко второй половине XX – первому десятилетию века XXI. Они были получены мною по случаю или без случая, часто по поводу важного факта или события в жизни литературы; письма личные и деловые, содержащие документы, фотографии, стихотворные послания, принадлежащие перу поэтов или просто любителей поэзии, от известных и менее известных художников слова разных поколений, а также моих родных, близких, друзей, знакомых. Их получение было связано с праздничной датой, выходом книги, каким-то литературным или культурным событием...».

Это литературно-художественное издание – откровение-исповедь Зои Алексеевны, в очередной раз подтверждающее масштаб личности ученого, педагога, литературоведа.

Мне посчастливилось получить книгу «Литература в письмах» из рук Зои Алексеевны в день своего рождения с очень дорогой для меня надписью: «Милой Светлане Леонидовне в день молодого, красивого юбилея! С глубоким уважением к Вам, талантливому ученому, педагогу! Счастья – белого, светлого! С любовью, Зоя Богомолова. 18 февраля 2011 года».

Признаюсь, вряд ли бы я решилась провести презентацию своей книги, если бы не совет Зои Алексеевны, которая убедила меня в том, как это важно. Так появилась еще одна книга – «Скопкарева Светлана Леонидовна. Биобиблиографические материалы», составителем которой стала Зоя Алексеевна.

Только сейчас приходит осознание того, как много она сделала для меня!

Так сложилось, что мне не удалось включить свои материалы в книгу З.А. Богомоловой «Литература в письмах». Справедливости ради восполняю этот пробел. Перед вами – мое письмо, адресованное Зое Алексеевне. Прочитав его, она сказала мне: «А не слишком ли восторженно вы пишете обо мне?..». Но все написанное мною – правда!

* * *

«Милая, дорогая, Зоя Алексеевна!

Как приятно получить от Вас весточку, тем более в день моего рождения! Общение с Вами дорогого стоит! Оно обогащает духовно и содержательно. С Вами становишься выше, чище, благороднее. Своей сердечностью, интеллигентностью и, конечно же, интеллектом Вы обязываете окружающих Вас людей становиться лучше и лучше. Побольше бы таких личностей в наше непростое, переломное время.

Если бы вы знали, Зоя Алексеевна, как не хватает Вашего участия в наших профессиональных спорах. Горячо обсуждаем с коллегами современные тенденции в развитии литературы Удмуртии. Мнения разные, но очевидно одно – сегодняшняя лите-

ратура и интересна, и увлекательна.

Лично для меня стал откровением прочитанный мною роман Геннадия Красильникова «Начало года». Осмысление написанного автором почему-то в моем сознании произошло в ассоциативном контексте с ранее прочитанным романом Даниила Гранина «Иду на грозу». Вот так невольно возникающие ассоциации помогают выстроить удивительный контекст с отечественной литературой. Думаю, Вы, Зоя Алексеевна, разделяете мои размышления по поводу таких литературных аллюзий. Благодаря произведению Геннадия Красильникова мне удалось выйти на важную теоретическую проблему взаимосвязанного изучения отечественной и региональной литератур. Такая преемственность, позволяющая выявить традиционное и новаторское, наглядно свидетельствует об органичном процессе литературной интеграции в мировом культурно-художественном пространстве. На мой взгляд, Зоя Алексеевна, эти тенденции чутко улавливает удмуртская литература. С одной стороны, ей удается сохранить свою самобытность, с другой, – полноценно и полноправно шагать в ногу с единым литературным процессом. Думается, именно это позволило нашей удмуртской литературе стать достоянием мирового литературного пространства.

Спасибо, Вам, Зоя Алексеевна, за Ваши идеи и ценные советы по поводу дальнейшего осмысления и исследования региональной литературы. Очень тронута Вашим доверием и просьбу Вашу написать статью в сборник «Неумолкнувшая песнь соловья. О творчестве Степана Широбокова» постараюсь выполнить в ближайшее время.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваша С. Скопкарева. 18 февраля 2003 года».

Зоя Алексеевна Богомолова, Ижевск, 2012.

* * *

Вспоминая об этом своем письме почти десятилетней давности, мне хочется в очередной раз отдать должное Зое Алексеевне Богомоловой – человеку большой души и многогранного таланта.

Пусть и дальше на страницах журналов и книг продолжается литературная летопись, начатая Зоей Алексеевной в ее книге «Литература в письмах». Нам всем предстоит преданно продолжить начатое ею дело по изучению и популяризации литературного наследия писателей и деятелей культуры Удмуртии.

НОВЫЕ КНИГИ

Лев Рубинштейн, Григорий Чхартишвили. От мая до мая. Москва: София, 2013. С мая 2011 по май 2012 года Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) и Лев Рубинштейн вели в журнале «Большой город» колонку-диалог. Теперь беседы известного беллетриста и не менее известного публициста издали отдельным томом. «От мая до мая» изобилует фотографиями, напоминающими читателю о том, «что именно произошло в нашей стране за этот год». Предисловие к книге написал бывший главный редактор «Большого города» Филипп Дзядко.

Петр ЕЛКИН

художник,
г. Ижевск

СОЗИДАЮЩАЯ КРАСОТА

Необыкновенная красота Зои Алексеевны Богомоловой меня привлекла еще тогда, когда я был студентом университета. Человека с таким обаянием я, пожалуй, никогда не встречал в своей жизни. В ней удивительным образом сочетались ум и красота, доброта и справедливость. Обучаясь на художественно-графическом факультете, я с радостью ходил на ее лекции по истории русской литературы. Она заметила, что в аудитории «чужой» студент и подошла ко мне. Так мы познакомились. С того времени прошло более сорока лет.

Однажды Зоя Алексеевна обратилась ко мне с просьбой написать портрет ее отца. Я написал два портрета: один – пастелью, другой – тот, на котором он с лагерным номером, – маслом. Знаете, она была так рада: «Спасибо, вы сумели передать сходство, настроение!».

О многих людях говорят «красивый, красивая». Но имеется в виду – в данный момент. А Зоя Алексеевна оставалась красивой каждый момент жизни до последних своих дней.

Художники пытались разгадать «тайну» образа Зои Алексеевны – никому это не удалось. Пытался и я. Было страшно приступать к решению этой сложной задачи, хотелось выглядеть «большим», «настоящим» художником. Но когда я все-таки осмелился, какие-то обстоятельства все время мешали нам. Я попросил Зою Алексеевну сшить себе для портрета черное платье. «Петр Васильевич, как вы могли догадаться? Ведь есть такой рассказ...». Она имела в виду рассказ Владимира Солоухина «Черное платье», который я позднее, конечно же, прочел.

Этот портрет я все-таки написал как этюд к полотну о похоронах Флора Васильева. Но я все равно считаю, что мы, художники, пока не справились с задачей изобразить эту сложную женскую красоту.

Зоя Алексеевна часто повторяла в своих выступлениях известный афоризм «Красота спасет мир». Мне помнится крылатая фраза из книги Николая Рериха «Община»: «Жизнь в мироздании и эволюция человечества развивается красотою».

Зоя Алексеевна выполняла эту задачу в течение всей своей жизни, служила этой задаче. Она приближала время, когда культура и духовность будут играть огромную роль в жизни человека. Но, может быть, как никто в республике, она понимала, что искусство должно служить делу культуры *сегодня*, и поэтому занималась продвижением литературы Удмуртии, делая это достойно, высокопрофессионально.

Красивый, самодостаточный, умный, душевный человек, она ежедневно делала добрые дела. Пусть книги, которые она издала, живут долго.

Из выступления 21 ноября 2012 года в библиотеке имени А. Гайдара.

Записал Дмитрий Стрелков.

Зоя БОГОМОЛОВА
(1923 – 2012)

«Я ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕХА...»

16 октября 1995 года члены Федерации женщин творческих профессий обсуждали стихи Валентины Кирилловой. Выступала на этом заседании и Зоя Алексеевна Богомолова. К счастью, сохранилась запись этого выступления, любезно предоставленная журналу Фаиной Александровной Бушмакиной (Анной Вериной). На полях этой записи – многочисленные пометки Фаины Александровны. Хочется процитировать такую: «Каждое выступление Зои Алексеевны – бесценное методическое пособие для начинающего поэта».

– Вы знаете, нет большей ответственности, чем выразить свое отношение к человеку, который впервые принес свое самое дорогое, самое сокровенное, все, чем жила Валентина Алексеевна (Кириллова – *Ф.Б.*) многие годы: надеждами, верою, разочарованиями, очарованиями... Это все было, есть и будет. И поэтому всякий раз, когда выступаешь и оцениваешь, ты берешь на себя большую моральную ответственность, потому что первое суждение всегда определяет будущее. Если есть искра Божья, а ее не заметить, можно вообще загубить все. И человек больше не вернется к этому. Если нет этой искры, а ее искусственно пытаешься найти, то можешь направить человека по ложному пути, что тоже может испортить ему будущее. Потому что он будет верить, что ему что-то дано, а те, кто будут впоследствии прикасаться к его творчеству, будут казаться ему неблагодарными, неблагородными и так далее. Вот почему я всегда, и у нас уже традиция такая, хочу просто дать объективную оценку: прямо, честно, не скрывая недостатков, не скрывая достоинств. То, что вы нам представили, по объему – сборничек. Есть этот сборничек? Нет пока. Пока нет сборника.

Что я хочу сказать? У меня противоречивые впечатления. Во-первых, я почувствовала, что это очень искренние, даже во многом исповедальные стихи, что душа ваша требует именно такого самовыражения. Ваша поэзия – это самовыражение. Можно искусственно самовыражаться, причем написать гладкие стихи, а можно беспредельно искренне, даже где-то не заботясь о форме, раскрыть свою душу.

Вы произвели впечатление человека искреннего, которому веришь и по-своему сопереживаешь. Вы как бы берете в плен читателя, который впервые знакомится с вашими стихами. Я бы не могла высказать свое отношение к вашей поэзии, если бы не пережила какое-то единение с вами, близость к вам, не разделила бы каких-то ваших настроений. Это высокое качество, когда поэт берет тебя в плен, включает в свою орбиту.

Эти стихи женские, я глубоко убеждена. Раньше я сомневалась и думала, могу ли я заявлять, что у нас есть женская поэзия. Но у нас есть женская поэзия ! У нас в Удмуртии есть женская поэзия удмуртская, есть женская поэзия русская. У нас прекрасные поэтессы, и все они не похожи друг на друга. Многие находятся здесь. Только что-то Тани Черновой нет. Куда она делась? Здесь сидят три прекрасных профессиональных поэтессы – члены Союза писателей, отме-

ченные премиями, авторы книг, принятых читателями: они сложились, они состоялись. И, тем не менее, у каждой из них – свой путь, много сомнений. Иначе нельзя...

Речь о женской лирике и поэзии. Не каждая женщина создает женскую поэзию, но и не каждая женщина хочет быть поэтессой. Например, Анна Ахматова не принимала себя как «поэтессу», она называла себя «поэтом» и поэтом была. И не каждая женщина, будучи одаренной поэтессой, имеет право назвать себя поэтом. Это очень высокое имя. И я не всегда называю людей, пишущих стихи, поэтами или поэтессами, потому что требования к этому званию весьма и весьма высокие. Это надо завоевать, заработать, и это очень длительный процесс.

Весь мир раскрывается вами через женскую психологию. Это легко доказать, хотя бы обратившись к вашим стихам религиозной тематики. Честно говоря, я с трудом воспринимаю стихи на религиозные темы и не думаю, что общество, которое разрушило старую форму своего бытования, сразу обрело другое сознание. А поэзия – это и есть выражение общественного сознания. И все сразу стало религиозным?.. Это мода. Избегайте, дорогие мои, моды. Но когда я узнала, что вы состоите в Рериховском обществе, я вам поверила, хотя вначале у меня были сомнения, я думала, что, может быть, слишком тяжелыми были ваши жизненные впечатления, переживания, которые заставили вас обратиться к Богу искать для себя опоры и помощи.

Очень часто бывает важным, какой у человека диапазон. Когда я впервые с кем-нибудь знакомлюсь, мне бывает интересен его культурный, духовный уровень. Ваша попытка к разнообразию тематическому, желание показать разные стороны бытия и вашего личного, и бытия общественного – это хорошо. Хотя нормы в этом отношении нет. Нельзя приказать поэту: нет, ты пиши только на эту тему, а на эту – не пиши, только о цветочках, только о свидании... Ведь можно так написать, что это будет произведение философского содержания, глубокого и высокого, так сказать, обобщения. Тематическая широта ваших стихов говорит о ваших интересах. Вы для меня человек новый, мне интересно, что же такое «вы»: чем вы живете, что вас интересует, каковы – я не люблю слово хобби – ваши увлеченности, что трогает вашу душу. И это разнообразие интересов чувствуется в ваших стихах.

Вот что еще. У вас есть поэтическая публицистика. Это следование моде? Или это та публицистика, которая выстрадана?.. Вот, например, тема России. Я считаю, что сейчас тема России обязательно должна присутствовать в творчестве: тема малой Родины, большой Родины, судьба народа, наш сегодняшний день. Я не знаю, как может художник, живущий в этом взбаламученном, в этом безумном мире отойти от вещей, которые всех нас волнуют настолько, что мы, пожалуй, только этим и озабочены. Что будет с нами через пять лет?.. Какими мы вступим в новое тысячелетие?.. Понимаете?.. Поэтому обращение к публицистическим темам сейчас считается похвальным. Но ведь это так естественно!

Человека без общественного темперамента нет, особенно художника. Твардовский говорил: «Когда я получаю тридцать стихотворений молодого поэта и там нет трех стихотворений на гражданскую, патриотическую тему, для меня этот поэт не состоялся». Как-то недавно Баранов, одаренный поэт из Сарапула, оставил мне свой сборник. Я прочитала и ахнула. Там есть и про коленочки женские, и еще что-то подобное, но того, чем мы сейчас живем, того, что сейчас всех нас волнует, – этого нет. И когда в телефонном разговоре я привела ему пример с Твардовским, он, по-видимому, меня запрезирал. Он больше ко мне не обращается. А человек он талантливый. Он, по-видимому, решил, что я страшно отстала от жизни, поскольку, так сказать, мыслю совершенно отжившими категориями. Но я не претендую на окончательность всего того, о чем говорю.

Вернемся к нашему автору. Итак, душа женщины. Эта лирическая героиня живет в тяжелое время, она переживает чувство одиночества и ищет духовной опоры в Боге и в людях, которые ее окружают. Она пытается высказать свое, есть даже попытки к философствованию. Те ваши стихи, которые прочитала Нина Алексеевна (Прокуровская – *Ф.Б.*), я для себя отметила. Они называются «Икона». Это одно из лучших ваших стихотворений, и оно говорит мне о том, что вы одаренный человек. (Зоя Алексеевна обращается прямо к автору, а не в третьем лице, как многие – *Ф.Б.*). Понимаете, если из десяти стихотворений у вас есть одно удачное, значит, есть надежда, что вы, со временем, можете создать что-то серьезное. Есть и другие удачные стихи.

Но если говорить о форме, есть стихи, которые нужно доработать. Они у вас шероховаты, где-то, как правильно сказала Фаина Александровна (Бушмакина – *Ред.*), непричесаны. В поэзии особенно тщательно надо работать над каждым словом. У вас подчас есть находки, высокие, так сказать, образы. Этот космос – ваш, вы читали, вы постигли. И вдруг какой-то «желудок». При чем здесь желудок?.. Вы пытаетесь соединять низкое

и высокое. Это умели делать только Пушкин, Лермонтов, Фет, Блок. Пока у вас нет такого умения, мастерства ставить одно слово рядом с другим, если они противоположны по своей окраске и обозначают высокое и низкое, надо избегать этого, стараться тщательнее отбирать слова.

И еще... Вам надо почитать второй сборник Анатолия Демьянова. В этом отношении для меня это просто почти образец. Я писала о нем дважды или трижды. Найдите книжку «Русские поэты Удмуртии», может быть, вам это пригодится. Он меня покорил: если у него в начале появляется образ звезды, то в концовке – тоже звезда. Образ закольцовывает стихотворение. Но дело не только в этом, не в плане формальном, а в том, что его звезда к концу обретает не предметный характер, она становится художественным обобщением, философс-ким понятием. Вот что очень важно! Стихотворение, надо понимать, – не просто набор образов, в нем главное – образ, который несет на себе нагрузку, а все остальное нанизывается, как на спираль. Главный образ стиха должен к концу обретать плоть. А у вас концовки, как правило, нет, или я ее не нахожу.

Я прочту стихотворение, которое вначале мне понравилось, я даже отметила его крестиком. Но удачной была только первая строфа из двух, вторая получилась уже беспомощной. Посмотрите позднее это свое стихотворение:

Я верю в судьбу, а как иначе?
В то, что не бывает без причины плача
И в то, что нет без жертвы палача
И в надежность твоего плеча...

Это хорошо с точки зрения рифмы и звука: «плача», «палача». А дальше:

Я этим фактом не удивлена,
Ведь в этой жизни я всегда одна,
Одна, когда толпой окружена,
Окружена, удивлена до дна.

«Факт» – это плохо, это проза. Вы снизили высоту начала до «факта». «Окружена, удивлена до дна» – это совсем плохо. Вы не искали концовку, вы искали рифму, вот и срифмовали: «одна» – «до дна»... Я хочу вас попросить: сядьте, посмотрите свои стихи и построже к себе отнеситесь. Все просто. Чехов, будучи великим прозаиком, говорил, что у него тогда все получается, когда он восемь раз перепишет. И это великий Чехов, зрелый писатель... Восемь раз... Ну, может быть, не обязательно восемь. Но все же вы посмотрите, посмотрите. И особенно концовки – они должны венчать всю вашу мысль, весь ваш образ. Концовки должны нести весомую нагрузку, чтобы сконцентрировать все ваши предыдущие мысли.

А в целом, я хочу сказать, вы – человек одаренный. Если это ваш первый выход на профессиональную аудиторию, то это делает вам, как говорят, честь. Не торопитесь сделать сразу достоянием всех то, что пишете. Не имеет значения, где вы выступали. Для вашей дальнейшей судьбы имеет значение эта сегодняшняя встреча, сегодняшний разговор. Вам надо много работать, учитывая, что мы сказали. И еще. Вам надо показать свои стихи профессионалам. Пусть каждый из них выскажет свое мнение о ваших стихах. Понимаете, это форма учебы. А вам надо учиться, надо многое постичь. К сожалению, я не знаю ни вашей начитанности, ни вашего круга интересов. Увлеченность Цветаевой и Ахматовой обвальна. Каждая, пишущая стихи, непременно несет на себе печать этого увлечения...

Я надеюсь, что мы еще вернемся к вашим стихам. Вам надо подумать над многими вещами. Фаина Александровна (Бушмакина – *Ред.*) уже обрела опыт. Мы обсуждали уже вторую ее рукопись и ждем от нее второй сборник. Общение с ней для вас очень полезно. Я прочитала ваши стихи, посвященные ей, и была тронута. Фаина Александровна человек очень обязательный, душевный, она много о вас и говорила, и заботилась. Я знаю, что это ей вы обязаны сегодняшней нашей встрече.

Вот, собственно, и все, что я хотела вам сказать в заключение. Я желаю вам успеха, желаю вам доброго пути. Но путь этот – нелегкий. И чем больше вы будете недовольны собой, тем лучше будет и вам, и вашим читателям...

Людмила БОГДАНОВА

преподаватель Глазовского педагогического института, г. Глазов

20 марта 2013 года Владимиру Емельяновичу Владыкину исполняется 70 лет. Замечательная дата в жизни, наполненной познанием, поисками и свершениями. В своих работах, независимо от их жанра, он предстает перед читателем глубоким ученым, тонким лириком, настоящим философом, пытающимся понять природу человека и человечества. Дорогой Владимир Емельянович! Примите наши искренние поздравления и пожелания света, любви и добра!

МИР ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО И ПОЭТА

История европейской литературы начиналась с произведений, которые одновременно можно было считать научными трудами, философскими трактатами и художественными текстами. «Диалоги» Платона, «История» Геродота, «Восхождение» Ксенофонта, поэма Лукреция «О природе вещей» и многие другие одновременно принадлежат как мировой литературе, так и отдельным наукам: физике, истории, философии и так далее. Отражение научных, философских взглядов в художественном творчестве было характерно и для представителей русской литературы, достаточно вспомнить оды М.В. Ломоносова «Утреннее…» и «Вечернее размышление…» или брюсовские лирические портреты «Любимцы веков». Удмуртская литература начиналась с поэтических опытов этнографа и фольклориста Г.Е. Верещагина, начинания его были продолжены научными изысканиями и художественным творчеством К. Герда. Примеры можно продолжать.

Автор поэтических сборников «Отчего поет тюрагай» и «В народе говорят» Владимир Емельянович Владыкин не только лирик, но известный этнограф, доктор исторических наук, профессор УдГУ, почетный иностранный член этнографического общества Венгерской академии наук, почетный иностранный член финно-угорского общества Финляндии, Почетный иностранный член финского литературного общества, член Союза писателей России и так далее, и так далее.

В одном из интервью поэт так объясняет соединение в своей деятельности таких, казалось бы, разноплановых явлений, как наука и лирика: «Уже учась в Московском университете, я… постепенно вышел на этнографию… Мои увлечения литературой, искусством, музыкой находили реализацию именно в этой науке, потому что в этнографии, как мне кажется, все это может быть объединено вместе. Народ – понятие емкое, в нем сочетаются и проблемы литературы через фольклор, и искусства через систему народных эстетических ценностей, и целый ряд философских аспектов… Ведь через свой народ узнаешь и все человечес-

тво…». (В.Е. Владыкин. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и… Ижевск, «Удмуртия», 2003. С. 351).

В поэтических сборниках Владимира Владыкина обнаруживается и обратная связь: о жизни, истории, концептосфере удмуртского народа мы узнаем из лирических наблюдений ученого, влюбленного в свою «малую родину».

Необычна композиция сборников. В предисловии к первому из них А. Шкляев отмечает: «…впервые одним автором рядом помещаются стихи и на удмуртском, и на русском языках. И это не только и не столько переводы с одного языка на другой. Скорее это – варианты одной и той же темы на двух языках, своеобразное художественное проявление так называемого билингвизма…». (В.Е. Владыкин. Отчего поет тюрагай. Ижевск, «Удмуртия», 1980. С. 8).

Сами произведения так же необычны по структуре. Автор поэтических сборников обращается к форме верлибра: стихотворения не зарифмованы и не имеют метра, что, пожалуй, позволяет поэту быть более раскрепощенным в своих философских размышлениях о человеческой судьбе и судьбах народов. Достаточно часто встречаются стихотворения, напоминающие по форме японские трех- и пятистишия. Нет четкого ритмического соответствия, но смысловая наполненность поэтических строк, неоднозначность их содержания, особый подтекст ассоциируются со стремлением японских поэтов в малом отразить глубокое:

Жизнь моей жизни,
Смерть моей смерти –
Это Ты.

Особое внимание уделяется художником жанру стихотворений в прозе, в частности, цикл «В дороге» состоит именно из таких произведений.

В построении книг «Отчего поет тюрагай» и «В народе говорят» использован общий принцип циклизации. Автор соединяет отдельные стихотворения в некое целое, таким образом усиливая смысловые акценты каждого лирического произведения. Объединенные в циклы, стихотворения не только дополняют друг друга – рождается новое художественное пространство: лирический цикл.

В первом поэтическом сборнике В. Владыкина «Отчего поет тюрагай» автором выделено несколько циклов: «Удмурты поют о Каме», «Из Версдорфского блокнота», «В народе говорят». Вторая книга стихов под общим названием «В народе говорят» разделена поэтом на циклы «Семена», «Мои дерева», «Посвящения», «В дороге», «Мысли вслух». Практически разделяет книгу наполовину и по смысловому содержанию, и даже по количеству страниц в каждой части «Великая Книга» – поэтическое эссе, или философская притча, или авторская легенда, построенная на этнографическом материале (четко обозначить особенности жанра данного произведения, пожалуй, невозможно).

Каждый из названных циклов имеет не только общую идею и тему, но и свой лирический сюжет – движение мысли и чувства от первого до последнего стихотворения. Рассмотрим некоторые из них.

Размышления о человеке и его месте в обществе, о связи прошлого, настоящего и будущего, о прочных нитях, соединяющих человека с окружающим миром, с миром его предков и потомков, составляют цикл «Удмурты поют о Каме». От лирических эскизов, наполненных штрихами-мыслями («Когда на небе нет луны – / Скучно. / Когда на небе нет солнца – / Страшно. /Когда рядом нет человека – / Невмоготу!..») через раздумья о смысле жизни («Жить, наверно, стоит, хотя бы для того, / Чтоб честно посмотреть / В счастливые глаза своего внука») лирический герой постепенно приближается к осознанию незыблемости закона: «…Но живет – Человек средь людей». Каждого человека окружают не только близкие, он является частицей своего народа, который, в свою очередь, вместе с другими народами соединяется в человечество:

У каждого человека,
У каждого народа
Судьба-река течет,
Малая или великая,
Только она своя,
Неповторимая!
Но все народы-реки
Сливаются в великое целое,
Имя ему – Человечество!
Имя ему – Океан!

Структура первых строк стихотворного отрывка, своеобразный синтаксический параллелизм, создают эффект утверждающей фразы – это некий закон, его нельзя оспорить, ибо он проверен в судьбе разных народов на протяжении многих веков. Закрепляется мысль первой части в финальных строках риторическим восклицанием, содержащим емкую метафору: человек-ручеек питает реку жизни народа, впадающую в великий океан планетарной жизни.

Выше законов человеческого общежития – только законы вечного бытия. Именно о них пишет поэт в небольшом стихотворении:

Жизнь – это мгновенная вечность,
Смерть – вечное мгновение.
Где их пределы?..

Великую тайну взаимопроникновения антагонистических начал: жизни и смерти, любви и ненависти, добра и зла, черного и белого – постичь невозможно, можно лишь пытаться приблизиться к истине, постигая высшее через факты жизни отдельного человека или явления истории народа.

Символика сочетания красного, черного и белого цветов («…Солнце красное, / Земля черная. / И все это – белый свет…»); полярная смысловая наполненность цветового эпитета, когда через парадоксальность суждения приходишь к пониманию сути («Ненавижу людей, промышляющих черным делом. / Уважаю людей, кто не брезгует черной работой»), наполняет центральные стихотворения цикла.

Круг замыкается возвращением к человеку, ибо что является вместилищем сразу всех понятий: родина, человечество, белый свет, жизнь и смерть, добро и зло? Все это сосредоточено в душе каждого из живущих:

Обжигаюсь о разные мысли,
Холодею от всяких мыслей.
Это значит – живу!..

Вполне вероятно, что жизнь не заканчивается физической смертью: покидая тело человека, душа находит новое пристанище. Неожиданно возникает новая тема: об ответственности живущих перед душами своих предков:

Мои далекие предки верили,
Что у человека есть душа,
Которая после смерти
Превращается в ночную бабочку.
Когда ночью на свет ко мне
Летят бабочки
И падают мертвые
С обожженными крыльями,
Мне кажется,
Чьи-то души
Сожгла моя неосторожность…

Кольцевая композиция (от лирического «я» к проблемам бытия и вновь к сокровенным чувствам и мыслям) позволяет автору охватить разноплановый художественный материал, оставаясь в границах идеального «круга», человеческой души, в которой, как в капле, отражен весь божественный мир, но которая принадлежит лишь одному человеку.

Вызывает интерес отношение автора к конструкциям, содержащим вопрос или мысль о возможности существования другого мнения: «…мне кажется, чьи-то души сожгла моя неосторожность…», «…кто знает, отчего поет тюрагай?», «…странно, почему так получилось?», «…но, видимо, иногда и от умного семени глупость прорастает», «…а люди еще придумали душу. Зачем они это сделали?» и так далее. Все это придает произведениям некую перспективу. Поэт не утверждает – и в этом его особая мудрость – абсолютная истина не существует, мы все лишь пытаемся к ней приблизиться, но покуда жив человек, она не достижима; общество на определенный момент истории лишь формулирует постулаты относительной истины, которая может быть опровергнута последующими поколениями. Автор поэтических сборников не просто делится мыслями и чувствами, но словно ждет ответной реакции, обращаясь к потенциальному собеседнику (именно собеседнику – не молчаливому читателю). Диалогичность стихотворений Владимира Владыкина подтверждается их внутренней структурой: многие из них построены в форме разговора, беседы (и снова вспоминается античная философия, в частности, «Диалоги» Платона).

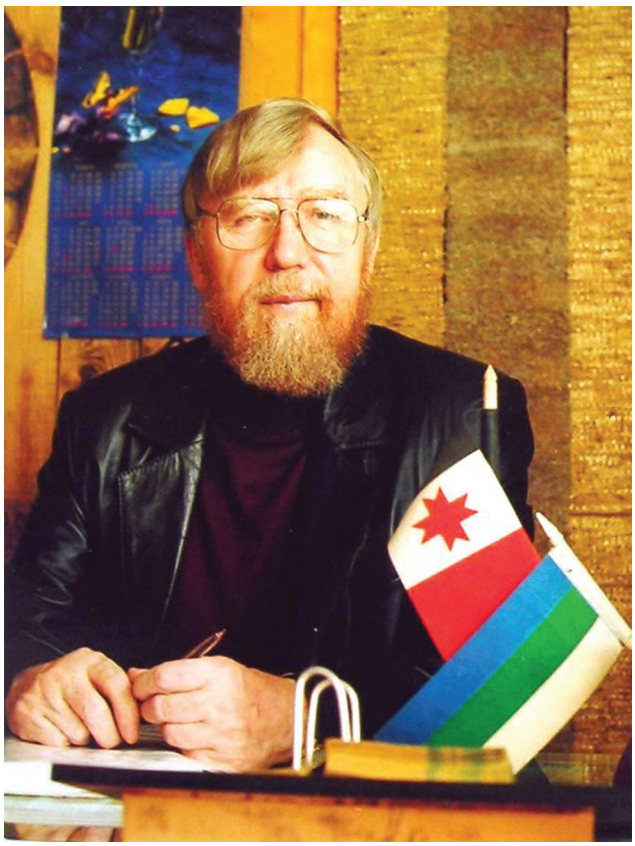
Завершает сборник «Отчего поет тюрагай» цикл стихотворений «В народе говорят», который в новой авторской редакции начнет следующую книгу В. Владыкина, дав ей, таким образом, название. Сам же лирический цикл, обновленный и дополненный, обретет и новое имя: «Семена».

Усложняя жанровую природу цикла, в начале его появляются философские притчи, в основу которых положены народные сказания. «Дом Мира», «Мать Солнца», «Мать Небесной Воды», «Мать Грома», «Небесный Перекресток» не только дают возможность читателю представить себе картину мира, сложенную удмуртским народом; они поражают нас своей глубиной и изящной красотой, трепетным отношением к памяти народа и направленностью на будущее: «Как удержать Землю на круги своя? Как остаться самим собой на Вселенском Перекрестке?».

Образы Инмара и Воршуда, старой мудрой ели Мудор Кыз (Матери Леса) и человека, выбравшего для жизни землю, на которой нужно трудиться, составляют целостную картину жизни удмурта. Сердцевиной этой жизни, ее основой, ее болью и надеждой является душа человека:

Человеку даны:
Голова – чтобы мыслить,
Глаза – чтобы видеть,
Уши – чтобы слышать.
А люди еще придумали душу.
Зачем они это сделали?

В монографии Владимира Емельяновича Владыкина «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» (1994) особое внимание уделяется почитанию деревьев удмуртами, как и другими народами, жившими в зоне лесов. Образ мирового дерева в реальной жизни преломлялся в культ, объектами которого становились деревья,



Владимир Емельянович Владыкин.

поражавшие своими размерами, необычной формой, «избранные» молнией одиноко растущие, как бы «противопоставленные» остальному лесу. Священные деревья были неприкосновенны: с их жизнью связана жизнь народа. Старая ель Мудор Кыз даже после смерти дарила людям свою мудрость, соединив ее с человеческой душой:

Ель умерла.
Но пришел человек и оживил ее:
Он сделал из нее гусли – крезь –
И вложил в них свою
Человеческую душу.
Так у удмуртов появились
Бадзым Крезь –
Великие Гусли.
Когда они звучали,
Солнце приближалось к Земле,
Чтобы их послушать.
Когда они пели Инву утчан гур –
Песню поисков небесной росы, –
Небо плакало дождем…
(Цикл «Семена»).

Обозначая стилевые особенности поэзии В. Владыкина, необходимо обратить внимание на музыкальность его стихотворений. Вообще, все, что связано с музыкой, для поэта имеет особое значение. По свидетельству тех, кто многие годы знает поэта, он прекрасно поет, исполнение им романсов затрагивает струны души любого слушателя. Наверное, не даром этот замечательный ученый обратился к лирике. В свое время А.А. Фет, один из самых песенных русских поэтов, писал о глубинном родстве музыки и литературы, подтверждая это своим творчеством. В стихотворениях В. Владыкина мы не только видим обращение к музыке, но на звуковом, ритмическом уровне чувствуем музыкальность поэтических строк. Начиная от заглавия первого лирического сборника «Отчего поет тюрагай» – через поэтические размышления о Песне поисков небесной росы и звучании тангыры, печальном журавлином клике и стуке сердца в груди до вопроса: «Разве ж это можно – жить без песни?» – протянута ниточка любви поэта к музыке народной жизни и небесных сфер. Ритмический и звуковой рисунок произведений помогает усилить содержание стихотворений. Буквально слышится звук птичьего голоса и трепетание крыльев в прозрачной вышине летних полей в строчках, посвященных жаворонку: «…тюрагай трепещет в вышине от нестерпимой тоски и печали…»; или звучит лесная песня-стон: «…дерево… слышите, оно звенит, и поет, и плачет, и тихо стонет в обнимку с ветром…»; или гудит в лесу тангыра и тревожит человека эхом вечного леса, обращающегося к человеческой памяти и человеческому сердцу.

Кульминационной частью сборника «В народе говорят» является «Великая Книга». Произведение построено по законам народной легенды: проявляется, прежде всего, трехчастное деление на разных уровнях текста. Так, мы видим общий композиционный план: владение удмуртами Священной Книгой; черное дело злого чудища Палэсмурта, укравшего у удмуртов Книгу, и поиски народом помощи у высших сил; создание самими людьми новой Священной Книги. Во второй части в поисках Священной Книги люди трижды обращаются за помощью к Торо, Алангасарам и Инмару, но Торо отказывает людям, ибо «его знаний не хватит, чтобы заменить Священную Книгу»; Алангасары, несмотря на свои силы и величину, ни написать, ни прочитать Книги Мудрости не могут; даже Великий Инмар ответил, что не в силах помочь, ибо нет у него душевной мудрости: «Ведь душа – она есть только у человека, / И никто и ничто ее не заменит».

Авторская легенда наполнена этнографическим, мифологическим материалом: составными частями здесь присутствуют легенды об Алангасарах (чтобы понять этот встроенный сюжет, нужно знать, какую реку удмурты называют великой, с какими историческими фактами связан эпизод, рассказывающий о жизни Алангасаров в

низовьях реки), о черных и белых лебедях, осмелившихся подлететь слишком близко к солнцу, чтобы донести до Великого Инмара людскую просьбу, и так далее.

Тем не менее, «Великая Книга» является не только и не столько воспроизведением народных сказаний, сколько лирическим обращением автора, поэта и ученого, человека, живущего в этом часто несправедливом, жестоком мире, постоянно теряющем нравственные ориентиры. Боль за душу и жизнь человека наполняет заключительные строки произведения: Книга Великой Мудрости должна писаться и читаться всеми людьми – все должны знать смысл таких слов как *мама* и *отец*, *мир* и *труд*, *дом* и *родина*… Может быть, тогда и сможет человек построить на земле счастье.

Как уже было сказано, «Великая Книга» как будто делит сборник наполовину. Если в первой части большее внимание уделяется народной мудрости и ее современному осмыслению, то циклы второй части посвящены сегодняшнему дню: это люди, которые окружают художника, и он сам; это дела, заполняющие жизнь как самого поэта, так и близких и далеких ему людей; это мысли, может быть, находящиеся еще в стадии вопроса и потому настойчиво требующие живой реакции, ответа на них; это картина современного мира. Так, в цикле «Посвящения» автор представляет читателю свое окружение, и его философская позиция характеризует прежде всего самого поэта:

Без друзей – страшно.
Без врагов – скучно.
Да здравствуют друзья и враги!

Цикл «В дороге» необычен тем, что состоит из стихотворений в прозе, небольших притч. Каждая из них содержит зарисовку, своеобразный физиологический очерк, завершающийся глубокой мыслью, философским обобщением. Вместе с поэтом мы сожалеем о том, что молодые голоса на горе Айкай принадлежат группе стариков и старух – они прекрасны, но кто же продолжит их чудесные традиции? Вместе с людьми, встретившимися в деревенском автобусе, задумываемся над вопросом: «Да разве ж это можно – жить без песни?». Восхищаемся деревенской женщиной, мастерицей на все руки, рожденной стать великим художником, но даже не подозревающей об этом, и понимаем: без красоты нам никак нельзя…

Завершается сборник «Мыслями вслух». Некоторые из них уже были озвучены поэтом в первой его книге, но, повторенные на новом этапе, новом витке художественного творчества, в новом контексте, стихотворения обрели новый, более глубокий смысл: каждый человек на земле – это отдельный прекрасный мир, микрокосмос, бездонный в своей глубине, безграничный и непостижимый. Страшно, когда этот мир вдруг исчезает. Что же говорить о народах, которые состоят из этих прекрасных людей? Нельзя допустить, чтобы исчезла с лица земли хотя бы крупица народной мудрости. Если у народа есть прошлое, значит, должно быть и будущее. Риторический вопрос, поставленный поэтом в конце заключительного стихотворения, не является загадкой для автора, его ответ мы прочитали в произведениях. Последний вопрос побуждает читателя спросить самого себя: кто будет строить это будущее? Каждый ли в этом будущем найдет достойное место?

Мой народ все еще очень беден,
Но у него уже есть богатое прошлое.
А будущее?

Содержание поэтических произведений Владимира Владыкина, их общий пафос позволяет прийти к мысли о наличии в его творчестве романтических и импрессионистических мотивов. Восприятие мира как единого живого целого сближает поэта не только с народной философией, но и с романтическим видением пространства (взаимопроникновение хаоса и космоса, макрокосмоса и микрокосмоса, жизни и смерти). Умение передать впечатление от мгновений жизни как внутренней, так и внешней («Темный бред души и трав неясный запах...», А. Фет) ставит поэта в один ряд с немногими представителями импрессионизма в литературе.

Лирические циклы поэта соотносимы с жанром лирической поэмы. Каждый из них посвящен определенной теме, наполнен высотой мысли и пронизан глубокими чувствами. Мы ощущаем внутреннее движение этих мыслей и чувств, что позволяет говорить о лирическом сюжете, о единстве стихотворений, объединенных в художественное целое.

Народные легенды, обряды и обычаи образовали стройную систему в научных трудах Владимира Емельяновича Владыкина, но они же стали эстетической основой его поэтических размышлений.

95 лет назад, 21 февраля 1918 года, Ижевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провозгласил поселок Ижевский Завод городом. Сегодня на страницах журнала «Италмас» в любви к городу Ижевску объясняются поэты Ольга Арматынская, Олег Хлебников, Сергей Жилин.

Ольга АРМАТЫНСКАЯ

журналист,
автор нескольких книг
прозы для детей,
г. Ижевск

«И, ЗНАЧИТ, ЧТО-ТО В ЭТОМ МИРЕ НЕИЗМЕННО...»

* * *

Родной мой город, милые места,
На сто заводов – две живых церквушки,
Закрытый цирк, бессмертные пивнушки
Из двух скамеек около куста.
Поют тебе, горланят петухи,
В грязи твоей буксуют иномарки,
И серый цвет – все тот же серый цвет:
И скучный, и тупой, зато немаркий.
Придет зима, и снегу наметет,
Накроет новой скатертью помойки,
Но белая сорочка не спасет
Несчастного лица после попойки.
Ах, Зарека, Сенная, Колтома...
Пошли вам Бог, чтоб были вы счастливы.
Так безыскусны ваши имена,
Так жители не в меру терпеливы.
О, милый город юности моей...
Я помню все: твои, твои трамваи
В начале самом моих дней
Меня без устали качали...
У пруда – те же ивы, тот же ветер,
И люди живы сердца моего.
О, сколько городов на этом свете,
Но я там не оставлю ничего.
О, милый город юности моей...
Истоптанные тропочки аллей.
Я не люблю вас, я вас так жалею,
Что дай вам Бог, чтоб Он жалел
еще сильней.

* * *

При свете утренней звезды
Ижевск досматривает сны,
А Долгий мост встречает
утреннюю смену.
Стоит царь-пушка на посту,
А я шагаю по мосту,
И, значит, что-то в этом мире неизменно.
Цветет июль, метет февраль,
Огнями светится Ижсталь,
Пусть в нашей жизни всякое бывает,
Пусть далеко течет река,
Соединяет берега,
И наши судьбы Долгий мост соединяет.
Не то, чтоб лучше его нет.
Я для себя нашел ответ.
Здесь каждый куст и каждый камень
мне знакомы.
На свете много городов,
Других заводов и мостов,
Но Долгий мост – моя дорога к дому.

* * *

Айда, мой друг, айда,
Поедем на «однёрке»,
Пускай нам вслед кружит
Осенняя листва.

Ижевск вам – не Москва,
Не Пальма-де-Майорка,
Зато куда ни глянь –
Знакомые места.
Деревня ты моя!
Мой сектор деревянный,
Мой город золотой,
Где счастлив был и я,
А также – заводской,
Святой и АКА-янный,
И как тебя любить?
И не любить нельзя
За старые дворы,
Где «каганек» качали,
Где наши пацаны
Играли «во войну»,
Скамейку у крыльца,
Где нас когда-то ждали,
За маму, за отца,
За первую весну,
За наш зеленый пруд –
Мы все из той купели –
За всех, кто здесь живут
И жили, как могли.
Огни твоих рябин
Еще не отгорели,
Черемухи твои
Еще не отцвели.
В любом краю земли
Мы ездим на «однёрке»,
Пусть осуждают нас
Ученые умы.
Узнаю земляка
По этой оговорке
И улыбнусь ему.
И улыбнемся мы.

Олег ХЛЕБНИКОВ

заместитель главного
редактора «Новой газеты»,
автор пятнадцати
поэтических книг,
г. Москва

«МНЕ ЭТОТ ГОРОД БЫЛ ОКНОМ...»

* * *

Горит, горит звезда над городком
С его судьбой в соседстве терпеливом.
А в нем дома сизы,
как бочки с пивом,
В нем зданья,
как цистерны с молоком,
Желты.
Горит звезда над городком.

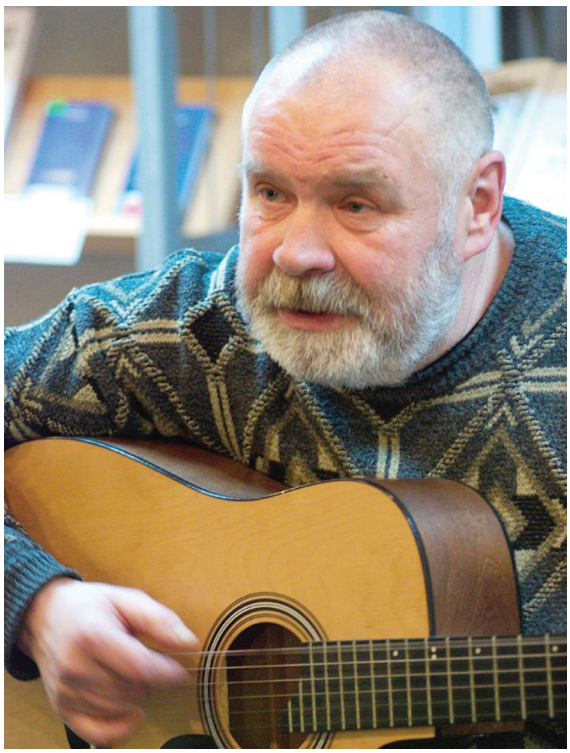
И, завершив свои дела дневные,
Меж дел вечерних – жители иные
Заглянут на нее одним глазком:
Горит иль нет звезда над городком?..

* * *

Мне этот город был окном,
И зеркалом, и полотном,
И кистью тоже.
Мне этот город был отцом,
Но не подозревал о том,
Что сын я все же.
Нет, я обиды не коплю,
Я и сейчас его люблю,
Ему обязан.
Смотрите: тучами над ним
Дым заводской,
Фабричный дым –
Вот чем он с небом связан!

Сергей ЖИЛИН

историк,
краевед,
г. Ижевск



«И СТАНОВИМСЯ ВЫШЕ, И ЛЕТИМ НАД ДЫМАМИ...»

Семейная фотография

Вот это улица моя,
Вся деревянная, заречная.
Смеется женщина беспечная –
Вот это мама. Это – я...

Шестидесятые... Весна.
Семья позирует для фото
На фоне простыни, к воротам
Которая прикреплена.

По моде тех веселых лет
У брюк отогнуты манжеты,
Обуты ноги в сандалеты...
И вот – готов фотопортрет.

Пригладит время нам вихры,
Изменит адрес и прописку,
Закинет далеко иль близко
Из той обманчивой поры.

Мы завороженно глядим
Со снимка прямо в бесконечность...
Бреду по улице заречной,
Не нужен никому, один.

Зарека

Выбиваясь из сил, торопились
троллейбусы к центру,
Оставляя в Заречье чью-то горечь
и смуту.
За билет в пять копеек –
пустячную цену –
Отпускает нас Зарека,
не ревнуя к кому-то.

Деревянные домики, городская окраина,
Как фарватеры рек, освещенные улочки.
Ваших жителей ждет
пробуждение раннее
И – айда на завод, ну а сон –
лишь к полуночи.

Повороты судьбы здесь, увы,
исключаются,
Городская окраина – заводское начало.
Человек к человеку, чем они
отличаются?
Только годом рождения.
Разве этого мало?

Вновь оранжевый дым проплывает
над Зарекой
И пугает детей, что смеялись беспечно.
Это отблеск завода, ежедневное зарево,
Здесь другим поколеньям судьба
обеспечена.

До свидания, Зарека, моя горечь
и смута,
Проплываю в троллейбусе меж твоими
домами.
Мы взлетаем на мост, что вздымается
круто,
И становимся выше, и летим
над дымами.

Нина ПРОКУРОВСКАЯ

ГОРОД В ЗЕРКАЛЕ СВОЕГО ЯЗЫКА

Ижевск, столица Удмуртской Республики, с населением 625,8 тысяч человек (работа Н. Прокуровской «Город в зеркале своего языка» вышла в свет в Ижевске в 1996 году – *Ред.*) относится к числу крупных административных и культурно-исторических центров. Соотношение мужчин и женщин – 301:351,8 тысячи.

Город основан 10 апреля 1760 года на реке Иж как поселок при железоделательном заводе графа Шувалова. Интересен тот факт, что до сих пор в сознании старшего поколения, особенно сельских жителей, понятия *«город»* и *«завод»* представляются нераздельными. Об этом говорят регулярные записи участников диалектологических экспедиций, организуемых филологическим факультетом Удмуртского университета. Сравните: «Дочка старшая в Заводе живет»; «Я раньше в Заводе жила, не понравилось, сюда переехала».

Диалектная основа, прообраз современной городской речи, неясна, поскольку лингвистической историей Ижевска специально никто не занимался. Есть мнение, согласно которому большинство ижевских слов являются пермскими и екатеринбургскими по родословной. Другие оспаривают это, указывая на близость ижевского говора к вятскому и даже новгородскому наречию. Чтобы однозначно ответить на этот вопрос, нужны специальные разыскания.

С 1867 года Ижевск официально считался селом, которое именовалось по-разному: *Ижево, Ижев, Иж,* а его жители – *ижаками, ижевлянами, ижевчатами, ижевцами.* В последние годы самым употребительным становится патроним – *ижевчане.* Регулярности и высокочастотности этого варианта, возможно, способствуют два лингвистических фактора:

– наличие в финали производящего слова трех согласных – *Ижевск* > *ижевчане* (сравните: *Гжатск* > *гжатчане*; *Братск* > *братчане*; *Белореченск* > *белорчане* и тому подобное);

– возможность образовать параллельную форму для обозначения лица женского пола – *ижевчанка*, тогда как патроним *ижевец*, например, ее не имеет.

По мнению старожилов, жители поселка, на базе которого воздвигался город, имели прозвище *рябинники*, данное воткинцами. Последние, в свою очередь, получили от ижаков «обзыву» *чебаки.*

В социальном отношении население города было неоднородным: генералы, мастеровые, попы, лекари, кафтанщики. Однако не они отличали старый город от других городов. Хочется думать, что только в ижевском городе-заводе жили и работали *маклаки* – «первостатейные оружейники, люди оборотистые, крепкие, не без организаторского таланта», иными словами, цвет городского поселка; *чалдоны*, напротив, пришлые, плохие ижаки; поторжные, буквально «сдаваемые с торгов» (Е. Шумилов), – рабочие, занимавшиеся опасным для

здоровья и жизни тяжелым вспомогательным заводским трудом; *кержаки* – слово, зафиксированное нами в двух значениях: раскольники, староверы; зажиточные, богатые люди. Надо заметить, что староверов в Ижевске, как и в Удмуртии в целом, немало. С ними во многом связана сохранность древних языковых фактов.

С развитием поселка менялся его облик, социальный и национальный состав. Деревянные кварталы, из которых и состоял преимущественно заводской поселок, сменялись кирпичными, неблагоустроенные участки города – благоустроенными.

Особенно мощный рывок был сделан после Октябрьской революции и обретения городом официального статуса. 21 февраля 1918 года местный Совет явочным порядком присвоил Ижевску это звание. С 28 декабря 1934 года Ижевск – столица Удмуртской автономии.

Огромную роль в развитии Ижевска сыграли новые заводы-гиганты, возведенные, главным образом, в послевоенные годы. Они определили развитие города в целом, но более всего – экономику и жилищное хозяйство. Вопросы же культуры, науки, проблемы бытования языка и отраженного в нем образа жизни населения, как и всюду, никогда не находились на первом плане. Сейчас назрела необходимость вывести их на авансцену нашей истории и, решая, постараться понять, что мы являем собой как сообщество, каковы наши корни, наше настоящее и будущее. Попробуем на примере анализа языка города Ижевска в какой-то степени получить ответ на эти насущные вопросы.

Современная обиходно-бытовая речь ижевчан не сохранила дореволюционные официальные наименования планарных объектов города-завода. Да их, судя по всему, и не было, поскольку старый городской поселок не делился на районы в собственном смысле слова, то есть районы как территориально-административные единицы.

Известно, что к 60-м годам XIX века имение Ижевского завода было поделено на две волости: Нагорную и Заречную. В Нагорную волость входило семь сельских обществ: Набережное, Базарное, Церковное, Троицкое, Михайловское, Госпитальное и Трактовое; в Заречную – четыре: Старковое, Казанское, Александровское, Андреевское. Многие из этих названий живут в памяти старожилов, однако лучше сохранились некоторые неофициальные названия, то есть микротопонимы, позволяющие восстановить систему принципов наименований прошлого...

Эпоха построения социализма иначе скроила город. Официальные названия административных районов этой поры – Ленинский, Октябрьский, Первомайский, позднее – Индустриальный, Устиновский – представляют не что иное, как «советизмы». Они сделали город Ижевск очень похожим на все другие города в плане урбанонимического ландшафта. Поэтому гораздо большего интереса заслуживают неофициальные названия планарных объектов, лучше отражающих время и специфику самого облика города...

Социальная база просторечия, в частности, города Ижевска, чрезвычайно широка. Периферийный статус города, отдаленность его от других городов, отсутствие длительных культурных традиций из-за невнимания к вопросам культуры со стороны властей всех времен способствовали и способствуют незыблемости просторечной стихии, захлестывающей не только рабочую среду, полуграмотное старшее поколение от шестидесяти лет и старше, но и многочисленных работников сферы обслуживания, молодежь, воспитывающуюся в окружении просторечноговорящих, изрядную долю лиц с высшим, как правило, негуманитарным образованием.

Последних выдает «неспособность переключаться с одного речевого регистра на другой», иначе – неосвоенность ими явления диглоссии, связанной с владением двумя системами национального языка, например, литературного и просторечия. На официальном, социально-ролевом уровне их отличает множество просторечных средств, а на обиходно-бытовом – немотивированное употребление книжных элементов, кажущихся носителю просторечия чрезвычайно престижными...

Просторечноговорящих в Ижевске отличает наличие вставочного гласного, появляющегося независимо от соседствующих согласных: *лозуног, пошевырять, маразам, доложна, рубель, фунут, шепана*. Регулярность его появления дает возможность использовать этот факт в качестве приема создания языковой игры: *коныфеток, сыпасибо, кыто, Чулыков*.

Если последнюю особенность – вставку гласного – очень древнего и устойчивого явления в городском просторечии, впрочем, как и диалектах, можно объяснить действием закона экономии произносительных усилий, имеющего в Ижевске универсальный характер, что проявляется также в регулярной редукции согласных, целых слогов: *лика (гляди-ка), пра (правда), удмурка (удмуртка), пежак (пиджак), мо (мол)* и так далее, то «поджатое аканье», как и

«стыдливое оканье», на наш взгляд, можно объяснить следствием психофизиологической скованности, «зажатости» населения, склонного под действием постоянной социально-экономической и политической нестабильности к рефлексии, большей напряженности, а порой и к страху. Такие условия жизни не могут не влиять на технику речи говорящих, на их произносительные навыки...

Если первый «великий социалистический эксперимент» (Г.И. Гусейнов) затронул лишь поверхностно городское просторечие, то начавшийся постсоветский эксперимент точит его изнутри. Просторечие вынуждено прибегнуть к небывалой эксплуатации своих знаков, то есть закреплять за формой слова несвойственные народному сознанию значения.

Например, в богатом как в литературном языке, так и в просторечии словообразовательном гнезде слов *делать*, *сделать* есть просторечный глагол *уделать*. Его исходное значение – «делая, приходить к более чем удовлетворительному результату»: «Он мне так плитку *уделал*, любо-дорого посмотреть стало».

В семантическом производном от него – *уделать* со значением «исправить, поправить, отремонтировать»: «*Уделай* мне стол, видишь, качается», – уже нет собственно экспрессивного элемента, то есть отсутствует указание на качество и результативность действия.

Яркая экспрессия и оценочность, причем переключаемые с действия на субъект, появляются в производном следующего поколения – *уделать* со значением «испачкать»: «Ты зачем так брюки *уделал*, стирать сам будешь!».

И, наконец, в последнем производном – *уделать* со значением «бить, избить»: «Кто тебя так *уделал*?» – сохраняется лишь оттенок результативности действия. Особая коннотация, грубо-фамильярная окраска переводит его в сферу жаргона, где оно становится в один ряд с такими глаголами как *разукрасить, разрисовать* в том же значении.

Таким образом, проделан путь сверху вниз. Просторечие сомкнулось с жаргоном. Но жаргонизация идет и внутри просторечной лексики, той ее части, которая является принадлежностью определенных социумов. Так, например, один из самых частотных в советскую эпоху глаголов *сделать* в значении «купить, приобрести» родился в торговой среде и стал достоянием большинства горожан: «*Сделай* мне сапоги» означает «достань в недоступном для большинства месте», «из-под прилавка»; «Она *сделала* мне машину навоза» означает: «Она сумела где-то достать, приобрести и привезти».

Если этот торгашеский жаргонизм полон емкого смысла, то омонимичный жаргонизм бюрократов от аппарата управления в расхожей фразе *«сделай звонок»* – позвони – демонстрирует полнейшую десемантизацию одного из самых важных глаголов русского языка. Обратимы ли процессы?..

Итак, мы рассмотрели основные типы высказываний, представляющих важнейшие речевые стили и жанры городского просторечия Ижевска, показали в определенной степени «этику отношений в этике языка» (В.П. Григорьев). К рубрикации классических стилей внутри литературного языка они не имеют никакого отношения. Главная сфера их реализации – повседневное общение, то есть общение в семье, в транспорте, в очереди, «на лавочках» перед домом и так далее.

Подводя итог всему сказанному, необходимо подчеркнуть, что просторечие продолжает жить своей обычной жизнью, то есть оно не исчезает, как утверждают лингвисты, отмечая «наступление литературного языка по всем направлениям – социальному, коммуникативному и собственно языковому».

Изменению препятствует не только языковой консерватизм его носителей, но и веками сложившийся менталитет. Раз освоив языковым сознанием мир, они не пытаются менять его. «Выпрыгнуть» за пределы усвоенного не только трудно, но и не нужно: его понимают окружающие – чего еще?

Будучи полуразрушенным диалектом, просторечие развивается по своим законам, подчиняясь естественному отбору и закреплению своих средств в узусе. Здесь немало новаций, ориентирующихся на апробированные традицией модели, на бытовое, конкретное мышление, находящее выражение в прозрачной внутренней форме лексических единиц, в предельно конкретной семантике предикативных структур.

Проанализированный языковой материал позволяет подтвердить доминанту женского начала и в языке. Она обнаруживается в стереотипах бытовой, семейной и межличностной коммуникации.

Архаичный, наследственный языковой фонд, а также вновь создаваемые средства демонстрируют отсутствие целостного ощущения человеком своего *Я*. Это *Я* ущербно...

Нина ЕРМОЛАЕВА

журналист,
переводчик,
г. Ижевск

ЭДЕЛЬВЕЙС

По утрам мой четырехлетний правнук Костя, пока еще спят его родители, приходит будить меня: «Бабушка, а тебе пора вставать. Давай я тебе помогу!» – и протягивает ручонку, чтобы мне помочь. Каждый раз он что-нибудь несет в подарок: купленную вчера отцом машинку или робота, печенье или конфету, которые мать дала ему накануне, а он приберег для меня.

На этот раз он принес тяжелую для него книгу-альбом «Масонство». Поставил стул к книжной полке, достал издание и говорит: «Вот, читай эту книгу, я тебе нашел тут друга, смотри на него». И показал на скульптурный портрет масона – немца по имени Адам по прозвищу Спартак.

У меня вдруг проснулась память о некогда показавших себя друзьями немцах, ниточкой скользнула, потянув мои руки к ящикам письменного стола, к забыто хранимой записной книжке за 1971 год...

В ноябре того года я в составе группы туристов из Удмуртии находилась в болгарском городе-курорте Хисаре. С января 1970 года я работала на Удмуртской государственной сельскохозяйственной опытной станции, меня здесь оценили, вот и бесплатную путевку дали за границу. В Хисаре посменно принимали по три туристические группы в двадцать человек: две из Советского Союза и одну из другой страны. В том году, как обычно, кроме группы из Удмуртии здесь отдыхали еще две группы – из Одессы и из Германии: трапезы в общей столовой, развлекательные вечера в общем зале, строго индивидуальные оздоровительные процедуры, разновременные экскурсии по группам.

Однажды ко мне подошла староста немецкой группы, говорившая на хорошем русском языке, и сказала: «Мы вчера провели весь день в горах. Мы искали цветок эдельвейс – очень скромный, но трудно доступный, потому что прячет свою сокровенную красоту, уходит от всех взглядов высоко в горы. Наверное, поэтому так много легенд сложено об этом очень скромном на вид цветке, поэтому люди так стремятся его увидеть. Мы все-таки нашли один эдельвейс и решили подарить его вам. Храните о нас память вместе с этим эдельвейсом. Очень важно почувствовать в цветке, в дереве, ручье, человеке внутреннюю красоту, ощутить аромат живой души в каждом создании природы, принять прекрасное творение как Божий дар. Примите этот знак дружбы от тех, кто совсем неплохо относится к русским».

С того дня эдельвейс пролежал в моей записной книжке сорок один год. И я снова поразилась тому, как в моей руке оказался этот легендарный цветок, увидеть который я мечтала еще в детстве, как мечтала ребенком увидеть Синюю птицу счастья, придуманную Морисом Метерлинком. Эдельвейс, конечно, поблек за сорокалетие, побелела

его желто-оранжевая пестрота, как белеют зимой удмуртские луга и холмы...

Спасибо правнуку Косте, который напомнил мне, что тот день, 6 июля, когда я заново обрела эдельвейс, был днем памяти гения удмуртской земли Флора Васильева, его тридцать четвертая година. Красоту и неповторимость его стихов в самом начале творческого пути поэта разглядел Алексей Ермолаев и поведал о том в многочисленных статьях, в том числе – в журнале «Дружба народов».

Дружба… Одно из самых прекрасных явлений на земле. Дружба, протянувшаяся через время и пространство, связала критика Алексея Ермолаева и поэта Флора Васильева. Неугасаемая дружба с ними осталась мне, русской, как их завет, как земное чудо, соединяющее сердца людей, какой бы национальности они ни были, какие бы мечты их ни влекли, какие бы цели ими ни руководили. Дружбу я хранить умею, и эти два имени не уходят из моих воспоминаний, которые пишу, которые при возможности публикую...

Александр Сергеевич Пушкин написал:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?
На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?
И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Ах, неправильно я хранила драгоценный дар тех далеких, давних доброжелательных немцев. Надо было положить в рамку, под стекло! Побелевший, утративший свои краски эдельвейс щемит душу из-за моей былой небрежности. И утверждает мысль, что никакие крупные и мелкие споры и распри, битвы, сражения и войны не приносили добра и блага ни той, ни другой стороне: касались ли они племен, государств или одного единственного человека. Надо хранить об этом память, открыв те свои сундучки и шкатулки, куда мы сложили заветы предков и заповеди Бога, который «есть любовь». Как хрупкую драгоценность, своей ли, чужой ли рукой положенной в душу, хранить дружбу народа к народу, любовь человека к человеку...

НОВЫЕ КНИГИ

Родник вдохновения. К 90-летию со дня рождения З.А. Богомоловой. Составитель О.В. Парфенова. Ижевск: «Удмуртия», 2012. Это поистине выстраданная книга. Ольга Парфенова, задумав ее еще при жизни Зои Алексеевны, много и плодотворно работала с авторами из разных городов страны, правила материалы, созванивалась с издательством, ездила на встречи по финансовым вопросам этого проекта. Книга вышла объемная, полная теплых слов и замечательных воспоминаний. Низкий поклон Ольге Владимировне за этот большой труд! К великому сожалению, ни Богомоловой, ни Парфеновой не довелось увидеть книгу. Редактор сборника поэт Вениамин Ившин в предисловии написал: «Работа над книгой «Родник вдохновения» началась во второй половине 2011 года. Многочисленные почитатели таланта Зои Алексеевны Богомоловой – крупного исследователя удмуртской и русской литератур, глубоко эрудированного педагога и ученого, мудрой и обаятельной женщины – готовились достойно отметить 5 февраля 2013 года ее 90-летие. Когда рукопись была практически готова, пришло печальное известие: 14 октября 2012 года в Москве после тяжелой и продолжительной болезни Зоя Алексеевна Богомолова скончалась. Авторские выступления, адресованные непосредственно Зое Алексеевне, мы оставили без изменений, исходя из нашего убеждения, что вдумчивый читатель сам поймет, в какое время они написаны. Книга «Родник вдохновения» – многоцветный памятный венок вечно светлому человеку».

Виталий ЛОЖКИН

ветеран труда,
г. Ижевск

ТРИ ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

В 60-е годы я учился на факультете русского языка и литературы Глазовского педагогического института, был членом литературного объединения при городской газете «Красное знамя», затем – при институте. В 1965 году в ГГПИ была организована встреча с удмуртскими поэтами. Мне очень хотелось увидеть Олега Поскребышева: он тогда был очень популярен в среде студентов. Но на встречу со студентами приехали Флор Васильев и удмуртский поэт Владимир Романов. К сожалению, Олега Поскребышева на этой встрече не было. Зал был переполнен. Мы, члены литературного объединения, читали свои стихи, затем выступили Флор Васильев и Владимир Романов. Встреча была интересной, запоминающейся, и все же было очень жаль, что Поскребышев не приехал.

В 1973 году я был в Ижевске на курсах повышения квалификации. Не было конца моей радости, когда я узнал, что организаторы курсов устроили нам встречу с Олегом Поскребышевым. Я ждал этой встречи с большим нетерпеньем. Высокий, крепкого сложения, он появился в аудитории, поздоровался, широко улыбнулся и тем самым сразу расположил к себе слушателей.

Весь зал слушал поэта, затаив дыхание, наверное, еще и потому, что в зале было много учителей из сельской местности, и все, о чем говорилось в стихах, было им близко и понятно. Многие присутствующие знали стихи Поскребышева и просили почитать полюбившиеся. Поэт с удовольствием выполнял их просьбы, читая и по памяти, и из сборников. Эта встреча произвела на меня большое впечатление.

После выступления Олег Алексеевич дарил слушателям свои книги с автографами. Подошел и я. Он спросил мое имя и отчество, быстро написал что-то и протянул мне руку. Мое смущение не позволило мне сказать ему, что я знаю его стихи, что я и сам пытаюсь сочинять, что в моей домашней библиотеке, кроме подаренной книги, хранится до десятка его сборников, что в наших с ним судьбах много общего: оба родились в деревне, после школы работали, учились в одном институте на одном факультете, преподавали русский язык и литературу в сельских школах, оба были завучами. Мне хотелось ему сказать, что он талантливейший народный поэт, каким и останется в памяти людей...

Вторая встреча с Поскребышевым произошла в 2001 году в Доме культуры «Спутник» республиканского общества слепых. Здесь собрались незрячие поэты, корреспонденты звукового журнала «Радуга». Многие незрячие поэты, и я в том числе, на этой встрече читали свои стихи. Олег Алексеевич стихов своих не читал, но всех очень внимательно выслушал и в конце встречи, выступая, указал на некоторые недостатки в наших текстах. Он говорил, что надо много и упорно работать над словом, над рифмой, над ритмом, и хотя многие пишут стихи по-любительски, все равно надо стремиться к совершенству. На этой встрече я

Олег Поскребышев на встрече с читателями. Справа – Зоя Богомолова.

подарил Олегу Алексеевичу свой первый стихотворный сборник – «Иду я тропою над кручей». Отзыва, к сожалению, не получил.

На встречу все в тот же «Спутник» в 2003 году поэт приехал очень больным. Поговаривали, что едва ли он сможет приехать, но он приехал. Опять мы читали ему свои стихи, опять он внимательно слушал, но чувствовалось, что ему с трудом дается общение с нами. Выступая в конце встречи, Олег Алексеевич говорил о трудностях поэтического дела, о том, что стезя поэта – это трудная, повседневная, напряженная работа. В подтверждение он рассказал о случае, который произошел с ним недавно.

«Сижу я как-то на скамейке возле своего дома. Подходит ко мне знакомый мужчина, поздоровался, сел рядом и спросил:

– Что, Олег Алексеевич, стихи-то пишешь?

– Да нет, – говорю, – редко.

– А что так?

– Да вот болею. Трудно писать.

Мужчина усмехнулся:

– Что, разве трудно писать стихи-то?

– Трудно.

– Ну уж! – то ли недоверчиво, то ли утвердительно ответил мужчина...».

В конце встречи, когда уже все расходились, моя жена подвела меня к Олегу Алексеевичу, представила. Он взял мою руку в свою и долго молчал, как видно, вглядываясь в мое лицо, и, наконец, сказал одноединственное слово: «Пишите».

Так закончилась моя третья и последняя встреча с замечательным поэтом, Человеком с большой буквы Олегом Алексеевичем Поскребышевым.

НОВЫЕ КНИГИ

Александр Прасол. Япония: лики времени. Москва: «Наталис», 2011. Эта книга была переиздана в расширенном варианте и отмечена премией «Просветитель». Интерес российского читателя к Японии всегда был высок как стране экзотической и загадочной, и книг, посвященных ей, достаточно. Но при этом автор считает, что наш читатель обделен объективной информацией, получая все больше мифы, легенды и экзотику. И от этого он, человек почти двадцать лет проживший в Японии, категорически отказался. Эта книга «для тех, кто хочет знать, а знание редко дружит с голубой мечтой», – предупредил романтиков профессор Ниигатского университета международной культуры и информации. И рассказывает о Японии подробно: о мировосприятии и поведении японцев, об их быте и работе. И выдает многие национальные «секреты»: почему среди японцев мало нобелевских лауреатов, почему они обречены на трудоголизм, почему там самый низкий уровень преступности и высокий процент самоубийств, почему Япония живет по правилам, прописанным сотни лет назад. Автор не очарован цветущей сакурой, не ослеплен как заезжий турист высокой культурой быта – он умный, чуткий и опытный наблюдатель, способный многое высоко оценить и ко многому отнестись скептически. В помощниках у него хорошее знание японской истории, статистические данные последних лет, масса личных наблюдений, а дар рассказчика дает в сплаве отличный текст, который в итоге может здорово усилить желание читателя посетить эту страну, но точно предостережет романтических девиц от стремления выйти замуж за японца: чужой менталитет – как минное поле.

Юлия Ардашева

Серафима ПУШИНА-БЛАГИНИНА
журналистка,
автор книги «Исповедь грешницы,
или Я – удмуртка»,
г. Тенерифе

НА ОСТРОВАХ «ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ»

Божий подарок

Не просто считаю себя православной христианкой: нынче, на Крещение Господне – 19 января – на пляже купалась я одна. На берегу в тридцати метрах от меня в барах, кафе и ресторанах народу полно, но в воду никто не лезет. А как же? Тоже «крещенские морозы»: температура воздуха плюс двадцать один, температура воды – плюс пятнадцать!..

Мой персональный гороскоп тельца на первый квартал 2012 года гласил: «Действуйте смело и решительно, идите на риск. Удачно будут складываться дела, связанные с заграничными проектами. Вероятны поездки за границу и выгодные приобретения вдали от родного дома».

Ну как спорить со звездами? Ведь никто, кроме них, не мог знать, что, съездив в октябре на Канары, так сказать, «на разведку», я теперь отправлялась туда встречать 12-й год на собственной вилле. Это они, звезды, подтолкнули меня к этому по воле Божьей. В 2005 году на Стене Плача в Иерусалиме я оставила записку с просьбой о жизни на море: не из-за космополитизма – ишемия, стенокардия, гипертония, застой в легких и диабет. А здесь климат – идеальнее нет на земле.

Дорожные мытарства

Но до «выгодного приобретения» хлебнула я дорожных приключений сполна. После двух капельниц отправилась в путь, чтобы встретить Новый год «в раю» вместо пребывания в стационаре. Мои спасительницы – врач Татьяна Ивановна и медсестра Света – дали мне в дорогу шприцы и магнезию. С таким букетом заболеваний шутки плохи – научилась сама делать себе уколы. Правда, в медпункте аэропорта Домодедово инъекцию в вену мне делали все-таки специалисты.

Я летела не прямым рейсом «Москва – Тенерифе», а через Мадрид самолетом авиакомпании «Иберия», с которой я постараюсь больше дел не иметь. И что вы думаете? Самолет, вылетевший из Мадрида, сломался! Лету два часа. Я после московской нервотрепки сразу уснула, а через час мы почему-то сели. Стюарды говорили что-то по-испански и английски. Но слова «сломался» я тогда не знала. И только когда мы снова сели в самолет все в том же Мадриде, я спросила: «What is the matter? Что случилось?». Самолет спас Господь, потому что при наборе высоты я каждый раз читаю молитвы «Перед началом всякого дела» и Николаю-Чудотворцу о путешествующих.

Новый год

На такси я сэкономила – на автобусе в десять раз дешевле доехать до автовокзала. Оттуда, уставшая, глотая таблетки, еле добралась до бывшего моего отеля, который на Новый год был перенаселен.

Я рассчитывала, что меня приютит до покупки недвижимости швейцарка Ребекка, с которой мы подружились во время моего октябрьского приезда. Но она не взяла телефон, а потом и вовсе обманула. Помогло то, что в отеле меня запомнили. Дежурной Иратхе я показала свою книгу, и она

меня пожалела, поселив на двое суток за шестьдесят евро. Но отель был забронирован на новогодние каникулы. И снова помогли мои прежние знакомства – на месяц устроилась жить в съемных апартаментах. Там и встретила Новый год два раза – по московскому времени, а через четыре часа – по местному. Пила вино, ела пельмени, которые здесь не популярны.

До испанского Нового года не спала, наблюдая с террасы шестого этажа, как на всей видимой площади, метров триста до океана, в барах и ресторанах гуляла в основном английская публика. Что-то наподобие песни разок прозвучало, в двенадцать все кричали, над набережной взлетали фейерверки, и – все. Новогоднего оформления не наблюдалось, Дедов Морозов было почти не видно, только пальмы были украшены электрическими гирляндами.

Все просто: здесь каждый день – праздник. Отдыхающие ежедневно сидят в барах и ресторанах, но здесь не увидишь русской бесшабашности: пьянок до упаду, мордобоя, плясок. Все очень чопорно и благопристойно: англичане воспитаны до невозможности, все здороваются, улыбаются тебе, друг с другом ходят, держась за руки, и отдыхают исключительно парами. Интересно, когда они ссорятся, тоже за ручки ходят? Или не ссорятся никогда? Если я поругаюсь с мужчиной, мне хочется его буквально убить, не то что за ручки ходить. Вот и хожу одна, и русских так отличаю.

Мне еще в Ижевске профессор Туганаев предлагал взять с собой Е.З. Я ему ответила так же, как и остальным десяткам мужчин вдвое моложе меня, которые не прочь были бы со мной здесь за ручку ходить: «Пусть подарит мне виллу на Канарах, а без нее...». Мне Ребекка потому и отказала, что хотела пристроить мне в мужья своего брата. Потом привела в кафе еще одного «Робинзона» – так он представился – гобоиста и пианиста поляка Станислава. У меня дома свой «Стас» имеется – сын. Избави, Боже, и спаси, Господи! У нас своих альфонсов в России хватает.

«Купила!»

Недвижимость прикупила.

Ездила туда вначале исключительно по делам. То унитаз начинал течь, если вентиль не закрыть, то адаптер для титана был нужен, то декодер для немецкого телевизора. Кстати, установка российской программы стоит целых триста евро, так что телик пока не смотрю.

Оформила сделку в русскоязычном агентстве, потому что в других только по-испански говорят. А это трудно – ничего не понимать в банке, через который переводят исключительно евро, и у нотариуса-испанца, который называл меня Пуш*и*на Благин*и*на Сераф*и*на с ударениями на предпоследнем слоге. В полиции, где выдают номер иностранца – что-то типа нашего ИНН и временного паспорта, – меня тоже записали по-испански: Серафина. Пришлось исправлять, иначе документ был бы недействительным.

Теперь все меня здесь так называют, говоря, что «Серафина» – красивое имя. Соседка-бельгийка рассказала обо мне, что я русская писательница, что апартаменты я купила. Я не возражала.

Прежде чем рассказать о моем «райском уголке», расскажу о том, как здесь россияне заводят агентства по продаже недвижимости. Первое агентство я забраковала. Сами посудите: только начинаю говорить, что вариант мне подходит, как буквально через десять минут мне сообщают, что хозяин повысил цену, допустим, на пять тысяч евро. Я как-то сразу смекнула, что это они себе гонорар повышают. Вариантов видела не менее десяти.

У владельца следующего агентства, казанского татарина Марата, спросила о его агентстве. Он с дипломом журналиста работал в Узбекистане и Москве, пока однажды не приехал отдыхать на Канары и не встретил своего армейского товарища. Тот его «сосватал» работать с русскими туристами. А те все время спрашивали, как купить недвижимость! Вот так.

Еще пример Марата должен был помочь мне в освоении местных автомобильных дорог. Марат приехал на Канарские острова с купленными в Москве правами и до этого никогда не ездил. Я на три дня брала напрокат «Ниссан». В центре несколько раз заблудилась, но выбралась: спасибо надписям и знакам. Заплатила за горючее и прокат сто евро: дороговато!

Если понадобится, куплю себе седьмой в жизни автомобиль, тут в продаже есть недорогие. Как-никак сорок пять лет за рулем, а будучи в Ижевске, как раз права поменяла.

Жилье

Теперь о самом интересном – о моем жилье. Удивительно, но площадь больше, чем в моей ижевской двухкомнатной 467-й планировки (кстати, езжу здесь на автобусе маршрута с этим самым номером). Самые любимые комнаты – на террасе, их две, они отделены металлической решеткой и стеклянной дверью-купе. Спать там могут человек семь. Я уже сплю.

С радостью начала делать гимнастику

под аккомпанемент кукушки: ровно в семь тридцать начинает. По-моему, их гнезда – на пальмах. Кукует по-иностранному: не «ку-ку», как у нас, а явно слышится «ку-ку-ка».

В пятидесяти сантиметрах от террасы диковинные цветы и кусты, ухаживает за ними садовник. Но и платить за это удовольствие с персональным бассейном, общим с соседями, приходится «не хило» – шестьдесят евро плюс тридцать три за свет и воду.

Стол на кухне мраморный, мойка металлическая, безукоризненные ванна и туалет. В комнатах дизайн черно-белый: столы, стулья, диван, кровать, накидки, подушки, даже салфетки, посуда, светильники и свечи. Я бы до такого не додумалась. В Ижевске надоевший интерьер был зелено-бордовый – обои, кресла-диваны, шторы, паласы, ковры...

Мечтаю привезти сюда единственного любимого мужчину, которому четыре года от роду. Для него поблизости несколько отличных детских площадок, два пляжа, еще один (не наш) бассейн. Я даже насчет временного детского садика договорилась. Здесь дети с трех лет ходят в некое подобие школы-сада, изучают испанский и английский.

Его отцу, моему сыну, временную работу тоже нашла. Он закончил спортфак, и помню, как однажды показал мне, что надо делать, чтобы тонущего спасти: плывя на одном боку, на другой положить тонущего. На море я подружилась с двумя спасателями и всегда плаваю возле них: у них лодка. Им летом хочется в отпуск: работают они по очереди, без выходных, еще спасательные жилеты и прочее выдают. Клиенты почти на сто процентов англичане. Английским сын владеет, в олимпиадах участвовал и в университете по английскому языку «пятерку» имел, а испанский вместе поучим по словарю. Вот недавно прислал электронное письмо с испанскими выражениями. Любого сюда не возьмут, да еще без гражданства. Но я умею почву готовить.

Заработала первый гонорар. В аптеке пара, как потом выяснилось, из Саратова ругалась по-русски, не понимая, который из кремов против загара. Я им помогла, объяснив фармацевту по-английски, чего хотят клиенты. Они еще лак для ногтей решили купить, и я их попросила: «Купите мне тоже». За одиннадцать с половиной евро на свои – ни за что бы!..

Цены

Про цены и красивые вещи в магазинах могу целые дни говорить. Такую красоту я еще не видела. У нас в салонах и бутиках если и есть что-то подобное, то от цен скулы сводит. Здесь одежда красивее – и фасоны, и расцветки, – а стоит в десять раз дешевле. Действуют огромные скидки на вещи, не утратившие своего качества ни на один процент, а стоить они могут до одного евро вместо начальных тридцати и более. Накупила уже всего штук пятьдесят – и на подарки, и свой гардероб обновить. Тут сэкономила, зато в другом месте на пятьдесят евро пострадала – вытащили из сумки румынские цыгане: я думала, в «раю» воров нет, вот и расслабилась.

Серафима Пушина во дворе своей виллы. 2012 год.

Самая дорогая вещь – мой жакет из верблюжьей шерсти. Первоначальная цена – девяносто девять евро, купила я его за тридцать, а через неделю такие уже двадцать евро стоили. Сложность в том, что вещей моего размера мало. Самые великолепные в моей коллекции белые вельветовые джинсы стоили тридцать евро, а купила я их за шесть. Платья, блузы, брюки – не дороже семи-восьми евро. Интересно я «выторговала» блузу на себя, которая стоила десять евро. «Углядела» во время примерки незначительный дефект шва и попросила продавца скинуть цену. Тот вернулся от хозяина и отдал мне вещь всего за два евро. За ноутбук просили вначале двести пятьдесят, а когда я уже собралась уходить, готовы были отдать за сто восемьдесят. Русские газеты «Совершенно секретно», «АиФ»,

«МК в Испании», «КП в Испании» покупаю за те же два евро. Все это называется «свободная экономическая зона», «оффшор».

Творю

Надумала, если денег будет не жалко, издать что-то типа журнала-буклета с фотографиями местных пейзажей – тексты у меня уже готовы.

Началось все в Ижевске с телепередачи в ноябре, где я рассказывала о Канарах. Ведущий меня спросил, не вдохновили ли меня Канарские острова на новые стихи. Тогда у меня было много забот, было не до лирики. Теперь, отдыхая, я начала писать. Да и как иначе, если возле террасы летают зелено-золотистые попугаи?

Песню «Вечер на Канарах» я хочу подарить артистам Алексею Ложкину и Геннадию Ганькову. Вот она:

Я дружила в России с луной,
Я грустила под нею одна.
Над Канарами та же луна,
И я снова под нею одна.
Обращаюсь к ведунье-луне:
Дай покоя и счастья ты мне.
Между нами плывут корабли,
Я вдали от родимой земли.
На Канарах шумит океан,
А в Удмуртии нынче снега.
Через сколько умчалась я стран
На чужие мне берега!
Освещает вечер луна,
В океане плывут корабли.
Я стою на балконе одна,
И в России все мысли мои.

«Широка страна моя родная...»

Интенсивно знакомлюсь везде, где слышу русскую речь. Но и с иностранцами тоже. Есть кавалер – председатель шведского культурного общества. Мы с ним ходим в кафе. С немцем Гансом встречаемся только на пляже. У него автомобиль за двести тысяч евро, в котором и газовая плита, и холодильник, и кровать имеются. Всегда угощает меня ликером и шоколадом. Одни соседи – приличная бельгийская пара, другие – тоже пара, но она украинка, а он испанец.

Самое замечательное знакомство состоялось у меня с двумя литовскими женщинами, которые прилетели на неделю из Лондона отметить день рождения.

Одна из них, Рита, имеет там свой бизнес, побывала в Норвегии, Голландии, Италии и Франции, умеет делать все, в том числе – водить большегрузные фуры. В Англии у нее свой автопарк по перевозке почты. Иногда, отправляя водителей в отпуска, работает за них сама. Она многое повидала в своей жизни за сорок лет, хотя выглядит на тридцать: родила в семнадцать, сыну сейчас двадцать три. В Лондоне у нее двухэтажный дом с садом. Наверное, слетаю летом к ней в гости.

Кроме прочих талантов, Рита была чемпионкой по плаванию в советской Литве. И во время заплывов всегда напевала одну и ту же песню. Очень она ей нравилась: «Широка страна моя родная…».

Около полуночи у меня на террасе мы громко исполняли эту песню трио...

НОВЫЕ КНИГИ

И.Н. Сухих. Русский канон: Книги XX века. Москва: «Время», 2012. Эта книга литературоведа и критика, профессора Санкт-Петербургского университета Игоря Сухих состоит из тридцати очерков. Предметом для размышления стали наиболее яркие произведения отечественной прозы и драмы от «Вишневого сада» Антона Чехова и «Петербурга» Андрея Белого до «Прощания с Матерой» Валентина Распутина и «Генерала и его армии» Георгия Владимова. Написанные в форме эссе, они, несомненно, будут интересны как филологам, преподавателям школ и вузов, так и школьникам, и просто тем читателям, которые любят русскую словесность.

Сергей РЕШЕТНИКОВ
профессор Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

УЧЕНЫЙ-ХИМИК ВЕРА БОГДАНОВСКАЯ

В преддверии Международного женского дня хотелось бы поговорить об одной выдающейся женщине. Вера Евстафьевна Богдановская-Попова с октября 1895 по апрель 1896 года, будучи женой начальника Ижевских заводов, жила и работала в Ижевске и оставила большой след в жизни нашего города, Завода, в науке и общественных движениях.

Высшее образование в России той поры было жесткой системой, не допускавшей молодых девушек даже из богатых и именитых семей к получению системного высшего образования. Историю развития женского образования в России детально описывает в своих научных статьях нынешний ректор УдГУ профессор Г.В. Мерзлякова.

Долгое время образование российских женщин никак не регулировалось и не регламентировалось, поэтому императрица Екатерина II 5 мая 1764 года подписала Указ о воспитании благородных девиц при Вознесенском монастыре Санкт-Петербурга. Официальное название «Воспитательное общество благородных девиц» в народе укоренилось под именем Смольного монастыря. Цель такого общества, существовавшего и на деньги Российской империи, и на благотворительные взносы, была в том, чтобы дать образование девушкам из высокопоставленных семей.

13 января 1765 года Екатериной был издан дополнительный указ, который разрешал принимать в привилегированные закрытые учебные заведения также девочек более низкого происхождения: из семей разночинцев, служащих ниже восьмого разряда, военных ниже полковника, – словом, тех, кто не входил в элиту тогдашнего общества. Так при Воспитательном обществе благородных девиц появилось мещанское отделение.

Какова была цель обучения девушек? Воспитание добронравия, формирование навыков и умений вести домашнее хозяйство, воспитывать детей. Обучение также давало и широкое гуманитарное образование. Девочки должны были знать два-три европейских языка, играть на фортепьяно, говорить на любые темы из области литературы и так далее. Дети пребывали в закрытых учебных заведениях до восемнадцатилетнего возраста. Это было образование выше общего среднего, но оно не было профессиональным, то есть тем, которое бы давало право работать. Но ведь и такой проблемы – где работать женщине – не было: женщины не работали.

Тем не менее, в 1797 году жена Павла I императрица Мария Федоровна повелела открыть следующую ступень образования для девушек – высшие женские курсы. Вначале это было в Петербурге, а потом и в крупных губернских городах. Принимали на курсы в основном дочерей дворян, но также детей разночинцев и чиновников не очень высокого ранга. Это уже была первая ступень высшего образования. После окончания такого учебного заведения девушки получали право преподавать в начальных классах гимназий и школ.

Важность этого события была еще и в

том, что Россия испытывала огромный дефицит преподавателей начальных классов в массовых школах для «простого народа». Выпускницы курсов шли именно в общедоступные школы и гимназии и вели преподавание в начальных классах. Полученного в подобных учебных заведениях образования было достаточно для такой педагогической деятельности.

Полноценное высшее образование для девушек не было предусмотрено никакими положениями и уставами Российской империи, хотя и не было запрещено. И все же студентами начала XIX века были сплошь молодые люди. Девушкам даже из высокопоставленных семей дорога к высшему профессиональному образованию была закрыта. Именно поэтому многие способные девушки после окончания Высших женских курсов были вынуждены уезжать за границу, чтобы продолжить свое образование. Большей частью они не возвращались, оставаясь на Западе. Наверное, тогда и сформировалось общественное мнение, что в России – самые красивые и умные женщины. Это мнение сохранилось до сегодняшнего дня, и мы этим гордимся.

И все же для отъезда за границу существовали определенные условия. Чобы легально уехать учиться в Гейдельбергский университет, Софья Ковалевская в свои восемнадцать лет заключила фиктивный брак с В.О. Ковалевским – будущим известным палеонтологом-эволюционистом, геологом и революционером. Этот брак, к счастью, вскоре перешел в обычные семейные отношения, и пара прожила в нем пятнадцать лет, полных любви и согласия. Что касается нашей героини Веры Богдановской, ей тоже было непросто попасть на учебу в Женевский университет – нужно было получить разрешение министра народного просвещения.

Отец Веры Богдановской был профессором Медико-хирургической академии, с 1880 года – академиком. Дворянского, но не богатого рода, в 1861 году он защитил докторскую диссертацию, имел постоянную хирургическую практику. Среди его пациентов были высокопоставленные чиновники, а также С.П. Боткин и Н.А. Некрасов. Семья, где подрастало трое детей, была среднего достатка, живя на профессорскую зарплату. Мама Веры посвятила свою жизнь воспитанию и образованию детей.

В отличие от брата с сестрой Вера обладала изумительными качествами характера: она была очень обязательна и пунктуальна, планируя дела на час, день, неделю вперед, не чуралась никакой работы. Закончив Общество благородных девиц, она поступила на Бестужевские курсы, которые закончила с золотой медалью.

Вера Евстафьевна Богдановская. Один из последних портретов ученого-химика. 1890-е.*

В это время она была увлечена экспериментами в области химии. Многие наши великие химики, включая Д.И. Менделеева, А.М. Бутлерова, Н.А. Меншуткина, преподавали на курсах. Менделеев, вернувшийся после защиты диссертации, не смог сразу получить работу, и Бутлеров уступил ему четверть своей ставки, чтоб тот мог заработать: в те времена зарплата профессора была невысока. Таким образом, учащиеся Бестужевских курсов имели возможность слушать лекции блестящих преподавателей. Например, химию у них преподавал Александр Бородин, которого большинство знает как великого композитора. При этом он был и великим химиком! Это замечательное сочетание профессиональных качеств педагогов было весьма характерно для ведения воспитательного и образовательного процессов того времени.

После окончания курсов В. Богдановская получила право работать только в гимназии, но это ее не устраивало. К этому времени она уже опубликовала несколько работ под руководством Бутлерова, бывшего одним из авторов теории строения органических соединений и прогнозирования реакционной способности этих соединений. Именно эта теория увлекла Веру. Ее направили в Женевский университет, где она

* Фотографии с сайта журнала «Санкт-Петербургский университет».

получила диплом инженера-химика. Вернувшись в 1892 году, она вновь пришла на Высшие женские курсы Санкт-Петербурга, но уже в качестве ассистентки профессора.

Функции ассистента в то время заключались в том, чтобы помогать профессору подготовиться к занятиям – демонстрационным экспериментам, лабораторным работам: речь о преподавании, разумеется, не шла. Но как руководитель Богдановской Бутлеров, весьма ценивший ее способности, доверял ей читать лекции и проводить практические занятия. И Богдановская с этим блестяще справлялась. У нее была хорошо поставленная, весьма аргументированная речь. Студентки любили ее именно за структурированную, логически безупречную подачу материала. После ее лекций не оставалось никаких непонятных мест в этой сложной науке – органической химии. Позднее министр народного просвещения разрешил ей в виде исключения вести полноценное преподавание на курсах. Можно отметить, что с 1890 года Богдановская также являлась преподавателем химии в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства.

Вера Евстафьевна сделала несколько докладов на заседании Русского физико-химического общества, которым руководил Д.И. Менделеев. Материалы получили одобрение, но в России она не могла защитить ученую степень. Поэтому в 1892 году ей пришлось вернуться в Женеву, где она защитила диссертацию, получив диплом доктора химии. Интересно, что разные архивные источники эту степень называют по-разному: «доктор физических наук», «доктор химических наук», «доктор физико-химических наук». Думается, это была просто степень доктора, дающая право преподавания. Сегодня эта англоязычная степень официально приравнивается к российской степени кандидата наук. Однако степень PhD в России не котировалась: диплом, полученный Богдановской в Женевском университете, не приравнивался на родине ни к какому диплому. Поэтому Вера Евстафьевна не могла занять профессорскую кафедру.

Тем не менее, она продолжала преподавать на женских курсах. В это время в Санкт-Петербурге бурлила не только научная, но и общественная жизнь. Это было последнее десятилетие XIX века, время интересное: эпоха интенсивного пробуждения различных общественно-политических процессов, выступления демократически настроенной интеллигенции, молодежи, преддверия тех революций, которые потом потрясут Россию. Русская интеллигенция – художники, писатели, ученые – собирались на квартирах и проводили беседы и диспуты. В течение пятнадцати лет регулярно проходили «менделеевские среды», вдохновителем которых был сам Менделеев. На них часто появлялись художники-передвижники. Известный художник Н.А. Ярошенко, один из руководителей Товарищества передвижных выставок, собирал у себя дома клуб, куда приходили демократически настроенные люди.

Одной из посетительниц такого клуба была и Вера Богдановская. Именно здесь она случайно встретилась с высокоинтеллектуальным человеком, тогда уже вдовствующим полковником артиллерии Яковом Козьмичем Поповым, который был по Военному ведомству прикомандирован к Санкт-Петербургскому патронному заводу. Попов, окончивший Академию генштаба, Артиллерийскую академию, был высокообразованным военным инженером. К этому времени, то есть к 1895 году, перед ним стояла дилемма: или он выходит в отставку в звании полковника и с богатым пенсионом как дворянин, или уезжает на ижевские заводы на должность их начальника – а это генеральская должность.

Сказать, что между ними мгновенно вспыхнуло чувство, нельзя: оба были достаточно взрослыми людьми. Вере было уже 28 лет. По тогдашним российским понятиям, девушка, не вышедшая замуж до двадцати, считалась «перестарком». Родители махнули рукой на то, что дочь никак не обзаведется семьей. Но встреча с полковником была для Веры Евстафиевны судьбоносной – в октябре 1895 года она вышла за него замуж.

Яков Козьмич Попов был дворянского происхождения, на Украине в Черниговской губернии у него было небогатое имение. В год своего назначения он получил чин генерал-майора. Было понятно, что новоиспеченный генерал поедет в Ижевск командовать заводами, и Вера поедет с ним. И тогда встал вопрос: чем же ей там заняться? Ни о какой службе на заводе и тому подобном речь не шла. Поэтому она выразила мужу единственное желание: оборудовать домашнюю лабораторию для проведения химических экспериментов.

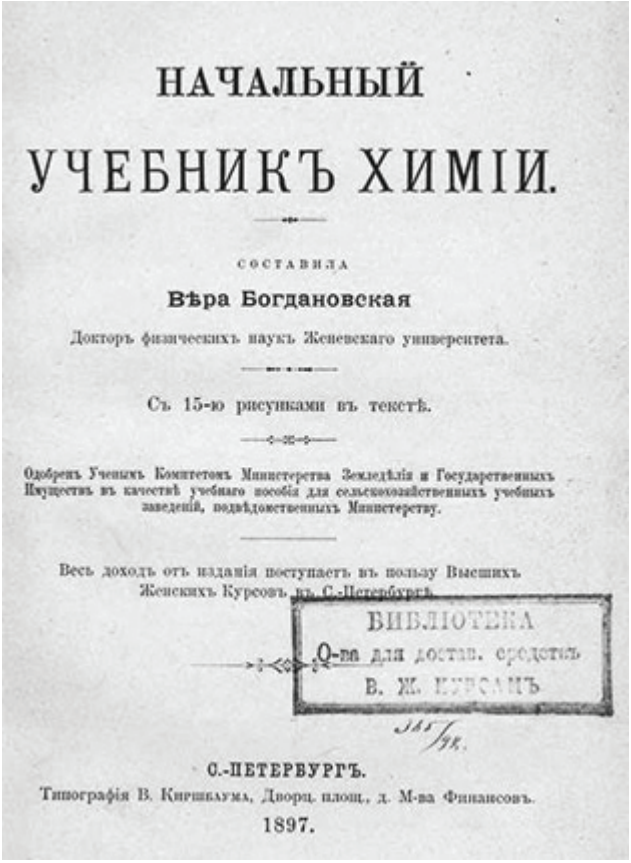
Генерал-майор Попов взялся за это с большой страстью. По свидетельствам очевидцев, он души не чаял в Вере, и будучи старше ее на двадцать три года, испытывал к ней самые нежные и светлые чувства. Был составлен проект этой лаборатории, закуплено оборудование, а реактивы оказались даже лучше тех, которыми располагали Высшие женские курсы и Медико-хирургическая академия.

В некоторых литературных источниках утверждается, что Вера Богдановская была «синим чулком», феминисткой, либералкой – всегда скромно одетой и не интересующейся ничем, кроме науки. Действительно, до поездки в Женевский университет она такой и была – нацеленной только на учебу и поэтому ничего другого в жизни не видевшей. Сильная близорукость заставляла ее носить очки с толстыми линзами. У нее был вид этакой «серой мышки», «синего чулка». Учась в Европе и наблюдая за европейскими женщинами, она вернулась в Россию совершенно иной, ощущая себя по-настоящему привлекательной и даже красивой женщиной. Так оно и было. На фотографии 1895 года совершенно другая Вера, не похожая на ту, что собиралась учиться на Западе. Перед нами видная, элегантная женщина с уверенным взглядом, излучающим энергию.

Итак, молодая семья переехала в Ижевск. В архивных документах сказано: «приехала за мужем и жила в своем имении». Но в Ижевске ни у ее мужа, ни у самой Веры Евстафиевны имения не было – жили они в «Генеральском доме», который был предоставлен начальнику заводов по чину. Дом примыкал к Генеральскому саду (нынешний сад им. М. Горького – *С.Р.*), открытом для посещения простыми людьми и великолепным местом прогулок. Но главное – она увидела, как бурно развивается предприятие, которым руководил Яков Козьмич, и укрепилась в мнении о нужности их двоих на ижевской земле.

Вера Богдановская неоднократно приезжала в Петербург. Как «генеральше» ей разрешили чтение лекций в университете, что не было бы ей позволено, будь она «простым» доктором химии. Имея в Ижевске высокий статус, она не могла официально работать. В домашней лаборатории она и ее помощник продолжали эксперименты с органическим синтезом, что занимало довольно много времени. Кроме того, она занималась общественной деятельностью. Уговорив мужа выделить пятнадцать тысяч на создание фонда помощи детям средних и бедных слоев населения, она спонсировала их обучение в школах, гимназиях не только Ижевска, но и Москвы, и Санкт-Петербурга, и других губернских городов.

Еще будучи гимназисткой, Вера Богдановская писала маленькие рассказы и очерки. Будучи студенткой в Женеве, она писала уже более серьезные произведения. Стоит отметить, что она тщательно скрывала свой литературный дар. Я.К. Попов после ее смерти собрал и издал небольшим тиражом в несколько десятков экземпляров четырехтомник ее сочинений. Один из них хранится в специальном именном шкафу вместе со всей ее домашней химической библиотекой, переданной в дар химической аудитории Бестужевских курсов. Кроме того, Яков Козьмич издал подготовленный Верой учебник по химии, который разошелся большим тиражом, а доход от этого издания отдал курсам.


НАЧАЛЬНЫЙ
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ.

СОСТАВИЛА
Вѣра Богдановская
Докторъ физическихъ наукъ Женевскаго университета.

Съ 15-ю рисунками въ текстѣ.

Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ качествѣ учебнаго пособія для сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству.

Весь доходъ отъ изданія поступаетъ въ пользу Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ С.-Петербургѣ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ
385/98.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1897.

Учебник химии Веры Богдановской 1897 года.

Вера Богдановская пробовала себя и в драматическом жанре, пыталась даже ставить свои пьесы, организовав в Ижевске некое подобие народного театра. Она спонсировала две ижевские гимназии, организовывала различного рода благотворительные мероприятия для сбора средств для детей, нуждающихся в лечении. Именно этой деятельностью она запомнилась как чистый, благородный, бескорыстный человек.

Увлечение ее химическим синтезом продолжалось. В сферу ее интересов попал синтез одного фосфорсодержащего соединения, которое являлось полным аналогом синильной кислоты, в котором азот заменен на фосфор. Ей казалось, что простой обменной реакцией можно вытеснить азот из этого соединения и заменить его фосфором. Она соорудила «реактор», состоящий из двух стеклянных трубок, продублировала, чтобы в случае разрыва хотя бы одна трубка осталась целой. 25 апреля 1896 года во время проведения опыта обе труб-

ки лопнули, и пары фосфора, пары циановодорода ворвались в лабораторию. Вера Евстафьевна получила порезы осколками стеклянных трубок, в порезы попали эти ядовитые вещества. В течение нескольких часов за ее жизнь боролись медики, но она скончалась. Так трагически оборвалась ее короткая жизнь.

Образ Веры Богдановской всегда притягивал к себе тех, кто ее знал. Поэтому столичные газеты поместили некрологи и описание жизни женщины-ученой. К сожалению, ижевские газеты отозвались на это событие скупо.

После гибели жены генерал Попов уже не смог руководить заводами и подал в отставку. Он был страшно подавлен, считая себя виновным в гибели жены, поскольку сам создал эту лабораторию. После отпевания Веры в Александро-Невском соборе он увез ее тело в Черниговскую губернию и, как пишут некоторые архивисты, «положил в хрустальный гроб и создал усыпальницу». В своем имении он установил ее скульптуру, сделанную в Италии.

День его в основном был занят тем, что он уходил на могилу жены и подолгу сидел там. Позднее он увлекся учениями йогов, став, по сути дела, «первым йогом Российской империи». Но, может быть, именно это спасало его от депрессии?..

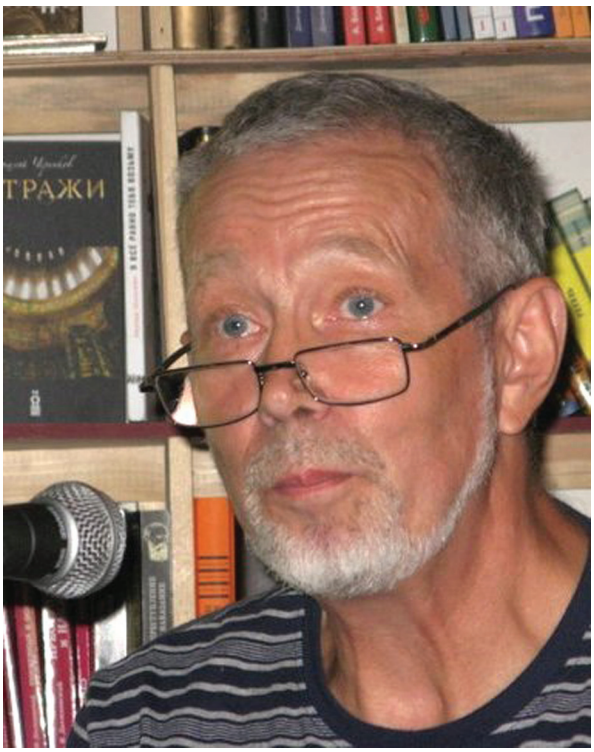
Склеп, в котором была похоронена Вера, был разрушен во время Гражданской войны и разграблен. Скульптура, к счастью, сохранилась и находится сейчас в Сосницком краеведческом музее Черниговской области в Украине.

Траектории жизни и деятельности Веры Богдановской и Софьи Ковалевской в чем-то очень близки. Софья Васильевна прожила более длительную жизнь, достигнув больших успехов в науке и умерев в сорок один год. Но и та, и другая были «продуктами» той эпохи: умные, красивые, интеллектуальные женщины, которые могли бы довольствоваться воспитанием детей, уходом за мужем, ведением домашнего хозяйства, участием в светских раутах. Но эти женщины показали, что общественное предназначение женщины не только в том, чтобы быть женой и матерью – возможна и другая «карьера», другая траектория развития: быть не просто «ученою женщиною», но женщиной-ученой.

Не могу не упомянуть, что решение написать эту статью появилось после длительных бесед с историком-краеведом, ветераном Великой Отечественной войны, деканом исторического факультета Удмуртского университета Александром Александровичем Александровым, ныне покойным. При подготовке статьи использовались материалы журнала «Санкт-Петербургский университет» (№ 3 от 7 марта 2012) и статья Г.В. Мерзляковой «У истоков женского образования» («Женщины российской провинции. Сборник научных трудов». Ижевск, 1997).

НОВЫЕ КНИГИ

Анастасия Чеботаревская. Любовные письма великих. Москва: «Олма», 2013. Анастасия Николаевна Чеботаревская была писательницей, критиком, переводчиком, драматургом, но самое, наверное, главное – она была женой Федора Сологуба – женщиной, о которой Зинаида Гиппиус писала: «Порывистая, впечатлительная, она окружила его атмосферой самого ревнивого поклонения. Слава Сологуба возрастала: никто не думал ее оспаривать, только любящей жене все казалось, что к нему несправедливы, что у него там или здесь враги...». Кто еще мог стать составителем такой книги, как не Чеботаревская, исступленно любившая мужа и покончившая с собой в возрасте сорока пяти лет? В «эпистолярную антологию песен любви» вошли письма Байрона, Бетховена, Вагнера, Вольтера, Гарибальди, Гете, Грибоедова, Гюго, По, Пушкина, Наполеона, Толстого, Тургенева, Флобера, Шиллера, Шумана...



Лев РОДНОВ

журналист,
писатель,
г. Ижевск

АБСУРД И ПРИНЦИП

Перед вами философско-критические заметки по поводу премьеры спектакля «Братья по разуму». Пьесу написал москвич Владимир Малягин, а режиссером-постановщиком в Ижевске стала Марина Кобзиева. Постановка, в которой были заняты свыше двадцати актеров, – ее дипломная работа. В числе прочих я присутствовал на показе. Субъективно замечу сразу же: для меня главный «спектакль» происходил в зрительном зале – «на фоне» сценического действия. И меня как журналиста и писателя эффект «теста публики искусством» весьма заинтересовал: на сцене «играли смыслами», а зрители по старинке хотели уловить «главную идею». Одну, не больше. Они привыкли получать удовлетворение от определенности. Однако времена и скорости жизни вокруг сильно изменились. Бытие – неутомимый жонглер вечности – всегда предлагает живущим усложнить игру и усложниться самим. Ликующий хаос? Да. Хаос вокруг означает торжество степеней свободы. Остаться собой в этой многозначности можно лишь в одном случае: твердо собой владея. Такая банальность. Но, увы. Рабы по-прежнему мечтают «получить право» владеть другими! Рабы иллюзий, рабы косности, рабы страха. В этом смысле различий между зрительным залом и сценой почти нет. Плохой, знаете ли, признак, не слабее заколдованного круга. Русская школа «игры и жизни» вещественна в искусстве и искусственна в жизни: играем правду, живем в роли… Думаю, читающий поймет: не по своей воле приходится ставить слишком много кавычек, дабы взять «вторую производную» от русского языка – его контекстную тишину. Я не театральный критик. Однако избрав амплуа «наблюдателя над наблюдателями», автор нашел немалую пищу для размышлений. Об этом и пойдет речь.

Содержательные вещи одинаково трудны и в своем создании, и при своем прочтении.

Философия – занятие, несомненно, демоническое. Как и игра на сцене. Борьба знаков в мире значимостей. Они сегодня гораздо охотнее находят общий язык друг с другом, нежели с людьми. Люди – порождения знаков, и они ими не управляют. Искусство позволяет имитировать демонические способности. Поэтому искусство имеет совершенно ясный стимул развиваться. И в глубину. И на поверхности.

С какого-то момента удержать эти две дороги в одной человеческой жизни становится невозможно. Мир, поднимаясь или опускаясь, делится на богатых и бедных, прежде всего, в мысли или «в духе», если так кому-то привычнее слышать. Человеческая способность находиться в чем-либо тебя превосходящем или вмещать что-либо тебя превосходящее – это практическое чудо творческих процессов.

Настоящий конфликт всегда закладывается не между человеком и человеком, не между правдой или неправдой, сценой или зрителем, нет, он куда невидимее – конфликт состоит в битве человеческого с нечеловеческим в тебе самом. Кто поможет шагнуть в эту сечу? Побуждающая провокация искусства по сути своей не может быть приятной и рассчитанной на заведомое узнавание.

Замечательную проверку нации на устойчивую преемственность ее коллективной памяти и традиций могут дать обыкновенные виноделы. Присмотримся к хрестоматийным примерам. Как тщательно мастера ухаживают за старым садом и закладывают новый? Какой давности коньяк они пьют сами, как им торгуют и как угощают друзей? Почему они закладывают сегодня бочки, вскрыть которые придется лишь правнукам?..

Не правда ли, какая красивая картина на полотне времени! Человек соотносит себя с жизнью в масштабе столетий! Почему? Потому что он добровольно вкладывается в общую непрерывность, но испытывает от этого абсолютно личное удовлетворение.

Мастера не меряют время лишь собственным веком, их театр – вечность. Это высшая дерзость! Богоподобие проверяется отсутствием времени. И, уж тем более, – временности...

Ах, Русь! Кто твои виноделы? Они варят брагу и пьют ее недозревшей. Так же и с памятью, так же и с прочим «варевом» нашим…

Начало и конец в одном стакане!

Самозабвение – бегство от смысла. (Непрофессиональные актеры на сцене, не зная, что делать с «паузами», то и дело хватались за стакан и бутылку, изображая «русскую брагу» – жизнь без памяти. Зал скептически ухмылялся, но отчетливо понимал, что это – правда).

Мне всегда казалось, что жизнь – занятие профессиональное. То есть без сотворения принципиальной новизны в нем не обойтись. Дилетанты же «новизной» именуют бесконечное перебирание вариантов всего того, что на земле уже есть. Искусство не дает новизны, но подводит к ней. Новизна – это сам человек, а она рождается из его измененного внутреннего мира. Это всего лишь новый взгляд на старые вещи, который, собственно, и позволяет адаптироваться к старому миру по-новому и совершать прежние поступки, но во имя новых знаков и значимостей.

Весь фокус в том, что символы сегодня меняются, как погода. Твердь бытия переместилась в область виртуальную – в мир представлений; ценность вещественного многообразия пала пред ценностью разнообразия смыслового. Земная жизнь на наших глазах перестала быть «плоской» – она теперь «многоэтажная». Поэтому мизансцены будней – прекрасная возможность сходить в гости к новым «соседям по разуму». Чтобы сравнить их игру в жизнь со своей и убедиться в главном: единой правды больше нет. Нас окружает плотный живородящий абсурд, который упорядочивается любым принципом. Истина сделалась персональной. У киллера своя правда, у жертвы – своя. Все безоговорочно правы внутри себя! Абсурд позволяет.

В русской транскрипции понятие «дом» – это семья, работа, проблемы жилья и набор привычек. В культурном понимании дом – это… время! Человек, а точнее сады его интеллекта и души полноценно живут именно во времени, а не в пространстве. В России очень тесное время и слишком огромные пространства. Раздолье для глупцов и мерзавцев!

Выгода перестала пониматься в приложении к столетиям. Только здесь и сейчас! Коллапс смыслов в одном миге – то есть фокус информационных потоков в одном человеке – одинаков и для просвещенного ума, и для цивилизованного дикаря.

Что это означает?

Только одно: окончательное расхождение «скользящего по поверхности» и «уходящего вглубь». Их не примирит даже смерть.

...Действие на нынешних сценах напоминает одноактную жизнь… Что ж, для

каждого из нас раздвинулся однажды непостижимый занавес. И глаза увидели. И слух внял. И тогда разум воспылал желаниями. Того, к чему он был готов. Не более.

Искусство заставляет желать того, чего еще нет и быть не может. Это – вера, соблазнение логики на поход в мир абсурда.

Так строится театр абсурда по имени Жизнь. Если, конечно, исходить из того, что жизнь абсурдна сама по себе. Повторюсь, упорядочивают ее лишь принципы – бесконечное количество отдельно взятых истин. До недавнего времени было очень удобно: один человек – одна истина. Поэтому правители старались сделать «всех, как один». Но что-то вдруг изменилось: человек вроде бы тот же, да «истин» в нем – много. Откуда бы?! Большой абсурд породил свое отражение.

Игры в вещи и слова слишком примитивны по сравнению с игрой в принципы. Они, они – принципы! – набор компасов внутри каждого из нас. И каждый показывает в свою сторону.

Свое мнение, похожее на завуалированный приговор, дала женщина, подошедшая ко мне после спектакля: «Было интересно. Но я ничего не поняла». Это очень хорошая оценка, на мой взгляд. Потому что – самооценка. Так и напрашивается сочинить притчу. О жонглере, у которого часто спрашивали: «Какой шарик самый главный?». А грустный жонглер отвечал: «Тот, что вы держите, не выпуская…».

Спектакль ослабил в зрителях привычный «хватательный рефлекс» разума. И это его изумило.

Хаос – жонглер. Он подбрасывает в никуда все принципы разом и не ловит ни одного. Ловят их люди. И уже не выпускают. Так строится в океане абсурда «обитаемый остров» смыслов и значений.

Абсурд вечен, как истина! Поэтому его нельзя узаконить. Принцип же всегда относителен. Чья-то правда, к примеру, – следовать только фактам, чья-то – только лгать. Обе «правды» равноценны… Все, абсолютно все – святые и преступники, торговцы и их жертвы, алкоголики и профессура, студенты и старики – все теперь правы! Каждый служит лишь своему собственному принципу. Этот балаган действующих значимостей окружает Абсурд – апофеоз демократии.

На полях следует обязательно заметить, что слишком жестко регламентированная внешняя жизнь, подчиненная тотальному контролю, драконовским проверкам и соблюдению подавляющих правил, нескончаемым ревизиям, вообще происходящая в какой-либо стране Неусыпного Ока, имеет прямо противоположный результат в устройстве внутреннего мира человека – абсурд внутри, свободу, лишенную правил.

Диссиденты среди «незыблемости» неизбежны. Игра многими смыслами в чреве доминирующей, данной раз и навсегда «истины» опасна: «определившиеся» постараются уничтожить «неопределенных». В русской традиции определенность всегда неподвижна, статична, как застывший кусок льда. Жизнь, доведенная до конца, «замороженным» кажется наиболее понятной. Хаос внутри застывших короток и бессилен, поэтому он сверх разумного обожает «вечные» символы в своем реальном окружении: памятники и насильственное самозомбирование – жизнь «на веру».

…Русская познавательная школа воспитана на подражании. Этим она отличается от первоисточников так же, как оригинал от оригинальничания.

Ситуация перманентного абсурда вокруг не служит и не может служить гражданской социоплощадкой, универсальным субстантом, который бы примирил непримиримые внутренние принципы по-русски. Гражданская война не делает людей гражданами, она разделяет их на враждующих патриотов. Многовековая социальная и духовная гангрена в России воспитала изнаночную гордость людей – кичливость от убогости. Что ж, подражающие всегда спорят друг с другом. В русском варианте – насмерть.

Печальный феномен России именно в этом – дети ее жизненных сцен внегражданственны. Истерия какого-либо внушенного патриотизма не в счет.

Принципы жизни – а их ровно столько, сколько существует людей на земле, – могут существовать бесконфликтно лишь внутри Суперпринципа – единого общественного самосознания. Никакая копия, никакой экспорт идей и принципов извне не смогут решить эту задачу. Они лишь добавят жару в горнило непрекращающейся русской гражданской войны – физической, духовной, интеллектуальной. Суперпринцип – это государство. Его-то на Руси и нет. И не бывало никогда!

Пусто место замещают (вахтовым методом) инквизиция, надзиратель, чужая власть, спекулятивная доктрина. Чуда не будет, надеяться не на что. Верить в Россию – это позитивное суеверие; последнее, что остается для вечно обманутых.

Плоскость уловленных смыслов – карта мещанских представлений. В любом случае она обширна, но не глубока и даже низка. В России обожают натуральную силу. Пошлые шутки. Сальности. Черный юмор. Мертвых героев и овцеподобный народ. Просто когда нет ничего другого, душа питается падалью либо промышляет каннибализмом. А чего у нас нет-то? Того, что презираемо: разумной жизни. Одинокие интеллектуалы-подвижники не представляют для нации ценность. Ибо некому их оценить. Пустынь! Без развитой промежуточной среды – собственной цивилизации – невозможно, например, обменять высшие человеческие ценности на ценности материального мира. Культурная пропасть непреодолима. Этот страшный ров между небом и землей в России неоднократно пытались завалить трупами врагов, а за недостатком врагов заваливали собственными.

Что делать с выскочками? До недавнего времени их травили и расстреливали. Сегодня – покупают, предварительно научив их продаваться. Абсурд на земле интенсивно иссякает. Регламент и мода сопрягают ныне живущих до техногенной точности. На кого надеяться? Кто внедрит новые принципы? Случится ли апокалиптичное вторжение превосходящего природно-космического Абсурда в окаменевающий хаос землян?

Можно бесконечно живописать Россию, представляя ее в картинках. Но неизбежно приходится повторяться, описывая ее «по вертикали» – в действующих принципах.

Вертикальный путь собственного развития здесь очень узок, он больше напоминает спелеологический лаз с этого света на тот. Отчаянные смельчаки прорываются из мира в мир дорогой ценой, а тело родины-матери слишком уж дородно и лениво – век за веком ему и плашмя хорошо.

Вокруг и внутри русского абсурда есть что понимать. Беда состоит в том, что – нечем. Жонглеры – без рук, зрители – без голов…

Вы замечали, что сочинительство в России отстает от кувыркающейся реальности? Что бы ни сочинил разум писателя – действительность круче. Я имею в виду принципы. Две сотни миллионов принципов на одну страну! И – ни одного повторяющегося. Представления о правилах жизни в России индивидуальны, поэтому-то и воспета любая убогая соборность. Личные представления! Личные правила! Неповторимый, как отпечатки рук, индивидуальный узор ума и действий. Индивидуальность, возведенная в практический абсолют. По эклектичному сочетанию принципов и желаний (*я хочу, я знаю, я верю, я полагаю и т.д.*) в одном человеке его безошибочно можно идентифицировать: натура – коктейль? Из России!

О! Открывается занавес жизни… И всюду рассыпаны, словно пазлы, кусочки общей картины русского бытия. Как их собрать? И каков изначальный образец? Каков замысел? Никто не знает… Общей картины не существует. Однако сами по себе пазлы так устроены, что могут складываться и без замысла, хаотично, как придется. Смысл жизни «просто так» – соединение разрозненных частей, а не стремление к общей картине. Аллегория понятна: пазлы – это отдельные судьбы, а общая картина – образ жизни нации. Вот этого-то у нас и нет. После разрушений-потрясений собираем всегда с чужого образца.

Лишь иногда отдельные энтузиасты на бесконечном просторе русской смысловой целины вроде бы и соберут нечто свое, и призовут внимание сограждан… Да тряхнет в этот момент стол русских представлений, и рассыплется все опять на элементарное. И народятся новые дурачки, которые вновь будут собирать себя с себе подобными. И так – до следующего «смыслотрясения».

А расторопные управители быстро найдут очередной заемный образец для подражания: «Складываемся!». Так нас и мнут: то в картину варягов и византийской веры, то в картину французской моды, то стилизуют под немецкие идеи, то «затачивают» под американский порядок. Своей собственной картины (идейной константы, устойчивого образа жизни, собственного культурного зерна) ни одна местная память не имеет.

Личные принципы – пазл с вырезами. Собрали-разобрали. Абсурд не нуждается в общем замысле.

Таков и театр в этих местах, он ничем не отличается от жизни. И если мир в России продолжается долго, то на ее огромном полотне бытия образуются оазисы первокультуры, «пятна подобий» – общественные школы, течения, явления. И это – предел возможного. Ведь все равно «тряхнет». В России «одноразовая» не только индивидуальная человеческая жизнь, но и ее смысл.

Всеобщая жажда потрясений – процесс самонарастающий. Чтобы можно было вечно начинающим начинать с начала… Начинать с начала, начинать с начала… Да не со своего собственного. Радость неудачников-пазлостроителей прячется в надежде на новую попытку: свою собственную

или даже потомков. А это и есть разрушение предшествующего, полное и безжалостное смешение уже существующей логики и успехов. Начинание с нуля кормит торопливое воображение щедрее, чем повседневный труд.

Надеяться, что однажды добрый дядя или святая сказочная сила поставят-таки перед русскими саморазрушителями окончательную картину гармоничного бытия, глупо – эти надежды никогда не сбудутся.

В индивидуальной пластичности русских таится огромный потенциал совершенно другого рода: по одиночке русские «сложатся» с кем угодно и где угодно!

Мир становится универсальным и относительно открытым для новых контактов. А «касса» русских пазлов полна! И каждый хорошо знает блестящие примеры «самоподгонки» среди тех, кто «изменил себя, чтобы быть *там*». В ином примере. Была бы картина! А свое место в чужом полотне «русский пазл» всегда найдет.

Ох, занавес, занавес! Надолго ли ты раздвинулся? И кто потянет за веревочку в конце действия? Кто приведет в движение твои колосники, чтобы закрыть его навсегда? Смотрит актеришка в непонимании: «Для меня этот занавес падает или для всех сразу?!».

Сегодня – эпоха тотальных имитаций и помпезных копий того, что уже было. Я бы создал для «нашего человека» классификацию типов. Их всего четыре. Первое: те, кто думают, что они думают. Второе: те, кто верят, что они верят. Третье: те, кто верят, что думают. Четвертое: те, кто думают, что верят. Этого набора достаточно, чтобы «наши» чувствовали свою планетарную исключительность.

Ах, занавес, занавес! Кого от кого он отделяет? Где мнимое, а где настоящее? Актеры играют роль. Зрители ищут идею. Одну идею, которая бы с ними поиграла. Ни те, ни другие не видят, что идей много, и с удовольствием играют между собой. Люди им не нужны. Спектакль жизни, конечно, должен быть правдивым. Но на сцене он не должен копировать правду. Этим отличается искусство людей от искусства абсурда – искусства природы и эволюции. У правды и лжи один общий враг – это фальшь. Только она, фальшь, несовместима с принципами. Все остальное друг с другом быть – может. Гармонию мира, скорее всего, не интересует, в какой цвет окрашены гирьки на ее золотых весах. Черные или белые, добрые или злые. Лишь бы их вес соответствовал заявленной величине. А то не получится красивого представления у Жонглера; все шарики в его руках должны быть одной породы.

НОВЫЕ КНИГИ

Наталья Макарова. Биография в танце. Москва: «Артист. Режиссер. Театр», 2011. Красавица Наташа Макарова была звездой Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, пока во время гастролей театра в Великобритании в 1970 году не попросила политического убежища. С тех пор она танцевала в составе лучших трупп и на лучших подмостках Америки и Европы. «Невозвращенка» вернулась на Родину в 1988 году и успела выступить на сцене родного театра, прежде чем совсем оставить профессию. И все-таки главный герой книги Макаровой – танец. Великая русская балерина рассказывает о подготовке ролей, партнерах и балетмейстерах, с которыми ей приходилось работать за долгую сценическую жизнь.

Мария ПЕРЕВОЩИКОВА

ветеран труда,
г. Ижевск

«ПЕСНЯ НЕ ПРОЩАЕТСЯ С ТОБОЙ...»

Профессию юриста Юрий Германович Явкин получил в Удмуртском государственном университете. Желание работать в правоохранительных органах соответствовало его представлениям о нравственности, честности, справедливости. Работал следователем, заместителем прокурора, сегодня трудится в Следственном управлении Следственного Комитета России по Удмуртской Республике.

Окончил ижевскую музыкальную школу № 2 по классу фортепиано, любил петь в хоре, охотно выступал на школьных вечерах. Уже в годы учебы в университете Юрий Германович все яснее ощущал, что из радиоэфира и с телевизионных каналов стала постепенно исчезать серьезная музыка. На смену советской музыкальной эстраде, которая всегда отличалась содержательностью и красотой, пришла эстрада, качество которой определялось шоу-бизнесом, и почти совсем пропала хоровая песня.

В 1997 году написал первое музыкальное произведение для хора. А весной 1998 года его песни впервые прозвучали со сцены Республиканской филармонии на концерте для ветеранов войны и труда.

За прошедшие пятнадцать лет Юрий Явкин написал более ста сорока песен. Это песни на слова известных поэтов советского времени: «В теплушке» и «Солдаты» А. Прокофьева, «Версты России» и «Похоронки» В. Фирсова. Обращается композитор и к творчеству поэтов родного края: песни «О родной земле» на стихи Ф. Васильева, «Русь славянская» и «Казачество» на стихи Н. Мрыхина. Совместно с поэтом из рабочих Сергеем Белоусовым Юрий Германович создает «Вальс трудового Ижевска» и песню «Навеки с Россией».

На заключительном концерте фестиваля «Мужское певческое братство» в феврале 2013 года песня «Навеки с Россией» была исполнена сводным хором наряду со всемирно известными песнями «Веселый ветер» И. Дунаевского и «Если бы парни всей земли» В. Соловьева-Седого в сопровождении духового оркестра «Арсенал-Бэнд». Состав сводного хора был огромен – не менее двухсот человек: от самых маленьких певцов до пожилых. До отказа заполненный зал Театра оперы и балета республики был охвачен всепоглощающими чувствами: любви, радости, гордости, торжества и счастья. Зал подпевал, аплодировал, улыбался и даже плакал, испытывая мощное эмоциональное воздействие песен.

Песни Юрия Германовича поют хоровые коллективы школ искусств, капелла мальчиков и юношей «Ингур», хоры общеобразовательных школ. Его произведения исполняются профессиональными артистами и коллективами: заслуженным артистом Удмуртской Республики Рашидом Бигашевым, солисткой Удмуртской государственной филармонии Вероникой Пушиной, Ижевским муниципальным камерным хором имени П.И. Чайковского, оркестрами «Арсенал-Бэнд» и «Золотая мелодия». Песни Юрия Явкина вышли за пределы нашего города и республики. В 2008 году на Всероссийском хоровом фестивале имени Л.К. Си-

вухина в Нижнем Новгороде, на Фестивале славянской культуры в Подмосковье слушателями была восторженно встречена его песня «В теплушке» на слова поэта Александра Прокофьева. К этой песне был проявлен особый интерес слушателей, многие просили ноты и слова. Разлетаются по свету, как птицы из гнезда, хорошие стихи и песни.

Композитор бескорыстно и с большой отдачей сотрудничает с исполнителями, детскими коллективами, оказывая поддержку и помощь в подготовке концертов, давая советы, консультируя. Юрий Германович вместе с юными артистами школ искусств выезжает в приюты, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, детские дома. Гости проводят благотворительные концерты, дарят детям игрушки и книги.

Юрий Явкин – хороший организатор просветительской и благотворительной работы. С мая 2006 года он дал пять больших авторских концертов: в 2008 году – концерт патриотической песни, в 2010-м – хоровой фестиваль «Все, что сердцу дорого», посвященный творчеству композитора Ю. Чичкова, в 2012 году – концерт советской песни «Далекая и близкая», где хоровыми коллективами и солистами города исполнялись песни Кабалевского, Колмановского, Баснера, Пахмутовой, Дубравина, Крылатова и многих других советских композиторов, которые нынче практически не звучат ни на радио, ни по телевидению.

В конце января 2013 года состоялся очередной авторский концерт талантливого композитора, собравший в Республиканском музыкальном колледже большое число участников и зрителей. «О родной земле» – такова была его тема. Концерт получил свое название от нового произведения Юрия Явкина – песни «О родной земле» на слова удмуртского классика Флора Васильева. Она прозвучала как премьера в исполнении хора мальчиков и юношей «Виват» детской школы искусств № 8. Каждый зритель почувствовал в те минуты магическую силу искусства. Богатство содержания песни, величавость и красота ее мелодии, подтянутость мальчиков в строгой концертной форме, их вдохновенное пение – все это трогало до глубины души. Концерт получился ярким и надолго запомнится. Звучали знакомые произведения, но все же преобладали новые: о родном крае, его красоте, городе Ижевске.

В песне на слова Г. Прониной «Дом на Молодежной» поется о волшебном доме, дверь в который «откроют вам скрипичные ключи». Песня «Италмас» на стихи рабочего поэта В. Илюшина проникнута искренней любовью к родной Удмуртии. Песня на стихи талантливой поэтессы Анны Вериной – о том, как бесконечно дорога человеку память о малой родине, о тех местах, «где детства звенят бубенцы», где «центр притяженья земного, какой-то неведомый светлый магнит». Эти строки не могли оставить равнодушными слушателей. Они были по-настоящему очарованы песнями «Когда мы вернемся» на стихи Ю. Визбора и «Сестре милосердия» на стихи В. Севрюкова.

Интересна история рождения песни «Сестре милосердия». Участник Великой Отечественной войны Владимир Севрюков, находившийся в госпитале после ранения, в благодарность написал стихи и посвятил их медсестре. Они долго хранились в домашнем архиве. Сын солдата обратился к композитору с просьбой написать песню. Не сразу она родилась, долго вызревала. Зал с замиранием сердца слушал ее в исполнении Артема Князева – лауреата конкурса «Зори Отечества», ежегодно проводимого в Ижевске. В зале был и сын солдата Владимира Севрюкова Олег. Зал горячо благодарил и певца, и композитора.

В концерте прозвучала песня «Учитель», посвященная Георгию Александровичу Струве. Музыкальная общественность России широко отметила 80-летие со дня рождения выдающегося педагога и композитора, беззаветно служившего музыке. Юрий Явкин в качестве почетного гостя был приглашен на празднование юбилея в Москву. Коллективы детской хоровой студии, ее выпускники и гости собрались в стенах Московской консерватории, чтобы отдать дань уважения Учителю. К этому событию композитором была написана песня «Учитель» на стихи Людмилы Явкиной. На авторском концерте она была исполнена ансамблем девочек школы искусств № 3.

Вечер закончился выступлением капеллы мальчиков и юношей «Ингур», уже справедливо получившей зрительское признание. Руководитель капеллы заслуженный деятель культуры Валерий Яковлевич Митрофанов хорошо понимает стремления и благотворные порывы талантливого музыканта и во всем его поддерживает.

Слушаешь и любуешься тем, как искренне и эмоционально поют дети, как слаженно их пение, как чувствуют они дирижера, как глубоко и сильно любят они музыку. Нет сомнения, что они вырастут духовно красивыми и, смею надеяться, счастливыми людьми: рядом с ними живут и работают замечательные педагоги, настоящие мастера своего дела.

Лариса ЛОГУНЦОВА

учитель
русского языка и литературы,
с. Шаркан, Удмуртия

«ПЫЛЬЦА ПРОСТЫХ ИСТОРИЙ...»

Ни дуновенья ветерка.
Природа замерла в тиши.
Ленивый гром издалека
Слегка волнует камыши.

Примолкли птичьи голоса,
Тревогой дышит море ржи,
Бросая вызов небесам,
Над полем мечутся стрижи...

Юрий Соловьев

Сколько вычурных поз,
Сколько сломанных роз,
Сколько мук, и проклятий, и слез!

Как сияют венцы!
Как банальны концы!
Как мы все в наших чувствах глупцы!..

Александр Вертинский

«Я в желтом платье». *Художник Александра Емельянова.*
С выставки в галерее «Арфа» Камского института технологий.

Город. *Фоторабота Ивана Кузнецова, г. Санкт-Петербург.*